Ник
ПЕРУМОВ
Гибель Богов–2
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
АСГАРД ВОЗРОЖДЁННЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Врата царства мёртвых взломаны. Древний Бог Один и его дочь, валькирия Райна, сумели пробить дорогу к новой жизни для павших на Боргильдовом Поле асов и асинь. Однако это необратимо нарушает равновесие, и Новому Богу Хедину приходится приложить все усилия, чтобы «вернуть всё, как было». Но у противостоящих ему сил совсем иные планы: загадочные Дальние подталкивают Одина к открытой войне с Хедином, Хаос тянет лапы к талантливой юной чародейке Сильвии Нагваль, а непостижимые столпы Третьей Силы, великие духи Орлангур и Демогоргон ведут, похоже, свою собственную игру, не понятную ни для кого, кроме них самих.

Кому можно доверять? Хедину предстоит тяжкий выбор, и ошибка может стоить бытия самой вселенной.

- Ник Перумов
  -
  - Пролог
  - Глава I
  - Интерлюдия 1
  - Глава II
  - Интерлюдия 2
  - Глава III
  - Интерлюдия 3
  - Глава IV
  - Интерлюдия 4
  - Глава V
  - Интерлюдия 5
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

Ник Перумов
Гибель Богов-2. Книга четвертая. Асгард Возрождённый

© Перумов Н., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог
Мера за меру

Верить в неизбежность воздаяния и возмездия – очень хорошо, удобно и полезно. Для всех – сильных мира сего и слабых; вознесённых удачей, судьбой, трудом – и тех, кто так и пребывает в безвестности, нищете, бесславии. Не удалось отомстить на земле – не бойся, грозные боги подземных царств всё припомнят твоему обидчику, на то ведь они и боги.

Но случается так, что казавшиеся вечными боги исчезают бесследно, а вместе с ними и надежда на справедливость.

И вот тогда оказывается, что слабые и робкие, веками находившие утешение, веруя, что за смертной дверью каждому воздастся по делам его, вовсе не так уж слабы и не так робки.

Отними у человека надежду, и он сделается опаснее медведя-шатуна или бешеного волка-одиночки.

Вампир Ан-Авагар вновь стоял на сумрачных равнинах Гнипахеллира. Неупокоенных душ скопилось уже очень, очень много – и они не молчали. Тоскливые заунывные вопли оглашали ночь, белые тени беспорядочно влеклись то в одну сторону, то в другую, без смысла и цели. Серые волны катились сквозь мрак, и даже звёзды, казалось, глядели на них со скорбью и жалостью.

Их никто не прибрал, не призрел; никто не отвёл к месту последнего упокоения. Брошенные на произвол судьбы, они только и могли, что оглашать ночь бессильными жалобами; но ни Спаситель, ни Демогоргон, ни даже местные тёмные божки, буде таковые тут ещё оставались, не торопились предъявить на мёртвых свои права.

И это было странно, очень странно.

Ан-Авагар сердито закусил губу.

Великий Хедин тоном, не терпящим возражений, отправил вампира сюда, в Хьёрвард, собрать неприкаянные души и отвести их в залы Хель, как звалось местное царство мёртвых. Познавший Тьму был совершенно прав – неупокоенные готовы были вот-вот обрушиться на живых, обратившись в сгустки ненавидящей всё и вся полуразумной, донельзя голодной силы.

Однако он, Ан-Авагар, конечно, способен будить от долгого сна погосты, выпуская на волю дикие стада неупокоенных, – но направить на путь, повести за собой Чёрным Трактом орды и орды бесприютных духов?..

«Великий Хедин поистине верит в тебя, вампир, – вдруг пришла холодная мысль. – Он считает тебя достаточно сильным.

И такое – тоже удел лишь сильных. Слабые завистливы к чужой мощи и способностям. Они никогда не признают за чужаком достоинства или тем более превосходства.

О да, конечно, великий Хедин может *казаться* слабым. Может *притворяться* слабым – но всё это лишь часть его плана, несомненно, глубочайшего, всесторонне продуманного и полного ловушек для тех наивных глупцов, что увидят в его хитрости истинную нерешительность или, тем паче, нехватку силы.

Не-ет, – подумал вампир, – надо держаться Познавшего Тьму. Он, конечно, не шибко любит вампиров – хотя, собственно говоря, кто нас любит? – так что это никак не недостаток, скорее общее место».

Однако все эти ламентации и мелодекламации никак не приближали Ан-Авагара к главной цели, ради которой его и отправил сюда всемогущий владыка Хедин. И как приступить к ней, к этой цели, вампир не имел ни малейшего понятия.

– Вот уж никогда б не подумал, – проворчал он вслух на своём исконном языке, на том наречии, что было родным и для Эйвилль, – никогда б не подумал, что стану *спасать* смертных! И от кого – от своих же, можно сказать, почти сородичей!

Вампиру было страшно. «Ну, да, – признался он себе наконец. – Я боюсь. Гнева Хедина. Мордрагу он, помнится, заехал по физиономии сапогом, клык один сломал – когда тот, безумец, попросил у него пресловутой «крови богов», крови, которой Хедин поделился с умиравшей Эйвилль, спасая её. Бедняга Мордраг тогда чуть не лишился рассудка, околачиваясь слишком близко к шатру Познавшего Тьму, ну и… *нанюхался*, как говаривают гномы.

За что и получил, по заслугам, несомненно. Всякий, кто получает, получает по заслугам», – самодовольно подумал вампир, гордясь собственными рассуждениями.

Но рассуждения рассуждениями, однако они ни на полпальца не приближали его к решению – как собрать елико возможно неупокоенных душ и направить их по Чёрному Тракту. Там, внизу, в царстве Хель, должно быть, ещё оставались те, что примут души усопших и распорядятся обычным манером; но вот как доставить эти души туда?

Тянуть дальше было уже нечего. Ан-Авагар совсем по-человечески вздохнул, беспомощно озирая пустую, залитую мраком равнину. Луна утонула в тучах, света проглядывавших в прорехи облачного покрывала звёзд не хватало. Впрочем, обычного зрения вампиру и не требовалось.

Он невольно вспомнил, как «позвал» старый погост в том далёком и странном мире, где его поймали на крючок

«Наблюдающие». Ан-Авагар имел теперь свои соображения насчёт как их природы, так и планов в отношении себя, но старался об этом даже не думать. Бесполезно – всё, что в его силах, он уже сделал.

Да, заклятие у него тогда получилось просто на загляденье. Хотя Клара Хюммель, конечно, его б не одобрила. Совсем бы не одобрила. Ан-Авагар вздохнул – перед глазами вновь появилась неукротимая волшебница, одетая по-мужски, в куртку, полусвободные порты, высокие сапоги, с девичьи-толстой косой, переброшенной на грудь, несмотря на замужество и детей.

«Эх, Клара-Клара, почему же о тебе думается всё чаще и чаще? Не о радостях охоты, преследования, не о лакомом предсмертном ужасе дичи, обречённой быть выпитой насухо, даже не о радостях плоти – с той же добычей, перед тем как выпить, – а о строгих глазах странной чародейки, её взгляде, гневном, взыскующем, и в то же время…»

Что в нём виделось? Женский интерес к нему, Ан-Авагару, разбившему немало сердец и при жизни, и после смерти? В конце концов, он куда как недурён собой и…

«Не ври себе», – сказал кто-то холодно и насмешливо. Вампир аж подпрыгнул от неожиданности – но нет, никого, никакие не Наблюдающие; это он сам, только он сам.

«Конечно, не шибко-то привычно говорить правду, даже себе самому? Ты для неё никто, так, временный союзник, когда понадобилось спасать её драгоценных односельчан. Она благородна и не выказала своего отвращения к тебе, вот и всё. А так… не обманывай себя, вампир. Для Клары Хюммель ты нежить и нечисть, враг рода человеческого, случайно оказавшийся ей полезен. На короткое время. И даже сейчас, после того, как вы с ней бились бок о бок, она не колеблясь вгонит тебе в шею свою наговорную шпагу с магическими рубинами, едва завидев тебя пьющим кровь какой-нибудь тупой пейзанки, вся ценность каковой, собственно, в том и заключена – служить пищей таким, как ты, Ан-Авагар, то есть сильным».

Кто-то из этих сильных будет отбирать у неграмотной дочки пахаря её хлеб, её курицу или корову. Кто-то выманит последний грошик, обманув дешёвым поддельным колечком. Кто-то заставит, ссылаясь на «право первой ночи», разделить с собой ложе. Кто-то просто отхлещет вожжами или кнутом, потому что ему или ей так захочется.

Чем они лучше его, Ан-Авагара? В конце концов, если он не выпьет жертву досуха, она останется жива; будет болеть, да, но поправится – если, конечно, он не станет устраивать ей регулярные кровопускания, за которыми придут слабость,

постоянная усталость и, наконец, сон, переходящий в смерть.

Так чем же он хуже? Мир несправедлив и жесток, каждый бьётся за собственное место в нём, убивает, чтобы не быть убитым. Чародейка Клара не может этого не понимать. Никак не может!

Прежний Ан-Авагар тут бы и остановился в своих рассуждениях. Новый, родившийся в дикой схватке с им же вызванными неупокоенными на улочках Поколя, когда Клара Хюммель сражалась с ним плечом к плечу, пошёл, однако, дальше.

Все, кто обманывает, отнимает, избивает или даже насилует, не поднимали мёртвых из могил, натравливая их на живых.

– У меня имелись серьёзные основания! – пискнул Ан-Авагар и сам же оборвал себя.

«У тебя были основания, да. Истинный вампир просто сказал бы «это нужно мне, это хорошо для меня, а все остальные меня волнуют лишь в той степени, насколько это для меня же и важно». У Ан-Авагара так думать больше не получалось.

Он напустил мёртвых на живых, и этим всё сказано.

Конечно, другие «сильные», отнимавшие, грабившие, вынуждавшие работать на себя, убивали тоже. Кто быстро – подавляя бунт или просто для удовольствия; кто медленно – непосильным трудом, голодовками, холодом, но исход выходил один. Они убивали, так же как и он. Так почему же сейчас он наговаривает на себя? Чем другие способы убийства лучше тех, что довелось использовать ему? Итог от этого не менялся.

Нет, конечно, можно сказать, что умереть от голода куда легче, чем быть разорванным на куски жадными до плоти и крови мертвяками; но…

Нет. Никаких «но». «Прекрати юлить и оправдываться, Ан-Авагар. В конце концов, это недостойно твоей истинной расы, расы победителей и повелителей».

Вампир сердито сжал кулаки. Ночь катилась быстро, а в голову ему так и не пришло ни одной дельной мысли. Да тут ещё и Клара – совсем некстати. Думай, Ан-Авагар, много думай, думай прямо сейчас! Может, он и сможет увлечь за собой малую толику бесприютных душ, но требовалось-то много, много больше!

Что у него есть? Есть его пресловутый «зов», которым он подъял древнее кладбище возле Поколя, выпуская неупокоенных на волю, но не подчиняя их себе целиком и полностью. Потом, когда уже начался бой в самом селении, когда призрак девушки по имени Иссор попросил Ан-Авагара помочь против его же собственных миньонов, вампиру удалось повести за собой часть

оживших мертвецов, однако далеко не всех и даже не большинство; да и подчинялись они ему весьма неохотно. И это те самые зомби или скелеты, что должны были слушаться его беспрекословно, ибо именно он подъял их из могил!

– Этак стоючи дела не сделаешь, – сердито проворчал вампир, отгоняя образ Клары.

Он попытался «позвать». Благо вампирьего рода, особенно его лучших и сильнейших представителей (к коим не без самодовольства относил себя Ан-Авагар), что для этого им не требовались никакие некромагические ритуалы. Чародеям-людям приходилось вычерчивать сложные магические фигуры, ждать удачного сочетания звёзд, тратить редкие, порой даже редчайшие ингредиенты, составлять – и зачитывать вслух – длиннейшие вокабулы, инкантации, где малейший сбой в произношении или интонации означал крах всего ритуала и зачастую бесплатный обед в виде самогó незадачливого чародея, что попадал на зубок голодным мертвякам.

Бессмысленно кружившие вокруг вампира бледные тени дрогнули, медленно потянулись к нему, протягивая бестелесные руки, сейчас казавшиеся пустыми рукавами просторных одеяний. Угрозы для уже мёртвого вампира они являть не могли, и всё-таки Ан-Авагар поёжился. Из глубин памяти поднималось, казалось бы, напрочь забытое – страх перед нежитью и отвращение к ней, что испытывал некогда молодой и лихой охотник лесного клана Перворождённых по имени Аннээнэль Авагарро.

Имя Ан-Авагар ему дала Эйвилль.

– Цып-цып-цып… – неожиданно для самого себя прошептал вампир.

Он звал. Человеческое ухо не различило бы ни слов, ни звуков, самому Ан-Авагару казалось, что он тянет длинную руладу низких, басовых нот. Когда-то давно, в дни обучения, Эйвилль говорила, что это якобы один из древнейших языков Упорядоченного, родившийся чуть ли не с первыми живыми существами, наделёнными речью. Праязык этот и поныне имеет власть над плотью, даже мёртвой, даже если это – невещественная «плоть» души.

Так или иначе, клич Ан-Авагара действовал. Полдюжины, десяток, два, три – души устремлялись к нему, и сперва вампир даже подумал, что он, похоже, зря боялся – пригодилось и сработало самое простое из его некромагического арсенала.

Число душ росло, и с ним, однако, начинало расти и новое, неведомое Ан-Авагару ощущение – родившееся в груди, там, где сердце, оно медленно расползалось по плечам и рукам,

опускалось к бёдрам – колючий и морозный холод, обжигающий давно мёртвую плоть вампира подобно пламени.

Что это? Откуда? И почему так давит на плечи, словно на Ан-Авагара одну за другой навьючивали глыбы, выпиленные из цельного льда? Вампир попытался перекинуться и взлететь, резко оборвав заклинание – получилось, тяжесть исчезла, души закружились на месте, словно в растерянности.

«Так не пойдёт», – мысленно скривился Ан-Авагар, опускаясь обратно наземь. Простые заклятия не работали, и, что называется, с налёта подчинить себе всё это множество бесприютных душ у него не получалось. «Наверное, – пришла досадная мысль, – тут и впрямь надо быть богом. Хоть немного, но богом».

Души вновь кружились вокруг него, но теперь ему казалось: он слышит их немой крик. Множество голосов тянуло одно-единственное слово, хоть и на разных языках Большого Хьёрварда:

– Кровь.

Так, наверное, зудят комары.

Вампир вздохнул и принялся чертить магическую фигуру. В конце концов, всякий из его племени заткнёт за пояс любого некроманта-человека.

Мёртвые на Гнипахеллире ждали.

Глава I
Исход Древних Богов

– Пришло твоё время, племянник, – сказал великий Óдин, Отец Богов и Дружин, Ас Воронов, владыка Асгарда, носитель Гунгнира и прочая, и прочая, и прочая.

Глубоко за самыми потаёнными мирами Упорядоченного, возле врат запретного для живых домена Духа Соборной Души, Демогоргона, – вскипала невиданная битва.

Уже сражался, собрав на себя полчища неупокоенных духов, Водитель Мёртвых Яргохор, он же бывший Молодой Бог Ястир из забытых времён, из эпохи ещё до Первого Дня Гнева; а сейчас к бою готовился и чудовищный волк Фенрир, сын бога Локи и великанши Ангрбоды, брат мирового змея Йормунганда и Хель, владычицы царства мёртвых Хьёрварда.

Волку достался более привычный враг – орда самых причудливых чудовищ катилась навстречу великому зверю, чей хребет поднимался выше многих гор.

Она катилась от той черты, что разделяла владения Демогоргона и области Сущего, в которых смертная плоть ещё может существовать. Там не могло обитать никаких монстров – но в Упорядоченном нашлись силы, что сумели открыть им туда дорогу. Через портал, как-то ещё – Старый Хрофт не знал.

Да сейчас это уже и не имело значения. Дочь Óдина, валькирия Райна, зажмурившись, стояла рядом, покачиваясь, словно шаман в трансе, – она сейчас вела главную битву, уйдя глубоко в области, куда не было хода даже самому Старому Хрофту. Какие враги встали у неё на пути, какие преграды – кто скажет? Но Отец Дружин знал: его дочь наступает, она не повернула назад и не сдалась. Кто знает, что ей пришлось бросить на весы боя там, в областях, где могут оказаться бессильными даже мечи, помнящие силу старого Асгарда? Что пришлось поставить на кон?

Нет, он не будет думать об этом сейчас. У каждого – свой собственный бой, его и веди. Валькирия выдержит, ведь на то она и валькирия.

Фенрир тем временем вскинул мохнатую голову, разинул пасть, зарычал и сорвался с места. Один прыжок его покрывал целые поприща – но там, в привычном Старому Хрофту Упорядоченном; здесь же, казалось, исполинский волк остаётся на месте, только почему-то уменьшаясь.

А потом волна чудовищ докатилась наконец до сына Локи, и

волчьи челюсти лязгнули, морда Фенрира мгновенно окрасилась тёмной кровью. Его клыки, казалось, не ведают преград, дробя с равной лёгкостью и плоть, и кость, и рог, и чешую, и даже железо.

Воронка мёртвых меж тем вновь сомкнулась над Яргохором, медленно, шаг за шагом тесня его ближе и ближе к тому месту, где застыли Óдин и Райна.

Пальцы Отца Богов пробежались вдоль эфеса. Альвийскому мечу предстояло много работы.

* * *

Золотой луч тянулся из-под ног Райны, убегая вдаль, к неоглядно раскинувшимся ветвям Великого Древа. Там, на суку шириной, наверное, в несколько лиг, раскинулся Асгард – такой, каким его запомнила Рандгрид, отправляясь на Боргильдово Поле. Высоко взнесены золотые щиты на крыше Валгаллы, солнце радостно играет на вечноначищенном, никогда не тускнеющем металле, и от врат заветного города асов прямо навстречу валькирии движется процессия – знакомые с детства фигуры. Несмотря на расстояние, Райна узнаёт их тотчас: Тор, Хеймдалль, Браги, Ньорд, Фрейя, Идун и другие; вот выступает плечистая, широкобёдрая и тяжелогрудая Йорд, богиня земли, мать Тора; вот Сиф с её роскошными золотыми волосами; а вот и гордая Фригг, так долго презрительно щурившаяся на валькирий, не в силах до конца смириться с вечными изменами Отца Богов.

Все они оставляют своё бестелесное пристанище, бывшее их тюрьмой нескончаемые эоны, и идут, идут прочь от него, из мира призраков – в мир живых.

Да и то сказать – кто способен окончательно и безвозвратно погасить искры божественного дыхания самого Творца, из которых и родились древние боги, подобные Óдину?

Так, во всяком случае, кажется в тот миг Райне.

Себя она ощущает всемогущей. Кто, кто ещё способен сокрушить врата самой смерти, вырвав из её когтей давно павшую родню?

Альвийский меч в руке Райны сейчас словно живёт собственной жизнью. Он чутко улавливает потоки свежей, новосотворённой силы, что изливается от пределов Демогоргона, вбирает её в себя; валькирия разом и чертит ведомые ей руны, и слагает висы, подобные тем, что помогали ей забирать в Валгаллу павших героев, не отдавая их души притяжению Чёрного Тракта.

Райна нынешняя, странствующая воительница, не былая валькирия Рандгрид, не отдала бы пасти Хель вообще никого: ни

мужа, ни жены, ни детей, ни даже неродившихся младенчиков, умерших в утробах матерей. Воительница Райна явилась бы на совет богов, вогнала бы свой меч в столешницу, она бросила бы вызов всем и каждому, даже собственному отцу – потому что никто не может быть обречён вечности мук.

А в прежнем мире, которому со всей страстью служила валькирия Рандгрид, всё было именно так. За нескончаемыми веками и тысячелетиями в Хель должен был последовать Рагнарёк и последняя, всеобщая гибель.

Обитателям царства Хель, наверное, тот день показался бы великим, долгожданным избавлением от нескончаемых мучений.

Водитель Мёртвых Яргохор щедро делился с Райною силой, исторгаемой его неотразимым клинком; её то и дело приходилось пускать в ход, когда – чувствовала валькирия – перед возвращающимися асами появлялась какая-то преграда. Сперва её, эту преграду, альвийский меч рубил если не с лёгкостью, то и без особого труда; но раз за разом стены эти становились всё прочнее и толще, меч увязал в них; а потом валькирия вдруг поняла, что стоит на узкой золотой дорожке, едва ли в локоть шириной. Перед ней справа и слева поднимались точёные винтовые колонны, врата без створок, покрытые тонкой резьбой, – вереницы коленопреклонённых существ и людей, и похожих на них, и совсем непохожих, ползли куда-то вверх, словно поклоняясь кому-то, но кому – Райна разглядеть не могла.

Справа и слева от врат она увидела пару важных, надменного вида бородатых стражей, не в боевом облачении, не в доспехах, а в длинных, ушитых золотом и жемчугами жреческих одеяниях, покрытых какими-то символами, больше смахивающими на те, что использовали в своих ритуалах люди-некроманты – чьих немало голов было срублено мечом самой воительницы Райны.

В руках эта пара держала вычурные посохи, обвитые золотыми змеями и увенчанные хрустальными бубенцами, невесть зачем туда водружёнными. В общем, эти двое походили скорее на почётную охрану сераля, но никак не на стражу самых тайных пределов Упорядоченного.

Бороды их, чёрные, слегка вьющиеся, были тщательно расчёсаны, напомажены и умащены благовониями. Свободно спадающие туники не могли скрыть внушительных животиков.

Альвийский клинок затрепетал в руке Райны, словно требуя крови.

Но пара бородачей совсем не показалась валькирии враждебной или хотя бы грозной. Глядели они на неё строго, но и только.

А ещё она не чувствовала в них ни грана страха или

неуверенности. Несмотря на её видавшую виды броню и альвийский меч в руках, где древняя сила Асгарда сплавлялась и с новой, порождаемой сражавшимся Водителем Мёртвых, и с той, что изливалась сама по себе из пределов Демогоргона.

– Остановись, – пробасил один из стражей, тот, что стоял справа.

– Никто не пройдёт дальше, не доказав, что достоин, – добавил тот, что слева.

Обычное дело, подумала валькирия.

– Спрашивайте, – бестрепетно сказала она.

– Опусти меч, храбрая, – без зла, но с некоторым напором сказал правый страж.

Райна повиновалась – однако альвийский меч подчиняться отказывался. Рука валькирии напряглась, вены вздулись, клинок медленно и нехотя уставился вниз, хотя остриё его упрямо подрагивало, точно норовя уколоть, несмотря ни на что.

– Что есть нисходящее с престола? – спросил правый страж.

– И что видит оно, сделав первый шаг? – тотчас подхватил левый.

«Загадки. Ненавижу загадки», – подумала валькирия. В её странствиях воительницей ей встречались пару раз пренеприятные создания, обожавшие тем не менее эту древнюю игру.

Правда, когда они пытались сыграть с валькирией, заканчивалось всё это одинаково – снесённой с плеч башкой чудища.

– Для чего всё это? – ответила вопросом на вопрос воительница. – У меня нет времени на ваши глупости. Я спасаю своих. Вывожу из царства мёртвых. Отойдите, вы, оба!

Бородачи переглянулись, однако в их глазах по-прежнему не появилось страха или хотя бы озабоченности, лишь лёгкое сожаление.

– Ты не готова, – хором объявили они, торжественно приподнимая разукрашенные посохи. – Мы не пропустим тебя.

– Тогда я пройду сама. – Меч взмыл для атаки.

– Недостойная, опомнись! – опять же хором воззвали бородатые стражи.

– Прочь с дороги! – рявкнула Райна, размахиваясь клинком.

Лезвие со звоном врезалось в левую колонну, вдруг оказавшуюся прямо перед валькирией. Резной камень взорвался облаком радужных осколков, врата обрушились, и всё исчезло.

Потрясённая, воительница вновь увидала перед собой тянущуюся вдаль золотую дорогу и приближающиеся по ней тени асов – увы, всего лишь тени. Вырвавшиеся из царства мёртвых

древние боги не имели плоти, и взять её им было неоткуда.

Там, далеко-далеко, на ветви Великого Древа, стены и крыши казавшегося игрушечным Асгарда медленно обваливались, тонули в поднявшихся волнах золотистого пламени. Обратной дороги для теней асов не оставалось.

Валькирия не успела подивиться, насколько легко ей достался этот прорыв через первые врата, – а перед ней уже появились следующие.

И вновь – узкая золотая дорожка, четыре резных столпа и четверо стражей. Одежда – роскошнее, бороды – длиннее, и в них вплетены бусины из драгоценных каменьев, а сами посохи наполовину сделаны из сияющих рубинов. На ниспадающих одеяниях столько золота, что они могли б служить панцирями.

Было что-то неправильное в этих благовониях и драгоценностях, холёных бородах и дородных телесах, явно не знававших воинских тягот.

Ворота, колонны, резьба, стража, совершенно не похожая на стражу…

На сей раз Райна заговорила первой:

– Я не знаю никаких ответов и знать не хочу! Мне просто надо пройти! Я спасаю своих!

– Неразумная, – с печалью ответил ближайший страж, слегка пристукнув посохом; золотая дорожка зазвенела, словно и впрямь из металла. Больше всего он походил сейчас на учителя, огорчённого внезапной и глупой ошибкой лучшего из подопечных. – Заёмная сила твоего меча не доведёт тебя до конца дороги. Только твоя собственная.

– А её-то ты сейчас и отвергаешь, – подхватил другой страж.

– Сила – это глупые загадки? – крикнула Райна, замахиваясь.

Бородачи подались в стороны. Как и первая пара, они спокойно расхаживали над бездной, однако не похоже было, чтобы кто-то куда-то собирался проваливаться.

Альвийский клинок ударил в извив резной колонны, прошёл до половины и застрял. Стража, однако, не воспользовалась этим, не попыталась атаковать валькирию, дала ей время, чтобы, застонав от напряжения, выдернуть меч, словно из древесного ствола.

– Сила – это знание, – ответил третий страж.

– Придумай… что-нибудь… поновее! – Райна рубанула вновь, и на сей раз альвийский меч, взвыв от ярости, сшибся с подставленным посохом. По рубиновой поверхности пробежала огненная волна, но разукрашенный, нелепый и совершенно непригодный для боя посох бородача без труда отбросил альвийский клинок.

– Остановись, неразумная!

– Никогда! – взвыла Райна. Шаг, удар круглым щитом, клинок выброшен на всю длину руки, остриё должно пробить лоб бородатому стражу – но оружие валькирии отшиблено в сторону невесть откуда взявшимся посохом другого хранителя.

Воительница была не из тех, кого испугало бы или ввело в растерянность внезапно открывшееся умение противника. Прикрывшись щитом и слегка сгорбившись, она вновь шла в атаку, не смотря под ноги и доверяя лишь опыту великого множества сражений. Она способна была если не танцевать на проволоке, то, во всяком случае, перейти по ней над пропастью.

Стражи встретили её дружно, прикрывая друг друга, но не пытаясь напасть сами.

– Меч – не главное оружие твоё, неразумная, – услыхала она уже после того, как её клинок вновь оказался отбит.

Райна лишь сжала зубы.

Валькирии не отступают и не сдаются.

* * *

Фенрир рвал и размётывал накатившую на него волну чудовищ. За сына Локи можно было не беспокоиться, а вот Яргохор шаг за шагом отступал, сдавливаемый серой воронкой. Она теперь раскинулась, насколько мог окинуть глаз, из пелены порой выныривало или серое лезвие Водителя Мёртвых, или его островерхий шлем, сейчас лишившийся самого навершия и пробитый в нескольких местах.

«Торопись, дочь, – сжав зубы, подумал Старый Хрофт. – Торопись, Ястир долго не продержится… да и Фенрир, кстати, тоже!»

Там, где только что волк успешно расправлялся с легионами бросавшихся на него чудовищ, судя по всему, нимало не боявшихся жуткой кончины от его зубов, появилась новая волна.

Шли медленные, но зато прикрытые бронёй до самых глаз исполины, шестиногие ящеры, вся шкура которых состояла, казалось, из одних костяных рогов. Длинные хвосты увенчивались внушительными шипастыми шарами, клыки запросто поспорили бы с фенрировыми. Ростом каждый из приближавшихся исполинов заметно превосходил сына Локи.

«Торопись, моя Рандгрид. Торопись. Кто-то бросает на нас поистине несказанную мощь, чтобы только вынудить тебя, моя дочь, повернуть назад».

Толчок силы заставил Отца Богов вздрогнуть, альвийский меч

взмыл, готовый и защищаться, и атаковать.

– Это всего лишь я, великий бог Óдин.

Гулльвейг, в чёрно-золотой броне, несколько походившей на ту, в которой она командовала полками Ракота, небрежно улыбнулась. Мать Ведьм явилась без оружия.

Клинок Старого Хрофта нацелился незваной гостье в горло.

– Что тебе надо? Изречь какую-нибудь многозначительность, туманную и непонятную, и потом вновь исчезнуть под крылышком твоего покровителя? И не подходи к моей дочери!

Гулльвейг послушно остановилась, подняв безоружные руки.

– Не бойся, Отец Дружин. В конце концов, от меня тебе бывала и польза, вспомнить хотя бы мой амулет. Он ведь неплохо послужил тебе – Золотым Мечом, не правда ли?

Óдин не ответил. Лицо Райны покрывал пот, руки подёргивались, губы шептали какие-то слова, и Отец Дружин готов был поклясться собственными священными браслетами, что слова эти – не на языке Хьёрварда или Асгарда, и вообще ни на одном из известных ему наречий.

Гулльвейг склонила голову набок; вычурный шлем, казалось, был соткан из дыма и тумана.

– Ты сделал выбор, и это хорошо, – объявила она наконец.

Старый Хрофт ничего не ответил, лишь крепче сжал пальцы на эфесе. Она заговаривает ему зубы, в то время как все остальные сражаются – и Ястир, и Фенрир, и в особенности Райна!

– Тебе уже передавали послание? Помощь идёт. Тебе достаточно лишь принять её. А иначе – воинство Познавшего Тьму скоро будет здесь, они крушат последние преграды – по-другому-то и не умеют ведь! – и, боюсь, встреча твоя с учениками великого Хедина не выйдет особенно тёплой, мой Óдин.

Тот вновь не ответил.

Гулльвейг подняла бровь.

– Что ж, молчи, если хочешь. Я, в конце концов, всего лишь посланница. Тебе даже не интересно, куда я спрятала Мьёлльнир, знаменитый молот твоего старшего сына, и как он мне достался?

– Всё рано или поздно вернётся к законному владельцу, – прорычал Старый Хрофт. – Мы подождём. У нас впереди вечность.

– Не стала б утверждать это с такой уверенностью, – усмехнулась Мать Ведьм. – Время, отпущенное этому миру, истекает. Я, Гулльвейг, благословенная знанием и посмертием, знаю это. Тебе выбирать, Отец Богов, с кем ты – с победителями или с побеждёнными?

– Ты могла б и не спрашивать, – рыкнул Старый Хрофт. – Ибо сама всегда и везде оказывалась в рядах тех, кто брал верх. Тебя

видели и в рядах ратей Ракота, и в армии Молодых Богов. Ты ведь с редкостным умением – или везением? – и впрямь неизменно оказывалась в стане победителей или хотя бы побеждающих на тот момент.

– Вот именно, – усмехнулась Гулльвейг. – Я женщина, а женщины должны жить. Мужчины могут полечь почти все, они – расходный материал, но женщины обязаны уцелеть, и потому совершенно не важно, на какой стороне они сражаются.

– Мило, мило, – поморщился Старый Хрофт. – Предатели вечно находят себе оправдания.

– Всё это глупые мужские выдумки, объяснения собственной негибкости, страха перед жизнью и трусливого бегства в «достойную воина смерть», – улыбнулась Гулльвейг. – Но прошу тебя, великий бог, склони свой слух к моему предостережению. Миру суждено измениться. Ты знаешь, я была глашатаем первой войны, меж ванами и асами, из-за меня пролилась первая кровь в Хьёрварде. Но сделала я всё это ради великой цели. И ради неё же сейчас говорю тебе – прими помощь, спаси своих сородичей, и пусть всё остальное канет в бездну, ибо такова участь любого из тварных миров – каких-то раньше, каких-то позже. Спасай кого можешь, бог Óдин, ибо очень скоро тебе придётся бежать отсюда. Но в одиночку ты этого не сделаешь. Поэтому мой тебе совет, на правах старого… – она лукаво улыбнулась, провела кончиком языка по губам, – на правах старого друга позволь уж посоветовать тебе не отказываться от подмоги.

– Что тебе в этом, Мать Ведьм? Кому ты служишь и почему говоришь мне всё это?

– Сильное должно жить, древний бог Óдин, а всё, что мешает ему, что против закона естества даёт дорогу слабому, должно уйти. Это старый закон, верный закон, закон, которому ты сам следовал столько веков. Ты выбрал правильную сторону, мой Старый Хрофт, и, не скрою, я рада. И пусть твоя прославленная гордость не затуманит тебе взоры. А Мьёлльнир… думаю, мы договоримся с твоим сыном, когда он окончательно вернётся – уже как бог грома Тор, не как бесплотная тень. Я служу Сущему, от первого мгновения до последнего, великие силы вырвали меня из привычного бытийного круга – я не выбирала собственной судьбы. Я – глашатай.

– Сколько красивых слов, ведьма, и никакого смысла.

– О сложном не говорят просто, Древний Бог.

– Как знаешь, – отвернулся Óдин. – У меня есть битва, которую нужно выиграть. И, в отличие от Боргильдовой, я это сделаю!

– Разумеется. Но не в одиночку.

– В одиночку или нет – неважно. Буду рад любому, кто встанет сейчас рядом со мной, – будь то хоть сам Ямерт!

– Я бы не удивилась… – прошелестела Гулльвейг. Чёрная броня подёрнулась туманом, её словно развеивало ветром, будто она – из наилегчайшего пепла. – До встречи, Древний Бог, мы ещё свидимся. А пока – принимай подмогу! И помни, кто встал рядом с тобой, а кто пытался помешать.

– Не волнуйся, не забуду, – бросил Отец Богов, не глядя больше на ведьму. – Уходи. Пока что никакой помощи я не вижу.

– Терпение… – донеслось из тёмного облака, раздуваемого неощутимым для других ветром. – Твой выбор сделан, колесо Судьбы повернулось. Жди, великий Óдин, и помни, чью сторону ты выбрал сегодня.

Гулльвейг скрылась, и Старый Хрофт, кусая губу, подступил к зажмурившейся, застывшей в трансе Райне. Веки её чуть подёргивались, кулаки сжаты, костяшки белы.

– Держись, дочь… – прошептал Владыка Асгарда. Рука его невольно потянулась – коснуться плеча ведущей неравный бой валькирии, передать хоть часть собственной силы, – но поспешно отдёрнулась.

Нельзя. Не время. Великое Равновесие не прощает ошибок, а пройти предстоит поистине волосяным мостом, повисшим над огненной пропастью.

Держись, валькирия. Это куда тяжелее, чем на Боргильдовом Поле.

* * *

Четверо стражей золотой тропы, разодетых, напомаженных, с вычурно-завитыми чёрными бородами, с длинными разукрашенными посохами, в долгополых одеяниях, расшитых золотыми узорными бляхами, оказались непобедимыми противниками. Сперва они лишь защищались; но, словно убедившись, что валькирия не может даже зацепить их, сами перешли к нападению. И теперь уже всё искусство Райны требовалось, чтобы лишь отразить их атаки; отбить, уклониться, ещё отбить, принять невесть откуда взявшийся посох краем щита, вновь уклониться – и отступить на шаг.

На шаг дальше от заветных врат.

– Пропустите… меня! – задыхаясь от ярости, выкрикнула она.

– Ты недостойна, – последовало невозмутимое.

Здесь не дают советов и не отвечают на вопросы. Здесь лишь безжалостные судьи, им нет дела, кто ты и откуда, важно лишь,

ведом ли тебе ответ.

Но она, Рандгрид, Разбивающая Щиты из Высокого Асгарда, дочь Аса Воронов, явилась сюда не для того, чтобы стоять со смиренно опущенной головой, не для того, чтобы покорно принять чужой вердикт.

До ворот теперь дюжина шагов, и стражи остановились. Они отбросили недостойную, им этого хватало, во всяком случае, пока.

Невольно Райна подумала, сколько таких героев смогли достичь этой точки, подняться так высоко – или, напротив, занырнуть настолько глубоко, это как посмотреть, – и сколько раз эти сущности встречали их своими неизменными вопросами. Они сторожат дорогу мёртвых, последний отрезок тракта падших богов; и, наверное, досконально изучили все уловки тех, что пытались прорваться. Чем можно их удивить, чего они никогда не видели, чего никогда не станут ожидать от воительницы?

– Вы победили, – хрипло сказала она, опуская меч. – Я поворачиваю назад. Мне не пройти.

Четверо стражей переглянулись. Если они и растерялись, на лицах их это никак не отразилось.

– Отсюда нельзя уйти, воительница, – сказал один из них. Сказал без выражения, без гнева, злости или хотя бы неприязни. Сочувствия, впрочем, в голосе его не слышалось тоже. – Дорога идёт лишь вверх. Адепт, переоценивший себя, гибнет. Ты зашла слишком далеко. Прощай.

Райна сделала ещё шаг назад – и внезапно ощутила за спиной бездну. Самую настоящую, не имеющую дна, именно что «бесконечную». Это была истинная бесконечность, уходящая меж слоями реальности в тонкие, тончайшие щели между мельчайших частиц, мельчайших кирпичиков Сущего. Голова начинала кружиться от одного ощущения, что эта ждущая пасть распахнута.

– Прощайте, коли так, – как можно равнодушнее сказала валькирия. – Что бы вам пожелать этакого… ну, не скучайте тут.

– Престол не знает, что такое скука, – неожиданно откликнулся другой страж. – Прощай. У нас нет зла к тебе.

– У меня тоже, – развела руками Райна. – Только вы забыли кое-что, дорогие мои.

Все четверо одинаковым движением подняли брови, как бы в преувеличенном удивлении.

– Я не простая смертная. – Золотая дорога за спиной Райны растворялась, теряя воплощённость, становясь истинной пустотой. Ловчая бездна ждала жадно, но в то же время и терпеливо.

– Нас нельзя победить силой мечей… – начал было

бородатый стражник с рубиновым посохом, но Райна уже сорвалась с места.

Это как на рее качающегося в штормовом море «дракона». Это как пробежать на далеко выставленном от борта весле, ловко балансируя над волнами и вызывая восторженный рёв морской дружины. Или мчаться, стоя на седле крылатого коня, встречая яростной песней поднимающийся над полем боя рассвет, и уносить с собой ещё одного героя, достойного Валгаллы.

Ступня валькирии нащупала край золотой дороги, и тотчас она ринулась прямо в бездну, прыгнув в сторону и мимо бородатых стражей. Альвийский меч спрятан в ножны, и свободная правая рука цепляется за незримый край колдовской тропы; равнодушная бездна уже почти сомкнула ледяные клыки, но валькирия, закричав от рвущей плечо боли, вздёрнула себя обратно, на узкий карниз, пролёгший меж жизнью и смертью, разом оказавшись за спиной у четвёрки стражей.

Едва ли какой из смертных воинов, неважно, сколь сильный или отважный, сумел бы проделать что-то подобное.

Свист рассекающего здешний «воздух» лезвия. Меч Райны врезался во вратный столп, окутываясь облаком радужных брызг.

– Безумная! – закричали разом все четверо стражей, но было уже поздно. Врата рушились, складывались, рассыпались многоцветной пылью, оседали, обращаясь в ничто.

Оставалась только золотая тропа, блистающая, ничуть не потревоженная.

Четвёрка переглянулась, опустила посохи.

– Не стоит смеяться над валькирией Асгарда. – Голос Райны срывался. – Не стоит грозить ей безднами. Она пройдёт всё равно.

– Глупая, – мрачно и безнадёжно сказал стражник. – Ты не готова. Меч ничего не значит…

– Это я уже слышала. – Райна едва удержалась, чтобы не показать разодетым бородачам язык. – Прощайте, друзья! Обратно нас пойдёт уже куда больше.

– Если на то будет воля Престола. – Стражи в упор смотрели на Райну. – Но ты только что открыла врата великим бедствиям в тех мирах и ойкуменах, что почитаешь своими.

– С бедствиями мы разберёмся сами. – Райну подхватила волна небывалого, обжигающего счастья. Она прошла! Прошла! А всё остальное значения уже не имеет.

– Что ж, разбирайтесь. Но не вини в этом Престол, – откликнулись стражи. Словно отбыв свой срок, сейчас они исчезали сами, таяли, растворяясь в пустоте. – Хитрость и ловкость не значат готовность. Ни очи твои, ни разум не готовы ни узреть, ни осознать лежащее впереди. Ты недостойна, и

потому погибнешь. Нам жаль тебя, ты смела и красива.

– Поберегите слова. Не тратьте даром.

Валькирия пожала плечами. И, взяв меч наперевес, двинулась по золотой тропе дальше, к маячившим вдалеке исполинским ветвям Мирового Древа.

Как она станет возвращаться, она пока что не думала.

* * *

И Фенрир, и Ястир медленно отступали – к нему, Óдину, – не в силах сдержать напор и живых, и мёртвых врагов. Меч Яргохора взлетал над серыми волнами всё реже, и даже неукротимый сын Локи пятился – огрызался, расшвыривал врагов, но всё же отступал.

Райна тоже сражалась с кем-то, там, в своём собственном мире, и, судя по перекошенному лицу, обильно льющемуся поту и содрогающимся плечам, там тоже кипело горячее дело.

Старый Хрофт исподлобья оглядел поле битвы. Сейчас, ещё немного, ещё самую малость…

Как там оставшийся позади чародей Скьёльд? Уже доложил своей родне обо всём случившемся, а эта родня поставила в известность их покровителей?

Во всяком случае, Отец Дружин, сейчас – твой главный бой, главнее даже, чем Боргильдово Поле. Тогда ты не знал, с чем имеешь дело, против кого или чего выходишь; на сей раз ты всё знаешь точно.

И вот от того, правильно ли ты всё рассчитал, сумел ли ты сравняться в искусстве составления планов с самим Познавшим Тьму – ну, с небольшой поправкой, твои планы должны всё-таки *работать,* – от этого зависит много, много больше, чем просто посмертная судьба асов, больше, чем возрождение Асгарда.

Фенрир в очередной раз стряхнул вцепившихся ему в бока и передние лапы тварей, взгляд его на миг скрестился со взглядом Óдина.

Бессмертный волк завыл, и в этом вое на сей раз слышалось отчаяние.

Пора.

Лёд страха таял, пламя ярости, предвкушение боя поглощало Отца Богов, но, в отличие от Боргильдовой Битвы, он не дал воли никакому чувству.

– Принимаю вашу помощь, – проговорил он вполголоса, не сомневаясь, что его услышат.

Время таяло, подобно льду под солнечным лучом, пятились

Фенрир и Яргохор и… ничего не происходило.

Где-то очень далеко – и одновременно где-то рядом, за складкой реальности, запели знакомые рога. Ученики – или, вернее, подмастерья великого Хедина. Они торопятся, они спешат…

– Вы опоздали, хранители уходящего! – выкрикнул Старый Хрофт, потрясая клинком, и альвийская сталь полыхнула излюбленным её творцами фиолетовым.

Едва ли воины Познавшего Тьму услыхали его, они, быть может, даже могли его видеть, но, подобно рыбе в пруду, глядящей вверх, на небо, не могли пересечь границу, отделявшую домен Демогоргона от всего остального.

Пространство рядом с Отцом Богов застонало, вспухая, словно живот роженицы. Неведомые силы раздували его, изгибая и продавливая целые пласты, норовя прорваться мимо всех путей и дорог прямо сюда, в цитадель Соборного Духа.

Взметнулись иссиня-чёрные волны, оборачиваясь разлетающимися перьями – словно громадный ворон, расправляя крыла, рассёк неподатливый холст реальности.

На мгновение Óдин словно погрузился в холодную сырую тень – призрак чудовищной птицы поднимался быстро, и последнее, что сумел запомнить Старый Хрофт, был пристальный взгляд, ударивший Древнего Бога, словно таран; но разглядеть, что за глаза были у страшного гостя, Óдин не успел.

А следом за растаявшим вороном один за другим стали выныривать, словно наконечники стрел, зелёные кристаллы Дальних.

И не только они.

Словно пропитанный угольной пылью ветер ворвался следом за пробившими наконец броню реальности острыми смарагдами. Облака стремительно стягивались в тёмные коконы, оборачиваясь чёрно-алыми исполинами с широкими крыльями за спиной и увенчанными короной рогов головами.

Демоны. Снова они. Не случайно, получается, вились они вокруг дороги мёртвых богов, не случайно оказались здесь. Слуги Дальних? Союзники? Или служат эти создания совсем другим, иной силе, что пока не явила себя в открытую?

Изумрудных кристаллов было множество, и из серой мглы выныривали всё новые и новые. Застывали в неподвижности, внутри начинали перемигиваться какие-то огни, вспышки метались под гладко отполированными гранями, а в голове Старого Хрофта зазвучал вдруг спокойный, лишённый всякого выражения голос – словно слитый из сотен и сотен других, слитый настолько искусно, настолько слаженно, что и

невозможно отличить один от другого.

– Мы поможем тебе, древний бог Один. Ты сделал правильный выбор. Без нас ты не смог бы достичь желаемого. Хедин и Ракот никогда не позволили бы тебе.

– Я знаю, – громко ответил Старый Хрофт. – И сейчас нам нужна помощь. Моя дочь, мой племянник и мой друг изнемогают в неравной борьбе…

– А на плечах у тебя – могучая армия Познавшего Тьму, – резко перебил голос Дальних. Или, вернее, «хор» Дальних. – Ты понимаешь, что теперь, если тебе удастся задуманное, дороги назад уже не будет?

– Когда я сомневался или колебался, если речь шла о том, сражаться или нет? – рыкнул в ответ Владыка Асгарда.

– Хедин и Ракот не прощают предательства, – зачем-то напомнил Дальний.

– Я стою за справедливость. Это превыше всего, – отрезал Старый Хрофт.

– Тогда смотри, – пафосно провозгласили Дальние. – Смотри и дивись нашей мощи!

Губы Старого Хрофта дрогнули, складываясь в угрюмо-презрительную усмешку.

– Меньше слов, соратники.

– Ты прав, – неожиданно согласились Дальние.

Грани смарагдовых исполинов полыхнули режущими, блескучими вспышками. Полчища демонов мириадами срывались с места, расправляя широкие крылья, выпуская когти и показывая клыки. Иные из них обнажили оружие – широкие иззубренные мечи, какие не поднимет ни один силач.

Подобно пчелиному рою, демоны взвивались сотнями и тысячами, устремляясь туда, где кипела битва. Они ринулись на противников Фенрира, сшиблись с ними грудь в грудь; клыки и когти рвали кажущуюся несокрушимой броню, чешуи поддавались изогнутым мечам, и чудовища на миг попятились, не в силах сдержать внезапную атаку.

Правда, и демоны гибли во множестве, рассыпаясь той же угольной пылью, которой они сюда ворвались.

Однако погибали и их враги, волк Фенрир встряхнулся, его бока и лапы оказались свободны, хоть и покрыты кровью; завыл, прыгнул, завертелся, расшвыривая в разные стороны изодранные на куски туши чудовищ.

– Демоны – ваши слуги? – не удержался Отец Дружин.

– И да, и нет, – с неожиданной охотой ответили ему. – Они – часть великого плана того, что воздвигнется, когда не станет самого Упорядоченного, а всё, прожившее в нём, воплотится в

новом Творце.

– Вот даже так?

– Смейся сколько угодно, Древний Бог, но всё на свете имеет своё начало и свой же конец. Наше Сущее, что многие полагают вечным, – тоже. Мы пришли в него последними, мы – последняя мысль Творца, мы должны, когда исполнятся все условия, завершить великий цикл – дать жизнь новой монаде, что, в свою очередь, когда-нибудь даст жизнь новому Упорядоченному.

– А как же все, что живут здесь? Все миры, все смертные и бессмертные?

– Бессмертных нет, древний бог Óдин. Бессмертен лишь Творец. Мы тоже уйдём вместе со всем Упорядоченным.

– И вас это… не волнует?

– Мы лишь исполняем предназначенное. У нас нет свойственного живущим поодиночке страха перед тем, что вы называете «смертью».

– Но мои сородичи…

– Будут наслаждаться жизнью, – перебили его Дальние. – До срока. Кажется, в ваших преданиях тот день звался Рагнарёк.

– Да, и что?

– А то, что потом исполнится вами же предсказанное, но не понятое – появится новый Творец и новый мир. Всё, как вы и говорили. Пойми, Древний Бог, мы не оскверняем себя ложью. Правда – сильнейшее оружие. Нам нет нужды врать, изворачиваться и что-то скрывать. Видишь, твои друзья уже наступают?… Мы выполняем обещанное.

– Но, я так понимаю, что-то попросите и взамен?

– Нет, не попросим. Ты сам станешь сражаться теперь на нашей стороне, Древний бог Óдин, ты и твои сородичи. Хедин и Ракот подобны плотине, что загораживает собой свободный бег потока. Мы призваны убрать эту преграду. А что до «смерти Сущего»… Умирает ли малый ручеёк, впадая в полноводную реку? И умирает ли эта река, впадая в океан?

Ухмылка Старого Хрофта, сумрачная и недвусмысленная, казалось, говорила – у меня есть что вам ответить, но какой смысл?

Да, умирают, хотелось сказать ему. Унесённая в солёный океан рыба, привыкшая к жизни в реке, погибнет. И точно так же погибнут обитатели солёных морей, если вздувшиеся от невиданных половодий реки изольются в морские заливы огромными массами пресной воды. Жизнь, кипевшая в лесном ручейке, не сможет выжить в большой реке. Жизнь большой реки – лишь до границы океанских вод. Всё имеет свой предел, свой исток и своё устье.

Но это не значит, что надо дать умереть малому лесному ключу, склонившимся над ним папоротникам, лягушкам и головастикам, тритонам, мелкой рыбёшке, жукам и личинкам, водомеркам, стрекозам и вообще всем, кому щедро дарит возможность жить скромный ручеёк, булькающий в глубоком овраге.

Но вслух Отец Дружин ничего этого не сказал. Лишь сощурился, продолжая молча взирать на разворачивающуюся перед ним битву.

Меж тем часть демонов сумела вмешаться и в схватку Яргохора с валом валящими духами. Крылатые существа зависали на миг над воронкой и рассыпались знакомой уже угольно-чёрной пылью. Пыль густой завесой оседала вниз, и серую муть словно пронзало бесчисленно-аспидными стрелами. Яргохор упёрся – и перестал отступать.

– Теперь твоя дочь должна завершить дело, – услыхал Старый Хрофт. – А потом придёт самая главная подмога. Ждать совсем недолго.

* * *

Райна бежала по узкой золотой тропке. Мировое Древо поднималось перед ней во всей красе, исполинское, обнимающее ветвями всё Сущее, пребывая разом и далеко, и близко, за тонкой, почти неощутимой складкой реальности. Ветви раскинулись, казалось, от края и до края Упорядоченного, равно прикрывая от вечного наката волн Хаоса и устроенные миры среди бесчисленных звёзд, и огненные бездны, где каждая частица, казалось, дышит как раз тем же Хаосом.

Великое Древо, и протянувшиеся сквозь изнанку Сущего корни. Незримые, оплетают они три источника магии, и не то питаемы ими, не то сами отдают им что-то.

Теперь Райна чётко видела пожар на месте призрачного двойника Асгарда и целую процессию теней, направляющуюся прямо к ней.

Золотой луч стягивался в нитку, истончался, и одновременно валькирия ощущала, что путь всё удлиняется и удлиняется. Из сгустившихся в развилках исполинского ствола теней выползали серые облака, скрывая фигурки готовых освободиться асов.

– Что, опять?! – не сдержалась валькирия, вновь завидев впереди резные столбы очередных врат без створок.

Но на сей раз возле них не стояло стражи.

А золотая нить, ярко блистающая среди серого предгрозового

сумрака, вела куда-то вверх, совсем не к асам, но к чему-то совершенно невообразимому. И врата, и бородатые стражники, и их цветастые одежды, расшитые золотом, и посохи с рубинами – всё было лишь символами, манифестациями чего-то истинно сокровенного, не постижимого разумом валькирии. Валькирии, хоть и бессмертной, но, по сути, простой воительницы, ну или, в исключительных обстоятельствах, – самозваной Водительницы Мёртвых.

Престол. Нечто названное стражами «Престолом» – валькирия постаралась дотянуться до него, представить его во всём блеске славы и силы, словно ожидая, что это поможет, откроет дорогу её старшей родне, даст им выбраться из царства теней не просто бессильными призраками; но всё, что приходило на ум дочери Одина: золотой блеск Валгаллы, её пиршественный зал, высокий трон Отца Богов, – всё не то, не то, слишком просто, слишком земное, слишком обычное. В нём не крылось никакой тайны, просто яркое и разукрашенное.

Престол же, скрытый загадочными облаками, которые, конечно, облаками вовсе не были, являл собой нечто соверешенно неописуемое и даже не поддающееся объяснению.

Альвийский меч дрожал в руке валькирии, рвался в бой, но ему тут нечего было рубить или рассекать. В спину Райне дул тёплый морской ветер, словно на короткой носовой палубе «дракона», огибающего ясным весенним днём мыс Ставнесс в Восточном Хьёрварде, – отец, Ястир и братец Фенрир продолжали сражаться, щедро делясь с ней силой.

Что ж, может, тайны высокого Престола и не для неё, но к асам она прорвётся. И порукой тому – альвийский меч.

Интерлюдия 1

Лагерь небольшого войска Хедина, Познавшего Тьму, замер в ожидании. В высоком шатре самого Познавшего горели свечи, углы тонули во мраке.

В три круга расставлены кристаллы самых причудливых цветов и форм. Хедин и Сигрлинн застыли, не отрывая взглядов от небольшого розоватого камня, где поочерёдно возникали лица то гнома Друнгара, то эльфа Ридаина.

– Прорываемся дальше, Аэтерос…

– Замечен бог Óдин…

– Сокол выпущен, Учитель! Всё идёт по плану.

Хедин молча и отрывисто кивал. Лицо его рассекли мрачные и глубокие морщины, в них залегла темнота.

– Хрофт уходит всё дальше, Си.

– И Дальние… так и вьются вокруг.

– Он до сих пор их не призвал и не признал.

– Вопрос времени, – отмахнулась чародейка. – Скоро сделает и то, и другое. Что станем делать тогда, мой Хедин? Промолчим? Отсидимся? Ограничимся твоими подмастерьями? Простим?

Хедин смотрел на разгневанную волшебницу, уголки его губ чуть заметно вздрагивали.

– Ты боишься? Опять?

– Да, опять! – с вызовом бросила Сигрлинн. – Говорила тебе сколько раз и повторю снова – его нужно остановить! Во что бы то ни стало! Почему он не пришёл к тебе, прежде чем ввязываться во всё это? Почему не спросил совета? Ему нечем было заняться? Спали меня Ямерт, как говорится, у нас в Упорядоченном непочатый край работы. Правда, не столь героической, да и не столь безумной.

– Си, – Познавший Тьму положил руку ей на плечо, и она тотчас замерла, в упор глядя ему в глаза. – Си, ты права…

– Си, ты права, – насмешливо передразнила его чародейка. – Если я права, так действуй! Помешательству Хрофта дóлжно положить конец! Он заигрался с огнём – уже; а теперь, как я посмотрю, заигрываешься и ты, мой Хедин. Мужчины! Вам бы риск, вам бы невероятные приключения и страшные опасности, а что при этом сделается со вверенным вам миром – какая разница!

– У меня есть план.

– Не сомневаюсь, – фыркнула волшебница. – План у тебя есть всегда. И что?

– Так или иначе – он выполняется. – Хедин вновь улыбнулся.

– Ты меня дразнишь, – насупилась Сигрлинн. – Дразнишь и

недоговариваешь.

– Как только всё кончится, ты поймёшь, что это не так.

– Ох, – вздохнула она. – Так хочется тебе верить… просто верить, и всё. Как той белошвейке. – Сигрлинн покачала головой. – О, смотри-ка! Там не только Дальние. – Она вглядывалась в один из кристаллов. – Слуги Хаоса. Демоны. Здесь они, похоже, вполне в силах.

– Дальние и Хаос заодно, кто бы мог подумать, – саркастически заметил Познавший Тьму. – Хотя… противоположности сходятся. А вот козлоногих почему-то не видно. Зато Спаситель тут как тут…

– Спаситель? – хищно подобралась Сигрлинн. – Оставь его мне.

– С радостью. – Хедин не улыбнулся. – Но, надеюсь, с ним сражаться не придётся. В конце концов, могилу Мерлина он благословил. И когда являлся в Эвиал, то являлся не по наши с Ракотом души.

– Времена меняются. Обещай мне кое-что, Хедин.

– Что я не стану лезть на рожон и поберегу себя для всего Упорядоченного?

– Нет. – Она покачала головой. – Надеюсь, предыдущий урок от меня ты, друг мой, усвоил… – Она улыбалась, но взгляд Хедина оставался непроницаем. – Обещай мне, что не допустишь ничего необратимого лишь из старой дружбы с Хрофтом. Говорю тебе снова и снова, старик зашёл слишком далеко. У меня нет ничего против него, мне горько, что он на такое решился… но и мешкать больше нельзя. Все три Источника в сильнейшем возмущении. Волны катятся по всему Упорядоченному, и чем всё это кончится…

– Мне это ведомо, Си, – перебил Познавший Тьму. – Будь уверена, для блага Упорядоченного я сделаю всё. И всем пожертвую, прости за красивые слова.

– Я знаю, – вздохнула она. – Разумеется, пожертвуешь, мой милый. И собой, и мной, и вообще всем. Нет-нет, я давно уже это поняла. – Она предостерегающе выставила ладони, хотя Хедин не шелохнулся и выражение его не изменилось. – Я поняла, что иначе было нельзя. Действительно, нельзя. Но сейчас… сейчас тоже нельзя. Хрофт опасен. И ещё, по-моему, верит, что ему ничего не будет. Что он твой друг. Что ты простишь ему всё.

– Если я не поколебался пожертвовать тобой, неужто ты думаешь, что у меня не хватит решимости с Хрофтом? – сухо осведомился Хедин, скрещивая руки на груди.

Между бровей Сигрлинн залегла морщинка.

– Прости, Хедин. Я не хотела. Ты… наговариваешь на себя. Я

ведь знаю, ты колебался тогда, при штурме Брандея. Наши, гм, сородичи были достаточно любезны, чтобы без задержек знакомить меня с ходом ваших бесед. Так что не наговаривай, не старайся показаться хуже, чем есть. – Она улыбнулась, хоть и через силу. – Прости меня, дорогой. Ты гневаешься?

– Гневаюсь, – неожиданно кивнул Хедин. – Потому что ничего не слышно от Ракота. Потому что сгинула Гелерра. Потому что Хрофт вытворяет невесть что, и, самое главное, у него получается. Я жду, потому что это… совершенно новые возможности.

– Верно. Новые возможности, но и новые опасности, словно против нас выступил кто-то абсолютно, полностью неизвестный. – Складка на чистом лбу чародейки не разглаживалась.

– Нет. – Хедин держал на ладони вытянутой руки розоватый кристалл, где как раз вновь появилась бородатая физиономия гнома Друнгара. – Никаких «новых» нет и быть не может. Так называемые «Новые Маги» – жалкая насмешка над нашим Поколением. Кроме них же…

– Кто-то подобный Игнациусу? То, о чём мы говорили ещё с Ракотом?

– Кто-то подобный Игнациусу никогда не смог бы поставить себе на службу такие силы, – покачал головой Хедин. – Вспомни, как он действовал – сложнейшая механика заклинаний, машина волшебства с тысячами незримых шестерён, шкивов и валов. Капкан, что мог сработать только один раз и захватить мог только одну добычу. Мессиру Архимагу конечно же помогали, но ладил ловушку он сам. И кто-то ему подобный, уверен, сделает тоже подобное.

– Поостереглась бы заявлять с такой уверенностью, – покачала головой Сигрлинн. – Игнациус был человеком, обычным смертным, поднявшим себя на небывалый уровень. Штучная работа, можно сказать. Другой, достигший подобного, может и не оказаться… подобным. А Новых Магов-то, может, и не стоило бросать на произвол судьбы? – вдруг задумчиво уронила Сигрлинн. – Глядишь, и поумнели бы. Три Источника ныне покорны нам, провести инициацию, и…

Она поперхнулась. Взгляд Хедина сделался поистине страшным, в нём словно вскипела смола, готовая пролиться пламенем безудержного гнева.

– Мы не знаем точно, кто ты, Си. Может, ты и впрямь – последний Истинный Маг нашего Поколения. А что, если инициация этих самых «новых» будет значить… будет значить, что прежнее Поколение… то есть ты… должно… должно…

Волшебница улыбнулась, мягко, обволакивающе, шагнула к Познавшему Тьму, приложила ладонь к его сухим, обветренным

губам.

– Нам обязательно нужно говорить, как нас любят. Не обязательно словами.

– Си… – Хедин с горечью покачал головой. – Я люблю тебя, да. Но речь сейчас не о том. Я…

– Да-да, ты хотел сказать, что появление нового Поколения Истинных Магов может серьёзно пошатнуть равновесие. – Глаза её смеялись. – И я с тобой соглашусь. Нам бы удержать то, что есть сейчас, где уж тут до воспитания и обучения других. Хотя подмастерья из них, наверное, вышли бы неплохие, – закончила она, улыбаясь.

– Нет! – Хедин с силой сжал ей плечи. – Хотел сказать, что ты, ты, моя Си, можешь оказаться под властью того самого закона Древних, что ведает сменой Поколений. Что, инициируй мы «Новых Магов», тебя станет… не знаю… вытеснять, выталкивать в небытиё, если не хуже. Или, в лучшем случае, превращать в какого-нибудь мелкого лесного духа.

– Понимаю. – Она погладила его по щеке. Вздохнула, спокойно и со странным умиротворением, словно лишний раз убедившись в чём-то очень для себя важном. – Так всё-таки, как думаешь, вышли б из них подмастерья, из этих самых «новых»?

– Сильно сомневаюсь, – буркнул Познавший Тьму, с явным облегчением меняя тему. – Слишком горды, слишком зазнались, слишком полюбили лёгкую роскошь, добываемую магией. Надеюсь, хоть сколько-то ума Чёрный им добавил.

– А о нём, кстати, ты не забыл? Не может ли он?..

– Всё может. Но пока что главное – Хрофт, Дальние и слуги Хаоса. Все стягиваются сюда, к преддверию Демогоргона. Не знаю, как это понравится Соборному Духу и что он может сделать.

– И Спаситель… – проронила Сигрлинн.

– И он тоже, – кивнул Хедин. – Оно и понятно, ещё один охотник за душами, быть может, надеется поживиться. К примеру, рассчитывает, что рухнут вообще все владения Демогоргона, всё, содержащееся там, вырвется на свободу…

– А оно таки может вырваться? – тихонько спросила Сигрлинн. – Там есть чему вырываться? Души, призраки, как в «царствах мёртвых», как в Хель? Или там что-то иное?

– Старый Хрофт надеется, что там он найдёт именно своих сородичей, что они уцелели, хоть и в виде бесплотных теней. Как оно на самом деле… не знаю, Сигрлинн. Никто не перешагивал последнего порога и никто не вернулся оттуда, чтобы рассказать. Даже мой верный землерой Хервинд бы не справился.

Волшебница улыбнулась, но лишь губами, в глазах затаилась

тревога.

– Ты таки гневаешься. Я уже «Сигрлинн», а не Си.

Хедин лишь беспомощно всплеснул руками.

– Сдаюсь. Здесь с вами не сладить. Гневаюсь, да. Но кто б на моём месте не гневался?

– Ты – не «кто», мой Хедин. Тебе гнев – непозволительная роскошь.

Хедин только фыркнул:

– Роскошь, не роскошь… Старина Хрофт прорывается сейчас к вратам Демогоргона, судя по всему, пробился уже достаточно глубоко.

– И?

– И все ждут, – отрывисто бросил Познавший. – Все ждут моего хода. Дальние, Хаос, даже Спаситель.

– А Неназываемый?

– Этот, по-моему, ничего не ждёт. Ему всё равно, лишь бы жрать, да торили бы Путь козлоногие. Так что я даже слегка удивлён отсутствием их депутации. Среди них есть те, кто умеет говорить, и, если верить недавним донесениям, «говоруны» довольно быстро умнеют.

Сигрлинн кивнула, но лицо у неё оставалось тревожным и озабоченным.

– Есть что-то ещё, Хедин. Помимо всего сказанного – ты сам не свой, ты не выговорился.

– Ещё бы! – буркнул Хедин. – Если старик Один и впрямь выжил из ума и решил, что лучше всех всё знает и понимает, если пошёл своим собственным путём, изменив нашему делу…

Волшебница наблюдала за ним, слегка сощурившись.

– Меня не обманешь, любезный друг мой. Один – это, конечно, да. Старый друг, соратник. Рука об руку, плечо к плечу, спина к спине и всё такое прочее. Знаю, как это важно, по тому же Ордену Прекрасной Дамы. Но, в конце концов, кто он такой? Всего лишь древний бог, реликт, случайно доживший – по твоей милости, кстати, – до наших дней, не превратившись в какое-нибудь чудовище, как многие его собратья, кого миновал первый гнев Молодых Богов.

– Хорош реликт – пробиться к вратам Демогоргона!

– Просто раньше никто не дерзал даже помыслить о таком, – пожала плечами чародейка. – А оказалось, что всё не так уж страшно. Нет, дорогой мой, давай-ка признавайся. Тебя не так-то просто вышибить из седла, а тут, я вижу, случилось нечто похуже крепкого эля, ударившего в голову твоему старому приятелю, с которым вы, небось, по молодости приударяли за смертными красотками. – Она пыталась шутить, но глаза оставались

тревожны.

Хедин невесело усмехнулся, покачал головой.

– Изменить может каждый, забыла?

– Это? Тебя это тревожит? Х-ха, дорогой мой Познавший, пора бы уже привыкнуть.

– Мои ученики меня не предавали. И друзья. И подмастерья.

– Ну, а меня – да, – беспечно бросила Сигрлинн, тряхнув волосами. – Если вспомнить ту Ночную Всадницу, что убила меня в первый раз. Ты судишь всех по себе, Хедин, от всех ожидая своей стойкости, верности, убеждённости. А эти «все» – они не такие. Слабые. Увлекающиеся. Не видящие так глубоко, как ты. Терзаемые собственной памятью, возводящие какие-то личные беды в абсолют. Неидеальные, несовершенные, то и дело творящие такое, что волосы дыбом встают.

– Не пойму, к чему ты клонишь?

– К тому, что одно только предательство Хрофта тебя не должно повергать в такое смятение. – Указательный палец Сигрлинн упёрся Познавшему Тьму в грудь. – Ты это понимаешь не хуже меня. Ну, дай угадаю – ты решил, что появился кто-то, тот самый, «ещё более сильный или дерзкий», что свергнет вас с Ракотом? Что Упорядоченное готово смахнуть все привычные фигурки с тавлейной доски, выставив совершенно новые и поменяв правила? Что вы с Ракотом более не нужны?

Хедин ответил не сразу, долго всматривался Сигрлинн прямо в лицо, да так пристально, что волшебница невольно нахмурилась.

– На мне что, цветы внезапно выросли? Чего ты тут не видел, Хедин, милый мой?

– Если наш с Ракотом путь в звании «новых богов» и закончен, – медленно сказал Познавший Тьму, – долг мой – устроить всё так, чтобы смертные и бессмертные, обитатели всех бесчисленных миров ничего бы не заметили. Понимаешь? Вообще бы ни-че-го.

– Достойно, – фыркнула чародейка. – Но и это не всё, мой Хедин. Ты по-прежнему недоговариваешь. Что долг твой, как ты его понимаешь, останется недовыполненным, и это мучает тебя – охотно верю. Ты таков, ничего не поделаешь. Но это не всё.

– Не знаю уж, как тебе угодить, – делано вздохнул Познавший Тьму. – Если тебя начинают предавать, значит, дорога твоя, скорее всего, ведёт в никуда. Если Старый Хрофт решил, что он готов объединиться хоть с кем, лишь бы вызволить свою родню из владений Демогоргона, – значит, мы с Ракотом что-то делали не так, и причём очень долго.

– Не хочешь признать собственных ошибок? – усмехнулась

Сигрлинн. – Это тебя мучает? Понимаю, Хедин, понимаю. Слишком много знания, слишком мало веры. Мне легче – я-то верила всегда.

– Чему?

– Не «чему», а «в кого». В тебя, мой дорогой. Даже когда погибала вместе с Брандеем.

Лицо Познавшего тьму рассекли жёсткие, суровые морщины.

– Сигрлинн, сейчас уже дело не в нас с тобой. Я считал, что незачем вмешиваться в судьбы миров, предотвращая всякую несправедливость, гораздо лучше дать всем жить по их собственному разумению. Я считал, что Старый Хрофт давно смирился с утратой – а он, оказывается, всё это время жил с мечтою о мщении, но даже не Ямерту, а всему нашему делу. Может, нам с Ракотом надо было иначе? Не единичные наши храмы тут и там, где жрецы занимаются кто чем и кто во что горазд, – а вера и обожание бесчисленного множества смертных и бессмертных? Святилища, сложенные не из кирпича, не из каменных глыб – но из миров со всеми их обителями, сведённых вместе? Любовь живущих, исступлённая и фанатичная, не ведающая сомнений? Строгий закон и строгая же кара, причём превыше всего – кара для тех, кто служил бы нам и попытался нагреть на этом руки? И поверх всего – мы с братцем Ракотом, в белых одеждах, восседающие на облаках, в ореоле лучей, загадочно и снисходительно улыбающиеся бесчисленным сонмам тех, кто готов будет отдать жизнь по первому нашему слову?

Сигрлинн сперва слушала, слегка улыбаясь, но потом улыбка исчезла.

– Если это – цена того, чтобы ты любил меня и дал бы мне любить тебя, я не колебалась бы ни мгновения. Если это – цена того, что Упорядоченное останется стоять и мы будем вместе, я не колебалась бы ни мгновения. Если это – цена того, что всё останется как есть и я по-прежнему смогу, если надо, запустить в тебя огнешаром, я не колебалась бы ни мгновения. – Улыбка вновь вернулась.

– Я не верю, – вырвалось у Хедина. – Мне всегда казалось…

– А мне всегда казалось, – запальчиво перебила волшебница, – что ты всегда слишком много думал про какие-то принципы и краеугольные камни, и слишком мало – о том, как сделать так, чтобы оно всё работало. Не хочешь восседать на облаке во славе лучей? Сделай тайный культ, нет ничего лучше. Запретное всегда сладко. Учреди мистерии, сокрытые ордена, степени посвящения, раскрывай адептам потихоньку тайны Упорядоченного и его сил, но лишь постепенно, лишь достойным и лишь то, что не повредит делу. Возглавь сам поклоняющихся

тебе, сделайся непостижимым и тайным Мастером, одно созерцание коего – великая, нет, величайшая награда. Ты собственной персоной отказался от сильнейшего оружия, от поклонения и преклонения смертных, мой Хедин, а теперь сомневаешься, не усомнилось ли в тебе Упорядоченное? Х-ха, а почему бы ему и не усомниться?

Взгляд Хедина оставался непроницаем. Бровь Сигрлинн дрогнула, поднимаясь.

– Скажи же что-нибудь!

– Пока что нам бы не допустить, чтобы рвение Старого Хрофта кончилось б чем-нибудь совсем уж непоправимым, – пожав плечами, буркнул Новый Бог. Казалось, на самом деле ему хочется сказать что-то совсем другое. – Все остальные сомнения и колебания – потом, Сигрлинн. Упорядоченное должно жить, вот и всё. А дальше – разберёмся.

– Узнаю братца Ракота, – вздохнула чародейка. – Его слова. Главное, ввязаться в драку, а там видно будет. Ох, мужчины, мужчины! «Война есть вершина…» – как там дальше?

– Война есть вершина человеческого духа и судьбы, – проворчал Познавший Тьму. – Из меня раннего. «Так говорил Хедин», том такой-то, страница такая-то, стих сякой-то.

Сигрлинн с готовностью рассмеялась.

– Так-то оно лучше, мой дорогой. Что следующее в твоём плане, несомненно, с большой буквы? Поймать старика Хрофта за бороду и отправить накачиваться элем в какой-нибудь трактир Хедебю, с достаточным числом смазливых девчонок, чтобы не соскучился?

– Нет, не за бороду. – Новый Бог наконец улыбнулся. – И смазливых девчонок не предусмотрено тоже. Друнгар и Ридаин готовы, они идут наперерез. Но ты сама видишь, – он кивнул на расставленные кругами бесчисленные кристаллы, в которых полыхали причудливой симфонией все цвета радуги, – слетелись трупоеды. Во множестве. Подмастерьям их всех, конечно, не удержать, но этого нам и не надо, полк Ридаина и Друнгара я вытащу через портал, если нужно, хоть это и будет нелегко. Нет, Си, мы не нанесём удара первыми. Но зато, если нас атакуют, у нас найдётся чем ответить. А главное, этот треклятый Закон Равновесия будет на нашей стороне.

– Я понимаю, почему ты ставишь такие памятники своим погибшим, – негромко проговорила Сигрлинн, помолчав. Скользнула поближе гибкой пантерой, обняла, прижалась. – Я понимаю, мой Хедин. Можешь рассчитывать на меня во всём.

– Да я и так рассчитываю. – Он развёл было руками.

– Нет-нет-нет, обнимай меня и дальше. Драматические жесты

оставь для своих подмастерьев. Со мной можно без них.

* * *

Сильвия Нагваль преследовала отряд Старого Хрофта упорно, неотступно и неутомимо. Жутковатый голос – «Следи за ними, наша верная» – звучал в ушах постоянно, словно колокол. Она вновь оказалась у кого-то на крючке. Кто-то всевидящий не сводил с неё пристального взгляда, и глаза у этого кого-то, казалось Сильвии, были совершенно неживые, нелюдские, скорее как у стрекозы, громадные и со множеством фасет.

Однако она бы и сама, наверное, не упустила такую возможность. Спутники воительницы Райны пробивались к чему-то неведомому, но явно очень, очень для них важному, и Сильвия готова была поклясться утраченным фламбергом – там найдётся чем поживиться и ей, последней из Красного Арка. Она, в конце концов, не гордая, не побрезгует и объедками, если надо.

Взяв след диковинной компании, она изо всех сил старалась не отстать, и это оказалось очень непросто. Тропа, которой они шли, всё больше и больше отдалялась от привычной Сильвии Межреальности, меж дочерью Хозяина Смертного Ливня и Сущим словно сгущалась туманная пелена. Её ещё можно было раздвинуть обычными заклятиями открытия пути, но чем глубже уходили преследуемые, тем с большим скрипом и сбоями работали надёжные, казалось бы, чары.

Сильвия не успевала удивляться. Что это за фокусы? Неужели та самая загадочная «изнанка мира», о которой скупо и намёками повествовалось в трактатах, которые дед держал в особой, запретной для простых адептов библиотеке её родного Ордена?

Она продиралась, проползала, пролетала и прошмыгивала. Идущие перед ней Райна и её спутники оставляли за собой некое подобие тропы, однако она быстро схлопывалась; и чтобы не отстать, Сильвии пришлось пустить в ход все умения.

Дочь Хозяина Ливня едва не потеряла след, когда её поводыри вызволили из мёртвого мира-тюрьмы исполинского волка, с поистине великанской силой – силой не чудовища, но отпрыска Древних Богов.

Волка этого Сильвия побаивалась. Он, похоже, способен был учуять муху за множество поприщ, что ж говорить о сове!

И волк, похоже, чуял – оборачивался, порыкивал, но других не оповещал. С ними у него, похоже, не всё выходило так просто.

Так или иначе, она преследовала их всё азартнее и нетерпеливее, забывая все заповеди, что норовил внушить ей дед

посредством связки старых добрых розог.

До тех пор пока рядом с ней не появился удивительный спутник.

Глава II
Первая встреча, последняя встреча

Они побеждали, сомнений уже не оставалось. Фенрир, изрядно помятый и окровавленный, гнал и гнал огрызающиеся орды чудовищ, а бока и спину ему прикрывали бесчисленные легионы демонов. Яргохор тоже теснил серый прибой духов, мало-помалу появлялись его шлем, плечи; туманная пелена опустилась уже по грудь.

– Мы держим своё слово, Древний бог Óдин, – не без самодовольства сказали Дальние. Они, похоже, сейчас очень гордились собой. – Не сомневаемся, что и ты сдержишь своё.

– Это какое? – осведомился Старый Хрофт, снимая латную рукавицу и осторожно касаясь горячего, словно кузнечный горн, лба дочери.

– Тебе придётся защищать то, что ты есть, – напыщенно объявили ему. – Придётся защищать свою собственную самость от алчного бога Хедина. Он не потерпит возвращения твоей родни. Это пошатнёт его излюбленное равновесие, можешь не сомневаться, а бог Хедин ненавидит всё, что нарушает или хотя бы чуть-чуть меняет текущий порядок вещей.

– Не беспокойтесь за меня, – рыкнул Óдин. – Вы говорили что-то о настоящей подмоге?

– Она не замедлит, – без тени сомнения заявил голос Дальних. – Но первый бой твоя дочь должна выиграть сама, одной лишь силой духа.

– Откуда вы знаете? Неужто бывали там, где она сейчас? – не сдержался Старый Хрофт.

– Там, где она сейчас, Древний Бог Óдин, бывали считаные единицы смертных, не мы. Нам туда дорога закрыта.

– Почему? Вам, таким всемогущим?

– Мы не всемогущи. Мы всего лишь руки Творца. Мы исполняем его волю, а иного нам знать и не нужно.

– Но ведаете, что там бывали единицы смертных?

– Ведаем, ибо следим за всем и всеми, кто способен… зайти слишком далеко.

– Спасибо за откровенность, – ухмыльнулся Старый Хрофт.

– Мы теперь вместе, – ответили ему. – Уже до самого конца.

– Надеюсь, он не слишком близок. – Кривая усмешка так и не ушла полностью.

– Никогда не понимали этого в вас, одиночках, – вздохнул хор Дальних. – Никогда не понимали этого ужаса перед смертью.

В то время как достаточно всего лишь примкнуть к нам, стать частью…

– Нет уж, спасибо, не понимаете, и не надо, – отрезал Старый Хрофт. – Если вы всего лишь руки Творца…

– Да, руки! – запальчиво подтвердили ему. – И нет в Сущем участи выше, чем наша!

– Хорошо, хорошо, – выставил ладони Отец Дружин. – Но всё-таки, что с подмогой?

– Ждём, – последовал неумолимый ответ.

* * *

Альвийский меч в руке Райны подрагивал, словно готовый к бою пёс.

Золотая тропа стянулась в луч, впереди маячили очередные врата, но теперь их уже никто не охранял. Справа и слева зияли бездны, укрытые всё тем же серым туманом. Впереди, сквозь сгустившиеся тучи, что-то поблёскивало, сокрытое от взоров, тайное.

Но оно валькирию совершенно не занимало. Кройся там хоть сам загадочный Престол, ей надо было вывести родню, ничего более!

И потому она даже вздохнула с облегчением, когда облака перед ней стали таять, так что валькирия вновь во всей красе увидала бескрайнюю крону Великого Древа, раскинутую над всем Сущим, и то место на его ветви, где совсем недавно пребывал призрачный двойник погибшего Асгарда, его густо покрывали копошащиеся чёрные фигурки демонов, словно муравьи на развороченной куче.

– Идите же сюда, ко мне! – надсаживаясь, крикнула Райна теням асов. – Кончилось заточение, всё кончилось! Мы возвращаемся!

Она кричала, ощущая, как всё сильнее и сильнее щиплет в глазах.

Тени асов приближались, но это были именно тени. Бесплотные и бестелесные, такого же серого цвета, как и всё в этом царстве мёртвых.

Валькирия бежала им навстречу, под ноги ложилась тонкая золотая нить, и Райна балансировала на ней с ловкостью опытной циркачки; в спину по-прежнему дул тёплый ветер силы, её словно поддерживало множество незримых рук, не давая сорваться в пропасть.

Асы всё ближе, она узнавала теперь всех и каждого. Над

ветвями Великого Древа мелькнул силуэт исполинского орла, мелькнул и исчез, словно и не было ему никакого дела до удирающих из его домена мёртвых богов.

Валькирия уже решила, что ей удастся вот так просто взять и повести за собой всю павшую на Боргильдовом Поле родню; когда бездна вскипела – серые завесы расступались, из них вырывались сонмы чёрных демонов, таких же, что и заполонившие призрачный Асгард на ветви Древа.

Сработанный альвийской оружейницей меч заплясал, рубя направо и налево; Райну охватывал дикий восторг, прежнее упоение боем, блаженство последней атаки; вот то, чего она неосознанно ждала все минувшие века, ради чего тянула лямку простой наёмницы – чтобы дать бой тем, кто пытается удержать её сородичей в полушаге от свободы и новой жизни.

Когда-то она и мечтать не могла о подобном.

Сейчас – с яростной чёткостью осознавала, что это и есть её главный бой.

Или… или, может, потом будет иной, ещё главнее? Рагнарёк? Что-то иное?..

Откуда взялись эти демоны, кому служат и почему вообще нападают на неё, не пытаясь преградить дорогу теням асов, Райна в тот миг не думала. Она вообще перестала думать.

Демоны послушно умирали, напрасно пытаясь зацепить её когтями или клыками. Додревние мечи, словно добытые невесть из каких могильников, разлетались ржавой пылью; Райна смела первый заслон, чувствуя, как переполняет её сила, – меч жадно пил отнятые им жизни, пусть это и были всего лишь жизни демонов.

«Сколько ж я про тебя, оказывается, не знаю, Оружейница», – мельком подумала Райна, разметав возникшую на пути живую завесу. Асы оказались уже совсем близко, и только тут валькирия разглядела, что за каждой из серых теней тянется, исчезая где-то в ветвях Великого Древа, нечто вроде призрачной пуповины, явно тянувшей их всех назад.

Ага! Вот оно то, что можно разрубить, то, где она, именно она, воительница, а вовсе не чародейка, может помочь.

Райну захлёстывала радость, небывалая, какой она не ощущала с рождения – так, во всяком случае, казалось валькирии.

Вот они, родичи, старшие братья и сёстры, серые тени, лёгкий туман, до сих пор привязанные к здешним залам Хель; покончить с этим! Одним ударом! Это ведь так просто, так легко; именно это она умеет лучше, чем что бы то ни было!

Альвийский меч резко взвизгнул, разрубив первую из пуповин – ту, что тянулась за Тором.

Отдача едва не сорвала валькирию с золотого мостка. Правую руку пронзила острая боль, ледяной холод вцепился в плечо, так, что Райна заскрежетала зубами, едва не выпустив клинок из разжавшейся ладони.

Она не остановилась. Второй лопнула привязь, что тянулась за Хеймдаллем. Вновь боль и льдистые когти, терзающие её тело, не замечающие стали доспехов; но нет, её так не возьмёшь!

Бальдр. Хёд. Сиф. Фрейя. А, вот и ты, ревнивая Фригг, не жаловавшая нас, живых свидетельств измен Одина тебе; впрочем, неважно, ты тоже будешь свободна!

И ты тоже будешь свободна, Йорд, у тебя достанет дел в новом Асгарде. И ты, Браги, ты ещё долго станешь радовать нас своими висами на буйных пирах в возрождённой Валгалле!..

Но тени асов, хоть и освобождённые, словно и не замечали воительницу, плыли сквозь неё, бесплотные и равнодушные.

«Ничего. Это ничего, – сцепив зубы, повторяла себе валькирия. – Это залы Хель, просто залы Хель с другим именем, ничего больше. Отец непременно придумает, что делать дальше, как вернуть вам плоть и память. Мне бы только вытащить вас отсюда».

Тени скользили по золотому лучу сквозь валькирию, по-прежнему не замечая её; глаза опущены, руки молитвенно сложены, словно у адептов Спасителя. И эта полная покорности поза Райне совсем не нравилась.

Только тут валькирия вдруг заметила, что тени асов начинают одна за другой сходить с золотого луча, скользя куда-то вперёд и вверх, туда, где вновь сходились знакомые облака, тая в глубине таинственное блистающее сердце.

Эт-то ещё что такое?! Откуда? Почему?

– Гад! – заорала валькирия, потрясая мечом. – Решил украсть?! Хрен тебе, а не асы! Понял?! Хрен!

Её трясло от бешенства. Меч заплясал, словно сам собой выписывая руны, но губы валькирии уже раскрывались, с них слетали слова новой висы:

Пала темница,
Слабы оковы,
Не удержать
Поступи славных,
Поступи мудрых.
Боги Асгарда,
Домой возвратитесь!
Не удержать
Поступи храбрых,

Поступи дерзких.
Боги Асгарда,
Настала пора
Вспомнить, кто вы,
И к уделу вернуться.
Пусть пепелище
Там, где стоял
Дом ваш, от века
Героями славный, –
Новый воздвигнем
Чертог мы златой.
Сядем на троны,
Станем судить,
Станем рядить
И воздадим
Справедливою мерой
Всем.

Виса рождалась сама. Простые слова, но их сейчас полнила старая сила валькирий, и тёплый ветер вдруг задул с удесятерённой силой, да так, что тени одна за другой, словно влекомые невидимой нитью, потянулись обратно, к Райне.

И, словно признавая её победу, послушно развернулся под ногами валькирии золотой луч, ведя обратно, показывая дорогу домой.

* * *

Óдин ощутил это как укол чудовищной иглы, впившейся в темя и пронзившей всё тело до самого паха. У него вырвался глухой стон, кулаки сжались, но за болью уже накатывала пьянящая, радостная лёгкость.

Она смогла. Райна сумела! Победила, преодолела, превозмогла. Валькирии не отступают и не сдаются, они умирают – или побеждают.

– Есть! – хрипло каркнул Ас Воронов. – Дочь выводит их. Ваш черёд, Дальние, черёд вашей обещанной подмоги!

Смарагдовые кристаллы вспыхнули все разом, погнали перед собой волну зеленоватого пламени.

– Твои соратники могут возвращаться. Теперь в наших силах снести врата.

И точно – серая воронка духов, крутившаяся возле Яргохора,

иссякла совсем, жалкие лохмотья уползали прочь, и туда же бросились ещё уцелевшие чудовища, сражавшиеся с Фенриром, словно кто-то отдал приказ: «Довольно!».

Зелёные кристаллы низко, басовито гудели, как шмели ясным днём над раскрытыми цветами. Медленно поднимаясь, они начали выстраиваться неким подобием исполинского копья, нацеленного туда, где скрылись остатки и живой, и мёртвой армии противников Одина.

– Но нам потребуется и твоя помощь, древний бог Один.

– Какая именно?

– Воинство Хедина, Познавшего Тьму, приближается. Они упорны и искусны, преодолели все барьеры и препоны, и вот-вот окажутся здесь. Тебе и твоим спутникам предстоит сдержать их, пока мы не пробьём брешь, чтобы твоя дочь смогла бы вернуться. Ты готов, Один? Времени выбирать уже не осталось.

– Я сдержу их, – пожал плечами Отец Богов. – Моя родня должна жить. Справедливость восторжествует, хотя бы и спустя столько времени. Мы примем бой.

– Слова истинного Одина, – одобрили Дальние. – Что ж, мы тебе верим. Прикрой нам спину, и асы вернутся к тебе. Что дальше – уже в твоих руках.

Яргохор и Фенрир возвращались. Волк прихрамывал на правую переднюю лапу, но ухмылялся – широко и злорадно.

– Эх, и показал же я им! Славная вышла драчка, давно так не веселился!

– То-то тебя демонам спасать пришлось, – прогудел подошедший Яргохор. Броня Водителя Мёртвых выглядела так, словно по ней вволю погуляли молоты гномов – погнута, во вмятинах, многие пластины пропали, со шлема исчезло острое навершие.

– Меня? Спасать?! – немедленно взъярился сын Локи. – Да что б ты понимал, душевод! Да я заманивал их, если хочешь знать! Сам-то чуть не потонул, тебя самого те же демона́ за шиворот из водоворота вытаскивали!

– И где это ты узрел на моём доспехе ворот, почтенный волк? – не остался в долгу Водитель Мёртвых.

– Стойте, вы, оба! – рявкнул Старый Хрофт. – Сейчас будет ещё одна драка, да такая, что… Идёт армия Хедина. Идёт сюда. Нам надо продержаться, пока эти, – он махнул в сторону выстраивающихся смарагдовых кристаллов, – пока эти будут удерживать врата открытыми для Райны и остальных.

– И… для… отца? – медленно спросил волк.

– И для Локи, моего названого младшего брата, – кивнул Один.

– Ты собрался-таки драться с Познавшим Тьму? – осведомился Водитель Мёртвых. – Что ж, к этому всё шло.

– С чего ты взял? Едва ли на Гнипахеллире ты бы мог узнать…

Казалось, Яргохор усмехается под покрытым вмятинами шлемом.

– Я – Водитель Мёртвых. Мы чуем схватку великих сил, как вампиры – кровь. Быть великой замятне, быть страшной битве. Но мы с тобой, Древний бог Óдин. Ты вернул мне меня. Я с тобой, великий.

– Я тоже! – рыкнул Фенрир. – Это будет славно. Да и чего нам бояться, ведь Рагнарёк ещё не наступил! Помни, грозный Óдин, только у тебя есть власть убить меня, и только у меня – есть власть убить тебя. А все остальные… да пусть пробуют!

Старый Хрофт молча кивнул, взглянул на Райну – щёки валькирии порозовели, дыхание сделалось спокойным, глубоким и ровным, она словно спала, спала и видела безмятежные, мирные сны.

– Тогда идём.

– Куда? – удивился волк. – Некуда здесь ходить. Всюду одинаковая серятина.

– Подальше вот от этих. – За плечами Отца Богов выстраивалась исполинская пирамида плавающих словно сами по себе зелёных кристаллов. – Им нужно время.

– А нам – нет? – в свою очередь удивился Яргохор. – И потом, что с твоей дочерью, доблестной Райной? Она останется здесь?

Старый Хрофт кивнул.

– В бою она сейчас помеха, а не помощь. И ей надо пройти её собственный путь. Ну, пошли.

Они повернулись спинами к затянутым серым вратам Демогоргона. Демоны исчезли – которые рассыпались чёрным пеплом, скрылись вместе с серой воронкой духов, которые гнали дальше отступавших чудищ, что дрались с волком. Над опустевшим полем боя теперь поднималась лишь исполинская зелёная пирамида из висящих каждый сам по себе смарагдовых кристаллов; на до блеска отполированных гранях длилась причудливая пляска изумрудных огней.

– Армия Познавшего Тьму, э? – рыкнул Фенрир. – Сколько их будет?

– Несколько сотен, едва ли больше. Тысяча в самом крайнем случае.

Волк захохотал, мотая мохнатой головой, только что не принявшись кататься от смеха по земле.

– Несколько сотен? Тысяча?! Ты смеёшься, великий Óдин.

Мне ж это на один зуб, даже распробовать не получится!

– Эта тысяча стоит тьмы и тьмы других, племянник.

– Ха! Ха! Стоит тьмы других! Ну, может, и стоит – стада овец, наверное.

– Не хвались, волк, – остудил пыл Фенрира Водитель Мёртвых.

– А ты с ними что, уже бился, да? И они тебя погнали небось? – съязвил сын Локи.

– Не бился. – Яргохор словно не заметил насмешки. – Но если владыка всего Сущего, что может собрать мириады мириадов, что может бросить на нас мощь множества миров, посылает в бой всего лишь несколько сотен… значит, эти сотни поистине дорогого стоят.

– Дорогого, недорогого, – буркнул волк. – Какая разница? Дайте их мне! Тогда и узнаем, кто чего стоит.

– Долго ждать не придётся, – остановился Óдин. – Вот они.

* * *

Тени асов освободились. Виса валькирии, древняя сила Асгарда, властно влекла их обратно. Однако они по-прежнему словно не видели воительницу, подчиняясь лишь её магии. Сущности их дремали, не торопясь вернуться.

Но Райна сейчас не обращала на это внимания. Её сила превозмогла все препоны и ловушки этого места. «Тоже мне, «домен Соборного Духа», «самое таинственное место всего Упорядоченного»! Ничего особенного». Её воля оказалась могущественнее всего, что смог бросить против неё Демогоргон. Стражи и демоны, пропасти и бездны – её ничто не остановило. И теперь они возвращаются – она и асы.

А как только они выберутся отсюда – всё будет очень и очень хорошо.

Золотая тропа расширялась, уверенно вела Райну прочь из страны мёртвых. Валькирия не оборачивалась, она и так знала, что тени асов послушно следуют за ней.

Они победили. План отца исполнился. Осталась последняя, самая малая малость – перейти обратно границу меж жизнью и смертью, сбросить личину отшагнувших от мира живых и потом уже подумать, как вернуть родне и сёстрам достойную богов Асгарда плоть.

Райна шагала и пела во всю глотку, пела разухабистые песни простых наёмников, её былых товарищей, обычных смертных. Сколько раз она пела вот так же, у походного костра, празднуя

победу или стараясь приободрить других после неудачи; сейчас эти немудрёные вирши казались ей величественным победным гимном.

Облака расступались перед нею, в спину упирался холодный взгляд великого Орла, словно обнимавшего широко раскрытыми крылами Мировое Древо. Он был спокоен. Холоден и спокоен, словно и не вырвались из его владений только что несколько десятков Древних, пребывавших тут бессчётные века.

Но что ей до всех на свете духов, Орлов и Драконов, до сил великих и малых – если за ней следуют её сёстры? Где-то там, позади, наверное, осталась мама, но… что поделать. Мама была смертна, такова её участь; Райна никогда не забывала о ней, но могла ли вернуть её сейчас?..

Наверное, нет. Не следует нарушать испокон установленное. Смертные живут и умирают, их души отправляются в области посмертия. Боги – живут вечно, до самого последнего дня, отпущенного их миру, и тоже умирают, уже конечной, последней смертью. Так было, пока стоял Асгард – простой и честный порядок. Так и должно быть. Не ей, истинной валькирии, нарушать его.

…Но в глубине души уже свивал кольца червь сомнения.

Они с отцом опрокинули все законы, запреты и установления. И что мешало ей… нет, нет, – Райна даже помотала головой, – она безумна. Как она нашла бы мать в бескрайних владениях Соборного Духа, понятия не имея даже, где и, главное, как её искать?

Оставь позади прошлое, валькирия, иди вперёд, не сворачивая. Границы домена мёртвых всё ближе, ещё немного, ещё чуть-чуть…

Смотрит в спину жестокий Орёл. А может, это лишь его тень, как и всё здесь? Может, он и сам мёртв незнамо сколько столетий, лишь притворяясь живым?

Забудь, Райна, забудь.

Золотой луч рассыпался под ногами облаком искристых вспышек, словно рой падающих звёзд летней бестревожной ночью.

А впереди – впереди бушевал пожар.

Серая завеса горела, полыхала яростным зелёным пламенем, не дававшим, однако, жара. Откуда-то снаружи во врата твердыни Демогоргона бил неистовый поток смарагдового огня, и под его напором преграда медленно, но верно поддавалась.

Валькирия обернулась – тени асов покорно и безвольно следовали за ней, незрячие глаза смотрели куда-то сквозь Райну, будто не замечая. Души богов подчинялись той же силе, тем же

чарам, что и призраки Гнипахеллира, духи простых смертных.

Демонов, столь яростно нападавших на валькирию совсем недавно, видно не было. Зачем атаковали, почему, по чьей указке? – Райна не знала. Впрочем, сгинули – и ладно. Туда им и дорога.

Перед валькирией, насколько мог окинуть взгляд, поднималась исполинская серая стена, протянувшаяся и вправо, и влево, и вверх, и вниз. Стена без окон и врат, стена без каких-либо различий; просто стена серой холодной мглы, и ничего больше.

Хотя – нет, не «ничего». Пятно зеленоватого света, пробивающегося сквозь туманную хмарь, пятно пляшущего изумрудного огня, продавливающего себе дорогу внутрь, в домен Соборного Духа.

Шла помощь – помощь ей, Райне! Валькирия видела, как серая хмарь медленно и нехотя, но всё-таки дрогнула, постепенно расходясь в стороны. Она истончалась, таяла, растягивалась – и наконец лопнула.

Стена зелёного пламени взвихрилась в последний раз и стала неспешно опадать, словно с гордостью за хорошо выполненное дело. И когда она исчезла совсем, Райна увидала застывших отца, Фенрира и Яргохора – живых и невредимых.

Вернее, увидела их спины. Исполинский волк вздымался настоящей горой, отца и Яргохора едва удалось рассмотреть. Прямо же перед валькирией, насколько мог окинуть глаз, тянулся сложнейший лабиринт зелёных кристаллов, вокруг которых ещё не до конца угасли сполохи изумрудного огня.

Тени асов толпились вокруг валькирии, окружали её, по-прежнему немые и безучастные. Пустые серые глаза тупо таращились в пространство.

Бесплотные, бестелесные, бессильные. Мёртвые отражения давно ушедших силы, желания, страсти. Сохранённые, словно в магическом зеркале, доменом Соборного Духа, сохранённые невесть зачем. Они подчиняются заклятиям, покорно и безвольно, словно и не были никогда божествами, гордыми и непреклонными. Божествами, что предпочли смерть рабству.

Сердце валькирии полнила гордость, высокая и торжественная, под стать тем речам, с какими она вводила в Валгаллу очередного героя; воительница Райна сжимала зубы, отгоняя неотвязную мысль, что даже отцу ничего не удастся сделать с этими тенями, что они так и останутся невесомыми, неосязаемыми призраками.

Но не мог же великий Один решиться на такое, не имея чёткого плана, что он станет делать после победы, после того, как

выручит сородичей?

Всё, путь открыт. Небывалое свершилось – стены неприступной крепости, твердыни Соборного Духа, пробиты, смерть возвращает прихваченное – осталось лишь сделать последний шаг.

Никто не стоял на пути у валькирии, исчезли демоны, нигде не видать нелепо-разодетых архонтов с их напомаженными, тщательно завитыми бородами и ещё более нелепыми посохами; а Райне отчего-то сделалось очень страшно. Альвийский меч подрагивал в руке, словно ему недостало боя, словно вновь хотелось в сечу; и это не нравилось воительнице тоже.

Великий Орёл не стал вмешиваться в происходящее. Он, никогда и ни для кого не открывавший врат, ведших на обратную дорогу!

Что всё это значит?

Серые пуповины, или поводки, Райна не знала, как лучше их назвать, перерублены. Тени асов и асиний свободны – если, конечно, тень погибшего бога вообще можно назвать свободной. Нужно сделать последний шаг – а там, быть может, души асов сами собой облекутся во плоть?

Райна вздохнула. Вот он, незримый порог, разделяющий мир навсегда мёртвых и пока ещё живых; ей оставалось сделать последний шаг. Казалось бы, чего тут мешкать? Делай, свершай, побеждай, валькирия!..

Но набравшаяся горького опыта воительница Райна всё же медлила.

* * *

Исполинская конструкция, сложенная из бесчисленного множества зелёных кристаллов басовито гудела за спиной Одина, словно там роились разом сотни и тысячи пчелиных семей. Он не оборачивался – Райна справится, а если не справится… Что ж, если не справится, то ему придётся постараться за двоих.

Рядом с ним шагал Яргохор, спокойный, меланхоличный, словно всё происходящее его не касалось. Громадный Фенрир поневоле держался в отдалении, но всё равно хорошо было видно, насколько его помяли. Тут и там мех испачкан тёмной кровью, не разобрать уже чьей, то ли самого волка, то ли его павших врагов. Сын Локи заметно припадал на левую переднюю лапу; ей, похоже, досталось больше всех.

Все молчали. Никто не задавал вопросов; Фенрир, похоже, неколебимо верил, что пресловутый «день Рагнарёка», когда ему

предстоит погибнуть от руки Отца Богов, ещё не наступил, Яргохор-Ястир, сам принадлежащий неведомо какому миру, застрявший на границе меж владениями мёртвых и уделом живых, наверное, научился не беспокоиться о себе. И в самом деле, можно ли убить его ещё раз?

Высоко-высоко над головами, взрезая острыми крыльями серую мглу, мелькнул коричневопёрый сокол. Óдин мельком взглянул вверх, усмехнулся.

Всё шло по плану.

– Ты станешь говорить, Отец Дружин? – вдруг подал голос Фенрир. – Перед боем… как положено? Бросишь вызов их предводителю?

– Брошу, – без тени улыбки кивнул Старый Хрофт. – У меня нет ни желания, ни необходимости убивать слуг Хедина. Достаточно, чтобы они нам не мешали, ничего большего мне от них не нужно.

– А они не помешают? – хладнокровно заметил Ястир. – Что осталось сделать доблестной Райне?

– Не ведаю. – Ответ Старого Хрофта получился совершенно бесстрастным. – Чтобы проникнуть в подвластные Орлу области, моей дочери пришлось почти умереть. Что ждёт её там – не знаю даже я. Но верю, что она справится. В конце концов, кому, как не ей, выводить мёртвых из их домена?

Ястир пожал закованными в помятую сталь плечами и ничего не сказал.

– Этот хвастливый маг сейчас бы пригодился, – как бы невзначай заметил сын Локи. – И он сам, и его сородичи, о которых он упоминал.

– Согласен, – кивнул Отец Дружин. – Но их здесь нет, так что и говорить не о чем. Их нет, есть только мы. И нам надо победить.

– Как именно? – деловито осведомился волк. – Съесть их всех? Честно говоря, у меня брюхо ноет от всех этих тварей в чешуе, что уже пришлось проглотить…

– Неужто? – усмехнулся Ястир. – Разве твоя утроба вместила хоть одного, о терзаемый вечным гладом пожиратель?

Волк недовольно фыркнул:

– Экий ты скучный, бог с мечом! Сразу видно – Ямертов родственничек.

– Я ему не родня, – ровным голосом отозвался Водитель Мёртвых.

– А кто же? – не отставал Фенрир.

– Мы возникли все вместе, это правда, – нехотя ответил Яргохор. Скрипнула сталь латной перчатки, пальцы его сжались на рукояти длинного вычурного меча. – Мы возникли все вместе,

и главным среди нас был Ямерт. Так установлено вне нашей воли и нашего желания. Такова воля Творца.

– Ты… видел Его? – осторожно осведомился Óдин. – Видел Его самого? Слышал Его речи?

Помятый во многих местах шлем отрицательно качнулся из стороны в сторону.

– Нет, Древний Бог. Мы возникли разом, такими, какими ты увидел нас на Боргильдовом Поле. Нас было много, но главнейшими всегда оставались ведомые тебе семеро.

– А Ярмина? – неожиданно для самого себя спросил Старый Хрофт. – Дочь Ямерта? А были ли дети у иных Молодых Богов? Сочетались ли они браком, подобно нам, Богам Древним?

– Ты уверен, великий Óдин, что сейчас подходящее время обсуждать все эти высокие материи? – Яргохор остановился. Остриё двуручного меча поднялось, указывая вперёд.

Каким-то образом Óдин, Ястир и Фенрир ухитрились оставить позади немалые поприща. Реальность здесь, хоть и по-прежнему безумная, казалась чуть ближе к тому, что слагало прочие, обыденные области Упорядоченного. Серые холмы катились волнами, то тут, то там вздымались неправдоподобно острые нагие складки, словно под серой тканью кто-то уложил лезвиями вверх бесконечной длины мечи. Кое-где виднелись даже деревья, вернее, нечто напоминавшее их серые полубесплотные тени.

– Мы очень далеко от врат, – заметил волк. – Райна…

– Чем дальше от неё, тем лучше. Готовы, все?

– Погоди, дядя, – ухмыльнулся Фенрир. – Ты так и не сказал, что нам делать. Разить насмерть? Просто разметать?

– Нам надо просто дождаться моих и твоих сородичей, сын Локи. Постарайся, чтобы ученики Хедина не причинили б тебе слишком много вреда.

– Не причинят, – рыкнул серый исполин. – После этих милых звериков мне, признаюсь, уже ничего не страшно…

– Тогда ты возьмёшь на себя их середину, – решил Óдин. – Ты, Ястир, – правый край. Я займусь левым и постараюсь добраться до тех, кто здесь распоряжается. Надеюсь, мне удастся… вразумить их.

Прямо перед замершей троицей на гребне недальнего холма замаячили тёмные ряды пешего войска. Гномы шагали тесно, плечо к плечу, высоко подняв штандарты родов и кланов. Закованные в броню по самые глаза, сдвинув щиты и выставив в промежутках первого ряда чёрные жерла огнебросов.

Справа и слева от тяжёлой пехоты наступали эльфы в зелёном и серебристом, пренебрегая глухими доспехами, но зато

держа наготове длинные, в полный рост, коричневато-золотистые луки.

– Ты, наверное, смеёшься надо мной, Отец Богов, – укоризненно покачал исполинской башкой Фенрир. – Это – войско? Чуть больше полусотни гномов, примерно столько же эльфов, по десятку всяких разных тварей в задних рядах – и это всё? Всё, что послал против нас великий и грозный Хедин, Владыка Сущего?

И волк расхохотался, громко и басовито, запрокидывая голову.

– Стойте, где стоите, – распорядился он. – Тебе, дядюшка, не придётся утруждать свои старые кости. Тебе, Ястир, лучше почистить и выправить вмятины на доспехах – ты же хочешь, чтобы смелая Райна посмотрела б на тебя с благосклонностью? Предоставьте этих несчастных неудачников мне.

– Не бахвалься, племянничек!

– Что ты несёшь, серый разбойник?! Какая ещё «благосклонность»?! – Это прозвучало почти одновременно, разве что Ястиру понадобилось чуть больше времени, чтобы закончить фразу.

Фенрир слушать не стал, сорвался с места в стремительный бег; вновь казалось, что он остаётся на месте, а не удаляется, просто несколько уменьшаясь в размерах. Огромный волк нёсся совершенно бесшумно, словно во сне, то, что играло здесь роль «земли», не содрогалось под массивными лапами. Владения Демогоргона продолжали шутить шутки с непрошеными гостями.

– Почему ты не остановишь его, великий Óдин?

– Как, Ястир? Всё, что смогли сделать в своё время с ним мы, асы, в зените силы и славы – это посадить на волшебную цепь, вдобавок сработанную не нами самими, а гномами.

– Тогда он погибнет, – хладнокровно сказал Водитель Мёртвых.

Старый Хрофт ничего не ответил. Альвийский меч рвался в бой, за спиной по-прежнему гудела исполинская конструкция из зелёных кристаллов, по-хозяйски расположившаяся на границе – и там же, за спиной Древнего Бога, осталась Райна, что должна была сейчас выбираться из мест, куда смертной или даже бессмертной плоти нет доступа, куда пробьётся лишь дух.

– Ты всё стоишь, великий Óдин? – Меч Водителя Мёртвых взят наперевес. – Ждать больше нечего. Ты выбрал, как и я.

– Идём, – эхом откликнулся Старый Хрофт. – Нам надо продержаться совсем немного, пока не вернётся Райна.

– А потом? – немедленно, хоть и без всякого любопытства в голосе, спросил Яргохор. – Что будет потом? Мы перебьём всех

хединских слуг?

Óдин не ответил, просто ускорил шаг.

Меж тем, завидев приближающегося гигантскими прыжками Фенрира, рать сподвижников Познавшего Тьму остановилась. Острый глаз Отца Дружин различал плотно сдвинутые вместе щиты, стрелы, уже лёгшие на тетивы, видел и дула огнебросов; левая рука владыки Асгарда коснулась блистающей стали альвийского меча; Óдин гладил клинок, словно хозяин, успокаивающий разъярённого, рвущегося в схватку волкодава. От металла по пальцам бежали болезненные мурашки, словно злые кусачие насекомые.

Сейчас, сейчас, сейчас. Тщательно составленное и продуманное – обмысленное долгими, нескончаемыми одинокими вечерами; увиденное, подсмотренное, замеченное в бесчисленных мирах, куда забрасывали его странствия – всему предстояло воплотиться именно сейчас. Да, потом будет ещё много всего, но путь задаётся именно в эти мгновения.

Альвийский меч он переложил в левую руку. Правая достала из ножен не древнюю, напоенную магией вещь, а простой короткий нож гномьей работы, на которой мастера Кольчужной Горы выбили лишь одну-единственную руну – руну «ас», руну, означавшую его самого.

Тёмно-серый металл, рукоять, собранная из колечек северной берёзы. Таких ножей гномы делали и продавали немало. Этот не отличался ничем, кроме упомянутой руны; она, впрочем, не делала его ни волшебным, ни «магическим», ни даже «зачарованным». Обычный нож, каким режут хлеб, свежуют дичь и делают ещё тысячу обычных, повседневных дел.

Первую руну, что, словно сияющая причудливая сеть, устремилась следом за Фенриром, Óдин начертал именно этим ножом. За ней – вторую, третью, пятую – линии вспыхивали в воздухе льдисто-голубым и почти сразу же исчезали.

Они летели стремительно, обгоняя ветер, и гасли в густой волчьей шерсти, на первый взгляд – бесследно.

Яргохор покосился на Старого Хрофта, ничего не сказал, всем видом своим, однако, показывая, что одними рисуночками тут не обойдёшься.

Альвийский меч вернулся Óдину в правую руку, гномий клинок скрылся в ножнах, и руны продолжили рождаться; но уже куда более яркие, броские, заметные. Они тоже мчались следом за волком-исполином, но, в отличие от первой пятёрки, уже не

гасли. Шерсть сына Локи от носа и острых ушей, вдоль взнесённой горбом спины и до кончика хвоста вся засветилась тем же льдисто-голубым, холодным светом.

Ни гномы, ни эльфы наступающего отряда не дрогнули и не попятились при виде несущегося на них чудовища. Подгорные воители лишь теснее сбили ряды, эльфы-стрелки, напротив, рассыпались, вскидывая луки.

– Что ж, поглядим, верны ли сказки о непобедимых слугах Хедина, – невозмутимо заметил Яргохор.

– Могу тебя заверить – верны от первого до последнего слова, – усмехнулся Отец Богов.

– На что же мы тогда рассчитываем? – деловито осведомился Водитель Мёртвых. – Как же это по-вашему, в духе Древних Богов! Вот такими же вы выходили и на Боргильдову Битву… и не на неё одну.

– На что рассчитываем? – Отец Дружин счёл, что ему пришла пора и несколько осерчать. – Держи крепче меч, Ястир! И нечего тут что-то выгадывать. Нас трое против многих десятков, тех, что заткнут за пояс даже сильнейших магов. Не думай, что они хороши лишь размахивать топорами или, скажем, пускать стрелы.

– Да я и не думаю, – прежним ровным голосом отозвался Водитель Мёртвых. – Меня, во всяком случае, им не взять, маги там или не маги.

– Завидная уверенность, Яргохор. Знать бы только, откуда взялась.

– Вот именно потому, что я – Яргохор, великий Óдин.

– Раз умершее умереть не может, да?

– Да. – Яргохор глядел на всё ещё далёкие шеренги воинства Хедина.

– Не зарекайся. – Старый Хрофт покачал головой.

– Я не безмозглый мертвяк, великий Óдин.

– Явившиеся сюда побеждали всегда и всех, Ястир.

– Только до той поры, пока не встретились с нами, владыка Асгарда.

Óдин хотел что-то ответить – но в этот миг рать Познавшего Тьму решила, что враг подобрался достаточно близко.

И ответила.

* * *

Исчезли последние отблески зелёного пламени. В серой стене, ограждавшей домен Соборного Духа, зияла огромная дыра, оставленная смарагдовым огнём; путь открыт, выводи асов,

валькирия Рандгрид.

Однако Райна отчего-то мешкала. Природная лихость валькирии уступила место осторожности бывалой воительницы. Лабиринт изумрудных кристаллов казался бесконечным; и выглядел он сейчас куда более пугающим и опасным, чем все тропы владений Демогоргона.

Нет, не так рисовалось валькирии её возвращение, совсем не так.

Она оглянулась – едва ли ей суждено ещё раз увидать эти запретные края; ну, разумеется, не считая того дня, когда ей самой предстоит сделаться такой же тенью.

«Страшно, валькирия?» – сказала она себе. И себе же призналась: «Да, страшно». Словно все эти забавы на золотой тропе, лихие стычки с бородатыми стражами, их рубиновые посохи, нападающие демоны – всё это было ненастоящим, существующим лишь в её, валькирии, воображении.

А истина – вот она, перед ней. И выбор – перед ней, тоже. Только перед ней; ни отец, ни кто-то другой не имеет к этому никакого отношения. Всё будет, как решит она.

Мёртвые пересекут границу – и мир изменится, необратимо, навсегда, так, что уже ничего не исправить. Отец ведь возвращает не безмозглых зомби, не призраков, не духов – он ведь, насколько понимала Райна, имеет цель именно возродить Асгард и вернуть его обитателей к жизни, во плоти, а не какими-то там привидениями.

Она робела, со стыдом признаваясь себе в этом. Насколько же было проще с теми же Безумными Богами, или с мертвоедами мира Агасты, или дикими колдунами Врагаша, или духами-вампирами Семмолы! Насколько легче было защищать юную королевну от наёмников её родственничка, решившего, что «девчонкам на троне не место!». Насколько проще и бестревожнее было мчать к Валгалле с павшим героем, готовясь ввести его в зал эйнхериев, под приветственные кличи его новых товарищей!

Всему этому настал конец. Или, вернее, наставал.

Валькирия с тоской обернулась. Далеко-далеко вздымалось исполинское Древо Мира; здесь, в домене Соборного Духа, его дом. Корни его тянутся к трём Источникам Магии, не то питаемые ими, не то сами питающие их. Загадочные стражи, утверждавшие, что «она не готова», но в конце концов не сумевшие ей помешать, и великое Нечто (или Ничто?) на том конце золотой тропы – все эти тайны Райна поневоле оставляла за спиной.

Врата обратно, в мир живых, широко раскрыты. Раскрыты, как несложно понять, Дальними. Союзнички, тоже мне… –

поёжилась валькирия.

Она выдохнула и позвала. Тени дрогнули, послушно потянулись следом, а далеко-далеко за спиной Райны раскрыл неоглядные крылья и устремился в неведомую высь великий Орёл.

* * *

Гномьи огнебросы выдохнули все разом. Над задними рядами воинства Хедина поднялись, словно сами собой, в воздух громадные радужные змеи, не имевшие никаких крыльев, но, похоже, преотлично умевшие летать. Эльфы-лучники дружно отпустили тетивы, целый рой стрел взмыл в серое поднебесье; оставляя за собой огненные дорожки, устремился к налетающему волку.

Серо-серебристый мех вспыхнул разом в полусотне мест, огоньки заплясали по шерсти, стремительно сливаясь в сплошное море. Помятый в нескольких местах, испещрённый царапинами во множестве, шлем Яргохора повернулся к Одину. Хозяин шлема был в явном недоумении.

Что же ты медлишь, Отец Богов?!

Гномьи огнебросы харкнули прямо в раскрытую пасть сына Локи множеством пламенных шаров. Увернуться не смог бы никто, однако Фенрир, с охваченными огнём боками и загривком, будто и не чувствуя боли, взвился в гигантском прыжке, пропуская выпущенные в упор заряды под собой.

Вцепившиеся было в шкуру языки пламени меж тем вдруг зашипели, тело волка словно одевалось ледяным панцирем, голубоватым, под цвет исчезнувшей чуть раньше руны Старого Хрофта. Огонь заметался, но спасения не было, лёд вздувался чудовищными наплечниками и защищающим шею хауберком, поножами, налобником и просто пластами, прикрывавшими сына Локи.

Целый рой стрел с невероятной меткостью был пущен эльфами прямо в глаза Фенрира, однако прямо перед ними вдруг схлопнулись прозрачные ледяные линзы; пылающие оголовки лишь бессильно клевали холодную броню.

Яргохор лишь покачал головой. Надо полагать, в немом восхищении.

Неудача ничуть не обескуражила ратников Хедина. Гномы стремительно и чётко отхлынули в стороны, избегая огромных лап волка; эльфы-стрелки брали его в кольцо; не жалея рук, рвали тетивы с такой частотой, что сам воздух потемнел от стрел;

огненные дорожки сплетались в невиданную сеть. Несколько радужных змеев и два мормата поднимались всё выше, и вокруг них разгоралось всё ярче и шире грозное гало, предвещая магический удар неведомой силы.

– Чем. Я. Могу. Помочь? – разделяя каждое слово, отчеканил Водитель Мёртвых.

– Мне нужно, чтобы они побежали. – Глаза Старого Хрофта гневно сузились. – Я хочу видеть их спины. Слышишь, Ястир?!

– Немножко не похоже на великого Óдина, – заметил тот. – Но я постараюсь.

Водитель Мёртвых взял меч наперевес и шагнул вперёд, туда, где Фенрир клацал челюстями, размётывая сдвинувших было щиты гномов. Перед мордой чудовищного волка воздух вспыхнул радужным многоцветьем.

– Ставят барьер, – пробормотал Отец Дружин. Он не сомневался, что те, кому надо, слышат сейчас каждое его слово.

Ледяной доспех меж тем преображался, Фенрира теперь покрывали уже не неуклюжие латы, но гибкая, словно вторая кожа, льдистая чешуйчатая броня. Гномы напрасно разряжали свои огнебросы, клубы пламени вспухали на серебристо-снежных слоях, отдельные чешуи лопались, отваливались, но на их месте тотчас сгущались новые.

Яргохор, не оборачиваясь, размеренно шагал вперёд, а вот Старый Хрофт так и замер на одном месте, и остриё альвийского меча, несмотря на нетерпеливые подрагивания клинка, чертило одну руну за другой. Басовитое гудение зелёных кристаллов за спиной Отца Дружин сделалось громче, хозяина Валгаллы словно окатило сухим жаром полуденной пустыни – но ссутулившиеся было его плечи распрямились, руки, не дрожа, продолжали творить. Впрочем, рождающиеся символы ничем не напоминали простые обликом, изначальные руны Асгарда.

Никто не ответил бы, откуда взял их Отец Богов, никто не ведал, как он их познал. Круги и треугольники, квадраты и звёзды – они возникали точно из ниоткуда, рассечённые многочисленными линиями, со вписанными в них другими письменами, неровными, странными и пугающими.

Древняя магия, рунная магия, магия, пришедшая от самой зари тварного мира. Далеко не столь изящная, как магия Арфы, или Лунного Зверя, или, скажем, Медленной Воды – всего того, чем так виртуозно владел Познавший Тьму в бытность свою Истинным Магом, ещё не Богом, – но сейчас не менее действенная.

– Спасибо вам, Дальние, – громко и чуть ли не торжественно провозгласил Отец Дружин, когда очередная волна силы

нахлынула на него, словно горячий песок, впитываясь через кожу и доходя до сердцевины костей.

Руны, руны, руны. Что ещё умел он, владыка Асгарда, чем ещё сумел бы удивить своих противников?

Меж тем лучники-эльфы заметили размеренно шагающего Яргохора, приближавшегося словно ожившая крепостная башня. Серое и чёрное, и длинный меч, начинавший – пока неспешно – описывать круги перед Водителем Мёртвых.

– Ты видишь, Гулльвейг, – так же громко и отчётливо объявил Старый Хрофт, – я принял помощь. И я расплачиваюсь.

Ответом ему стало молчание, но ничего иного древний бог Óдин, похоже, и не ожидал.

Парившие над схваткой морматы и радужные змеи всё плели и плели какое-то своё заклятье; Óдин то и дело кидал на них быстрый взгляд, словно лучник, готовый в любой миг пустить гибельную стрелу, однако всякий раз останавливавшийся.

Строй ратников Хедина меж тем совсем рассыпался, гномы и эльфы растянулись тонкой цепью, стараясь взять великого волка в кольцо. Получалось плохо, но и достойной цели для огромных челюстей не находилось. Фенрир закрутился на месте, но больше, похоже, просто пугал, чем нападал.

Собравшиеся в воздухе летучие создания, морматы и радужные змеи, наконец сотворили что-то: сияющий ореол вокруг них исчез, а серая твердь под лапами волка, напротив, закипела, словно вода в котелке, Фенрир начал вязнуть, точно в болоте.

Кто-то из эльфов пустил меткую стрелу в приближающегося Яргохора. Водитель Мёртвых вскинул клинок – зачарованный наконечник разбился о сталь меча, древко сломалось, окутавшись быстро растаявшим облачком пламени.

Óдин обернулся – Райна по-прежнему стояла там же, недвижная. Исполинская пирамида зелёных кристаллов извергала поток зелёного сияния, и прямо перед нею в серых волнах последней преграды заповедного домена всё расширялась и расширялась брешь, края которой глодал изумрудный огонь.

– Мы помогаем, – сказали Дальние.

– Я тоже сражаюсь, – сквозь зубы процедил Отец Дружин.

– Мы видим, – одобрил его незримый хор. – Но где кровь? Мы хотим крови! Слуги Хедина должны пасть!

Старый Хрофт не ответил – альвийский меч начертал очередную руну; она лёгкой птицей расправила паутинку крыльев, льдистые линии вспыхнули, поплыли над серой равниной, туда, на помощь волку и Водителю Мёртвых, что вовсю крутил клинком перед собой, словно заправский мечник, отражая сыплющиеся на него стрелы. Ему ещё предстояло немало пройти.

Вот вырвался очередной пламенный заряд из гномьего огнеброса, описал высокую дугу, опускаясь прямо на лишившийся уже острия шлем Яргохора; полоса серого металла взметнулась наперерез, и Водитель Мёртвых исчез в поглотившей его вспышке. Яростно-белое пламя вгрызлось в серую твердь здешней «земли», углубляясь, выжигая всё на своём пути.

Óдин зарычал сквозь стиснутые зубы.

– Нашему верному нет нужды тревожиться, – безмятежно объявили Дальние. – Сила наша огромна, а помогая тебе, мы помогаем Упорядоченному исполнить его предназначение.

– Его… предназначение… – лоб Старого Хрофта покрывал пот, – вернуть… моих… сородичей! Возродить Асгард!

– Бесспорно, бесспорно, – благодушно согласились Дальние. – Когда-то мы выступали против Познавшего Тьму напрямую. Это была ошибка. Мы в Упорядоченном не для того, чтобы воевать в открытую. Да, великий Óдин, – ты волновался? Вот он, твой союзник, идёт как ни в чём не бывало.

Водитель Мёртвых прежним размеренным шагом выступил из огненного шара, слепяще-белые струйки пламени стекали, словно дождь, по закопчённой броне, покрытой многочисленными вмятинами и царапинами.

Его не брал даже магический огонь, даже знаменитые на пол-Упорядоченного зажигательные заряды гномов-воинов Хедина. Водителя Мёртвых не просто «лишили памяти» в тот давний День Гнева, не просто поставили вести в Хель караваны новопреставившихся душ; с ним сделали и что-то ещё, страшное и поистине непонятное, сохранив подобие жизни, но что-то и отняв.

Фенриру меж тем приходилось нелегко. Хоть и громадный, хоть и неимоверно могучий, волк, которому не давала умереть от голода сама изначальная магия, уже почти по брюхо провалился в разверзшееся прямо у него под лапами болото. Серая трясина затягивала его медленно, но неумолимо, и, если б не руны Старого Хрофта, кто знает, что сделала бы с сыном Локи огненная магия подмастерьев Хедина?

Сам Яргохор упрямо шагал и шагал – прямо сквозь настоящий ураган несущихся ему навстречу эльфийских стрел, прикрывая ладонью в латной перчатке смотровую щель собственного шлема – о закопчённый металл уже разбилась добрая дюжина оголовков.

Гномы и эльфы из отряда Хедина меж тем благоразумно подались назад, стараясь не попадаться на зуб Фенриру, что всё глубже и глубже погружался в сотворённую колдовством топь. Мышцы исполинского волка вздувались чудовищными буграми,

он яростно рычал, но, видать, даже его лапы не могли нащупать опоры в расползающемся сером киселе.

– Пусть наш верный не беспокоится, – повторили Дальние, и басовитое гудение их кристаллов сделалось ещё громче.

Альвийский меч, казалось, сейчас закричит от переполнявшей его силы. Клинок пылал ослепительно-белым, сталь вибрировала, остро, режуще слух, чертя перед Отцом Богов руну за руной. Óдин снова оглянулся – фигурка Райны по-прежнему стояла недвижно, за ней – всё так же пылал зелёным огнём проход, сделанный Дальними в окружавшей домен Демогоргона стене.

Там всё хорошо. Там всё крепко. Дочь сражается.

* * *

Тени асов достигли рубежа. Граница владений Соборного Духа, граница меж жизнью и смертью, лежала перед ними, словно пробитый доспех, вспоротая призрачным клинком Дальних. «Не устоял ты перед ними, Великий Орёл», – подумала валькирия. И вновь обернулась – лишь для того, чтобы увидеть широкие крылья того самого Орла, всё раскрывающиеся, расходящиеся всё дальше, охватывающие само Древо Миров и весь домен мёртвых. Он был тут, великий Орёл, разом и обнимая свои владения, и поднимаясь куда-то ввысь, куда не проник бы взор не только смертного, но и бога. Туда, в неведомое, вела золотая тропа, врата его охраняла бородатая стража, сурово объявившая Райне – «ты не готова!»

Во владениях Демогоргона оставались неисчислимые легионы павших. Там оставалась мама. Её любил сам Владыка Асгарда, однако это не уберегло её от смертной участи, и хорошо ещё, что избавило от залов Хель. Матерям валькирий не было хода на поля Фрейи – из-за ревности Фригг; но великий Óдин не мог и бросить их в пасть царства мёртвых.

«Она не там, – сурово ответил он когда-то Райне. – Немногое мог я сделать для неё, но это немногое – сделал. Сигрун во власти Соборного Духа, и это – лучшее посмертие, что я мог дать ей».

Так может ли она сейчас повернуться спиной и уйти? Остаться с роднёй, со старшими асиньями и асами, забыв о собственной матери? Тебе, Рандгрид, от отца досталось бессмертие, невластность времени над тобой – и ты забыла о матери, радостная, упивающаяся высокой участью одной из Тринадцати, участью валькирии Асгарда.

Пришло время платить долги.

Райна постояла ещё, на самом краю смерти и жизни. «Могущественные чары охраняют меня, пока я здесь, – но что случится, если я решусь повернуть обратно? Отец… Фенрир… Ястир… асы – что будет с ними?»

Великий Орёл пристально глядел на неё. Взгляд упирался в лицо Райне, она ощущала почти нестерпимый холод, словно прижимала к щекам кусок нетающего льда.

– Идите! Идите же! – выкрикнула валькирия, обращаясь к безмолвным теням. То, что было асами, медленно, словно нехотя, потянулось к прорехе в серой стене. Первым миновал её Тор – миновал, и тотчас исчез. За ним Йорд, следом – Браги.

– Прощайте, – еле слышно прошептала валькирия.

Тени асов одна за другой проплывали мимо неё, по-прежнему безмолвные, слепые, погружённые в странное своё не-бытие, не-смерть и не-жизнь. Саму Райну они не замечали – все, кроме Фригг.

Законная супруга Отца Богов покидала пределы Демогоргона последней. И, проплывая мимо валькирии, вдруг повернула призрачную голову, в упор взглянув на Райну слепыми будто бы очами, и едва заметно кивнула.

Оторопевшая, воительница едва успела кивнуть в ответ.

Решайся же, валькирия! Вперёд – или назад?

– Прости меня, отец, – прошептала воительница, прежде чем повернуться спиной к тлеющему по краям зелёными углями проёму.

Интерлюдия 2

– Повелитель Ракот, какие будут приказания?

Тёмный эльф Аррис, возглавивший после исчезновения Гелерры её полк, поклонился названому брату Хедина. Поклонился со сдержанной вежливостью; сейчас она казалась почти что вызовом.

Бывший Владыка Тьмы молча сидел на краю Источника Мудрости[1]. Сидел весьма непочтительно, уперев в землю свой знаменитый Чёрный Меч. Давно закончился ритуал, отгорела и погасла без следа магическая звезда со множеством лучей, показавшая Новому Богу мудрого великана Мимира, хранителя этого Источника; Мимир поднимался вверх по раскидистым ветвям исполинского Мирового Древа.

Картина, что явилась взору Ракота, иному показалась бы дикой и странной: Владыка Мрака разом видел и само Древо, поистине гигантское, распростёршее крону чуть ли не над всем Упорядоченным, и Мимира, что выглядел бы на его фоне не то что муравьём, но и мельчайшей пылинкой.

Великан упрямо карабкался, хватаясь за сучья, и со стороны могло показаться, что взбирается он самое большее на обычную сосну.

Мимир, страж Источника Мудрости, ещё именуемого Источником Миров, покинул свой вечный пост. Сменяли друг друга эпохи, уходили века, а старый ётун всё нёс и нёс нескончаемую службу. Нёс – до недавнего времени, когда, никому ничего не сказав, он исчез, не оставив даже послания.

Ракот втайне надеялся как раз и обнаружить таковое; однако надежды его оказались жестоко обмануты. Вместо прощального письма Источник и залог Одина – его правый глаз – явили Ракоту то самое Древо Миров и Мимира, поднимающегося по кажущемуся бесконечным стволу.

Мимира он увидел – как и тянущуюся в неведомую глубь тёмную пуповину, накрепко присосавшуюся к Источнику.

Ракот попытался проследить, куда уводила чёрная нить, – напрасно; лишь глаза стало жечь поистине немилосердно.

«Кто-то неимоверно ловкий, или умелый, или удачливый – а скорее, всё это вместе – нащупал-таки прореху в защите Источника. А Мимир… то ли не заметил, то ли не поверил, то ли попросту проспал», – с закипающим гневом подумал бывший Владыка Тьмы.

«Надо ж, этакая дрянь выросла… Не змея, нет – змеи мудры, хоть и опасны, но чисты – но какая-то трупная пиявица.

Дальние? Козлоногие? Спаситель? Слуги Хаоса? Кто-то ещё, какие-нибудь последыши Безумных Богов?»

Два Источника осквернены. Уже на два из трёх неведомая сила ухитрилась наложить свои грязные лапы – а они с Хедином так ничего и не заметили, только сейчас – когда, быть может, уже поздно.

А это значило, что все силы сейчас ему надлежало кинуть лишь на одно – на прорыв вдоль этой самой нитки, до того мига, пока она не приведёт к протянувшим её. Это был его путь, его, Ракота, метод и способ – добраться врагу до глотки и вцепиться в неё мёртвой хваткой. Это он умел.

Но как же Мимир? Как старый ётун, столько эонов стерёгший Источник, свою величайшую и единственную драгоценность, смысл всего его существования, – мог допустить такое?! Как он мог уйти?

У Владыки Мрака вырвалось глухое рычание.

Мимир. Чёрная нить. Древо Миров. Поневоле станешь завидовать Духу Познания, он-то, не мудрствуя лукаво, небось отправил бы по аватаре и за старым хранителем Источника, и вдоль тёмной пуповины, да и Мировое Древо бы не забыл.

Да уж, куда нам до золотых драконов.

Было и ещё одно, по странной причине не дававшее Ракоту покоя, не дававшее забыть о себе, хотя, казалось бы, на фоне последних грозных событий дело малозначимое.

Нет, ничего оставлять нельзя. Даже последнюю из «мелочей».

Подмастерья Хедина, начальники отрядов, десятков и сотен в полку Гелерры, мало-помалу, бочком-бочком подобрались ближе к Повелителю Тьмы; все ждали его слова, и сам Ракот это прекрасно понимал.

Однако он молчал, положив обе руки на эфес собственного меча и склонив голову в тягостном раздумье.

Было ли видение правдивым? Скорее всего да, использованное названым братом Хедина, заклятие доселе не давало сбоев.

Но Мировое Древо? Конечно, Ракот знал предания об Иггдрасиле, священном ясене, что «удерживал воедино небо, море и землю». В это верили асы, сородичи Старого Хрофта; подобные же легенды имелись во множестве иных миров. Но ни в пору своего ученичества, ни в дни расцвета их с Хедином Поколения, ни во времена наивысших успехов своего восстания – Ракот никогда не сталкивался ни с чем подобным воочию.

Не сталкивался и не использовал в своих заклятиях.

За исключением одного-единственного раза, когда он впустил в Упорядоченное жуткое и ненасытное страшилище –

Неназываемого.

Впрочем, он никогда не сталкивался и с протянувшейся от двух Источников Магии тёмной паутиной.

Вспоминать те давние чары было больно. До сих пор. Как он гордился некогда этим заклятием, как торжествовал!

И было от чего. Он не якшался с Мимиром, не пил – после посвящения, инициации Истинных Магов – из его Источника, набираясь «сказочной мудрости». Он сам, своим умом, изучая бесконечные вереницы чисел, отражавших возмущения в тонких слоях Хаоса, просачивавшихся в Упорядоченное, несмотря на все заслоны, догадался, что старая схема Сущего неверна.

Птицеголовые учителя, наставники из уходившего Поколения, чьей сменой предстояло стать Поколению Хедина и Ракота, говорили о сложном просто, даже очень просто. Есть бесконечный Хаос, который никогда не возникал, который был всегда, и есть Упорядоченное, вернее, множество Упорядоченных, плавающих в нём, словно клёцки в супе.

Откуда взялся Хаос, как он возник, был ли всегда, пребудет ли всегда, вечен ли он и неизменен или тоже меняется – такими вопросами наставники себя не утруждали. Мир для них был прост и понятен, познан до самого «предела желаний», а дальше и глубже они идти не считали нужным.

Ракот пошёл.

Глубже самых мельчайших частиц Сущего, глубже перевитых волокон Упорядоченного и Хаоса на самой их границе, там, где лежит истинная пустота, Владыка Мрака отыскал нечто новое.

Пустота, оказывается, тоже бывает разная. Вернее, их может быть много больше, чем одна, и они могут вкладываться одна в другую, проходить друг через друга, не замечая и не сталкиваясь.

В той, иной, пустоте всё иное. Числа, знаки, законы. Она не сочетаема с нашей пустотой, они просто взаимно пожирают друг друга.

Вот оттуда-то Ракоту и удалось вытащить Неназываемого. Мельчайшая точка, проскользнувшая над, под и сквозь все барьеры, поскольку положение её точно определить было невозможно. Словно неведомыми туннелями, она преодолела все преграды и, едва очутившись в пустоте Упорядоченного, начала стремительно расти.

Более «пустая» пустота, чем пустота Упорядоченного, она жадно глотала всё окрест, стремительно расширяясь – с той же скоростью, что движется свет.

И в самом сердце этой новой пустоты обитало сознание. Сознание, которое сам Ракот отчаялся понять. Сознание, быстро разобравшееся что к чему, добравшееся сперва до пустых

необитаемых миров, а потом и до населённых, – и принявшееся особо рьяно охотиться за живыми, за теми, кто наделён душой.

Конечно, потом они с Хедином придумали, что делать. Скармливать новоявленному зверю бесконечные объёмы новосотворённой пустоты, ровно с той же скоростью, с какой он её пожирал. Какое-то время это работало. До того момента, пока не появились козлоногие.

Однако это уже была совсем иная история, а сейчас Ракот вспоминал именно своё заклятье, то самое, что истончённой до состояния «ничто» иглой пронзало пустоту Упорядоченного, настойчиво отыскивая частицу пустоты иной, что несла в себе зародыш Неназываемого.

Острию этой иглы предстояло сделаться самым тонким во всём Сущем. Бесконечные напластования секущих плоскостей, что, словно нож резчика, стёсывали и стёсывали вещественность с незримого навершия, – и, когда уже почти всё стесали, Ракоту и привиделось это самое Древо, его туманные очертания, вдруг проглянувшие через застилавший глаза пот, когда Восставший, щурясь, тщился магическим зрением разглядеть, достаточно ли заточен кончик заговорённой иглы.

Сделавшееся почти невидимым, остриё причудливо изменяло падавший на него свет, и Ракот, словно в замочную скважину, смутно различил исполинские ствол и крону. Рассмотреть он их не смог – капризные заклятия, стачивавшие его бесплотный инструмент, нуждались в постоянных поправках. Тогда Истинный Маг отмахнулся от привидевшегося. В конце концов, странные картины и миражи почти всегда сопровождали подобного рода высшие заклятия.

Сейчас Новый Бог Ракот пытался вспомнить все подробности, даже самые мелкие.

Если уж предстоит карабкаться вслед за Мимиром…

«Во всяком случае, утешает хотя бы то, что Древо это не старается, подобно Неназываемому, сожрать всё вокруг себя», – мрачно пошутил в мыслях Ракот.

Один Орлангур ведает, как старина Мимир оказался там, где он сейчас; Ракот невольно подумал – как бы не пришлось протискиваться через игольное ушко или, скорее, усаживаться на конце иглы, примерно той же самой остроты, что использовал он, открывая двери Неназываемому.

Неплохо бы при этом не вызвать его братца-двойника.

…И вот сейчас Новый Бог, победитель Ямерта и его присных, неукротимый Ракот Восставший, не знавший, что такое «отступление» или «сдача», сидел низко опустив голову и упёршись высоким лбом в собственные ладони, судорожно

сцепленные на эфесе верного меча.

Какие будут приказания, спрашивает тёмный эльф.

Будут, будут вам приказания, со злостью подумал названый брат Хедина. Много приказаний. Надо следовать за Мимиром. Надо проследить, куда ведёт чёрная нить. Надо… Надо, в конце концов, понять, что происходит и почему вышло так, что они с Хедином, Новые Боги Упорядоченного, оказались… там, где они оказались.

Владыка Тьмы скрипнул зубами. Да, наверное, это было слишком самонадеянно – шастать по мирам в образе черноволосого и голубоглазого варвара, испытывая раз за разом себя на прочность, наслаждаясь человеческой дружбой, верностью, приязнью, любовью – пока брат Хедин плёл паутину нескончаемых «планов».

И вот теперь он здесь, в Мире Источника, ранее – тайном и сокровенном, где, словно вскрытая могила, возвышается гора, раньше хранившая в себе мечи Молодых Богов – ловушка, в которую угодили Хаген со Старым Хрофтом.

Мир пуст, и Источник кажется незатронутым. Во всяком случае, на первый взгляд. Неведомым посягнувшим хватило ума так поставить дело, что предназначение своё Источник выполнял по-прежнему. Никто не дерзнул обосноваться или хотя бы надолго появиться в его окрестностях. Целому полку подмастерьев Хедина делать тут совершенно нечего.

Но им также нечего и гоняться всей оравой за столь нужным названому брату старым ётуном. Кто-то должен взять Источник под надёжную охрану. Кто-то – идти в глубь Упорядоченного, пытаясь проследить, куда ведёт чёрная паутина-пиявка. Кто-то – не будем забывать – должен позаботиться о поисках Гелерры. Кто-то должен, в конце концов, помнить и о милейших ребятах-быкоглавцах, коих удалось остановить в Хьёрварде лишь ценой немалых усилий.

И это помимо всего прочего.

Мимир и Древо. Этим он займётся сам. Такого не доверишь никому. Остальное – даже пуповину – придётся препоручить подмастерьям. Ну, и самому Хедину, если, конечно, братец оторвётся от прелестей Сигрлинн. Прелести и в самом деле прелестны, спору нет, но…

– Вот мои приказания, Аррис. – Повелитель Мрака выпрямился, лицо хмуро, брови насуплены. – Источник Миров должен пребывать в полной и совершенной безопасности. Мимир мог хранить его в одиночку, ну а нам, кто попроще, и народу потребуется побольше. Оставишь половину полка здесь, чтобы ни мормат не пролетел, ни хед не пробрался. Пусть гномы не теряют

времени даром, возведут укреплённый лагерь. Но помните, что Мимир – великан старый, сварливый и с преотвратным характером. Лагерь ставить где-нибудь подальше, и чтобы незаметно было. Это ясно?

– Да, повелитель Ракот.

– Превосходно. Ты, Арбаз, вместе с этой малышкой, Оршей, и со своей сотней – отправитесь в её родной мир. Найдите мне того вербовщика, что подбил их на поход. Или его следы. Что угодно, но мы должны узнать, откуда он там взялся.

Арбаз переглянулся с Аррисом и Ульвейном – неразлучные друзья-соперники, конечно, были вместе и тут.

– Повелитель Ракот. – Гном солидно откашлялся, взяв к ноге начищенный до ослепительного блеска знаменитый огнеброс. – Аэтерос учил нас повиноваться, и мы это умеем очень хорошо. Но такой… такое изменение планов… Зачем тогда было делать эту петлю через Мир Источника? Почему, если тот мирок, мир Орши, настолько важен – почему мы не отправились туда сразу из Хьёрварда?

«Слишком много воли вам братец Хедин дал, – с известным раздражением подумал Ракот. – Небось у меня в Тёмных Легионах языки распускать бы и не вздумали. Но… всё-таки они не мои ученики и даже не мои подмастерья. Ученик у меня только один, и время его, похоже, наступит уже совсем скоро…»

– Арбаз, – Ракот расправил плечи, глядя сверху вниз на стойко выдержавшего его взгляд гнома. – Поистине, вы счастливейшие из живших или живущих. Мой брат не просто отдаёт вам приказы, не так ли?

– Никак нет, повелитель Ракот, – с достоинством поклонился Арбаз. – Великий Аэтерос тем и велик, что никогда не приказывает того, что нам самим непонятно.

«Умеет, братец, – усмехнулся про себя бывший Владыка Мрака. – Умеет так отдать приказ, что бедные его подмастерья считают, он им всё объясняет и с ними советуется».

– Именно, – вслух произнёс он. – Аэтерос Хедин, Познавший Тьму, поистине велик. Мы явились сюда в немалом числе, тяжеловооружёнными – потому что Источник Мудрости должен остаться неприкосновенен при любых обстоятельствах. Ётун Мимир оставил его без присмотра – неизвестно, кто ещё сумеет подобрать ключи к этакому богатству? А что тогда случится – вы сами отлично знаете. Козлоногих можно будет отпустить на все четыре стороны, клетка Неназываемого рухнет, да так, что он окажется на воле. После этого все планы и замыслы просто утратят всякий смысл.

– Это мы разумеем, повелитель Ракот, – с изрядным

нетерпением и чуть ли не раздражением сказал Арбаз. Он сохранял почтительную позу, но не более того. – Мне лишь неясно, что моей сотне делать на родине у Орши. Мы же не собираемся там ничего завоёвывать, куда там столько воинов?

Прекословить Владыке Тьмы в его легионах не дерзал никто, разве что самые близкие из соратников, вроде Трогвара.

Не к лицу Новому Богу пререкаться со смертным, пусть даже и учеником твоего названого брата.

– Отправишься туда, – негромко, безо всякой рисовки сказал бывший Повелитель Мрака, пристально глядя на дерзкого. – С сотней бойцов. Переройте этот мирок сверху донизу, но найдите мне следы порталов.

– Порталов, владыка? – растерялся Арбаз. – Каких порталов? Скорее всего этот вербовщик, кем бы он ни оказался, просто явился туда тропами Межреальности…

– Ищите порталы, – убеждённо повторил Ракот. – Нет у них времени просто так по Упорядоченному шастать…

– Кому «им», повелитель? – не уступал Арбаз.

– Вот кому «им», ты в точности мне и ответишь. Разрешаю исполнять.

– Слушаюсь, повелитель, – нехотя буркнул гном и потащился прочь, не удостоив Ракота даже мелким поклоном.

Названый брат Хедина наблюдал за ним бесстрастно.

– Вы двое. Аррис и Ульвейн.

– Да, владыка Ракот? – Оба эльфа поклонились достаточно низко, чтобы удовлетворить даже самого строгого ревнителя этикетов.

– Брат Хедин доверяет вам, как я понимаю, больше других, – понизил голос Владыка Тьмы.

– Н-ну, нельзя сказать, что прямо так уж и больше… – промямлил Ульвейн. Щёки эльфа слегка порозовели.

– Неважно. Вам я скажу то, что не должен знать больше никто в полку. – Голос Ракота упал до шёпота, и эльфы тревожно переглянулись.

– Источник Миров, увы, осквернён.

Подмастерья Хедина, судя по ошарашенным лицам, едва удержались от возгласов изумления.

– Осквернён, – повторил Ракот. – От него вглубь уходит чёрная нить… паутина… пуповина… нечто отвратительное, словно бесконечно длинная пиявка.

– Как… – сдавленно проговорил Ульвейн, – как такое вообще может быть?! Это же Источник Мудрости, Источник Мимира, он…

– Пока ётун нёс свою стражу, Источник, бесспорно, таковым и оставался, – сурово прервал Ракот. – Теперь к нему кто-то

присосался. Вам предстоит узнать, кто именно.

– Нам? – никак не могли поверить эльфы.

– Вам, – кивнул Ракот. – На такое дело отправлять десятки и сотни смысла нет. Вы оба изощрены в тонкой магии, эльфы всегда отличались склонностью к «хаживанию меж мирами». Я помогу, всем, что в моих силах, – но сам должен буду отправиться за Мимиром.

– Кто-то… осквернил… Источник. – Эльфы словно никак не могли поверить в услышанное. – Но, повелитель Ракот… это же… Аэтерос должен узнать…

– Несомненно, – кивнул Владыка Мрака. – Но я не доверю подобную вещь чарам. Старый добрый пергамент, старые добрые руны. Их не прочтёт никто, кроме лишь моего брата, как бы ни пытались.

Эльфы только и могли, что не выказывать удивление слишком уж открыто.

– Трое надёжных гонцов – морматы, скорее всего – отправятся к Познавшему Тьму. А остальной полк – выступит в Хьёрвард, где и станет ожидать дальнейших указаний.

Эльфы молча поклонились.

* * *

– Легка ли была твоя дорога, сестра?

Сильвия Нагваль замерла, сжавшись пружиной, готовая к прыжку. Её застигли в человеческом обличье, и это было плохо – если задавший вопрос силён в магии, она может и не успеть перекинуться.

Перед крошечным костерком, разведённым наследницей Красного Арка прямо посреди тропы через Межреальность, стоял высокий человек, молодой, хорошо сложённый, с правильным, спокойным лицом, прямым носом, высокими скулами и широко разлетевшимися густыми бровями. Глаза не прятались, они смотрели прямо и взыскующе.

Одет странный гость был в лёгкий серый плащ, наброшенный поверх домотканых коричневых портов и рубахи с расстёгнутым воротом. Непослушные каштановые волосы торчали в разные стороны, по виду жёсткие, словно прутняк.

Стоял он прямо, без напряжения; не ощущалось в нём и того надлома готовности к схватке, без которого не станешь убивать даже злейшего врага.

Он говорил на родном языке Сильвии, на языке Мельина, с настоящим столичным выговором, так, что его вполне можно

было принять за молодого нобиля или имперского квестора.

– Легка ли была твоя дорога, сестра?

– А ты кто такой?! – привычно ощетиниваясь, готовая к прыжку, бросила Сильвия. И, не удержавшись, добавила: – Братец?..

– Смиренный слуга нашего Спасителя, – последовал ответ. – От имени я отказался, когда принял Его дело. Но я рождён в Мельине, как и ты, сестра.

– Рождён в Мельине? – Сильвия не верила своим ушам. – Принял дело Спасителя? А что же ты тогда делаешь здесь, безымянный слуга Его, и как тут очутился?

– По слову Его, – улыбнулся гость. – Он позвал меня и вложил мне в грудь потребные силы. Он сделал так, что я мог снискать хлеб насущный в дальней дороге, и простёр надо мной Свою длань, оберегая меня от зла.

Сильвия горько пожалела в тот миг об утраченном навсегда фламберге.

– И что же, по воле Его, – передразнила она новоприбывшего, – по воле Его ты натолкнулся на меня?

– Именно, – кивнул тот.

– Прекрасное объяснение, избавляющее от всех и всяческих объяснений!

– Ничего странного, сестра. В тебе скрыта большая сила, в тебе – жестокая и страшная память Хозяина Ливня. Я знаю, кто ты, сестра.

– Знаешь – и радуйся, – буркнула сбитая с толку Сильвия. – Вот только скажу тебе прямо – я не шибко-то доверяю сваливающимся мне на голову гостям, особенно таким, как ты, не называющим даже своего имени. Если ты из Мельина, то можешь хотя бы назвать свой род. Мне будет достаточно. Кто твои родители? Или, может быть, – губы Сильвии скривились в недоброй усмешке, – может быть, скажешь, что ты сирота?

– Я не знаю своих родителей, – с прежней безмятежностью сказал молодой человек. – Меня вырастили слуги Спасителя. Вырастили в Мельине.

– Кто бы сомневался. – Сильвия упёрла руки в бока. – Знаешь что, гость дорогой? Шёл бы ты своей дорогой, а я пойду своей. Подобные встречи на моей памяти никогда не вели ни к чему хорошему.

– Спаситель послал меня к тебе, Сильвия Нагваль, последняя из Красного Арка.

– Вот даже та-ак, – протянула та, прикидывая, какое из боевых заклятий она пустит в ход первым. – Что-то ты обо мне слишком много знаешь, мил друг. И мне это не больно-то

нравится.

– Спаситель открыл мне, что нам с тобой предстоит пройти вместе немалый путь. – Казалось, странного гостя ничто не могло вывести из равновесия.

– Меня это не касается, – пожала плечами Сильвия. – Оставь меня, добрый человек, давай-ка, сам по себе иди, если куда надо.

– Тебя много обманывали и предавали. – По лицу гостя пробежала тень.

– Ты мне надоел, – процедила девушка сквозь зубы. – Был у меня тоже один спутник, совсем недавно. Думала – простой клоун, старикан уже, из бродячего цирка. А оказалось…

– Оказалось?

– Не твоего ума дело, безымянный. Иди с миром, говорю ж тебе.

– Очень скоро нам будет не обойтись друг без друга, – покачал головой гость.

– Тогда и решу, – отрезала Сильвия. – Имей в виду, безымянный, грозить мне не стоит. Многие грозили, не тебе ровня – ничего, как-то выжила.

– Я никому не грожу, сестра Сильвия. Я просто делюсь с тобой тем, что мне открыто.

– И что же ещё тебе, – она ухмыльнулась, – что тебе «открыто»?

– Что наши миры в великой опасности, сестра.

– Ф-фью! – присвистнула девушка. – Они «в опасности», сколько я себя помню. И ничего, пока что ни один не погиб. Хотя все только и говорят, что о «конце света».

– Ты не права, сестра, – мягко возразил гость. – Бытийность многих миров, где жило неисчислимо смертных и как бы бессмертных, уже прекратилась. Всё время, постоянно, каждый день, каждый час, в разных уголках Сущего исполняются роковые Пророчества Разрушения. Бьёт час судеб, и мир умирает.

– Я не собираюсь вести с тобой философические беседы, незнакомец.

– На то твоя свободная воля. – Тот развёл руками. – Я удалюсь, дабы не вводить тебя в искушение гневом.

– Ну, спасибо, выручил. Что бы я без тебя делала?

– Шла бы прямиком к собственной гибели, сестра Сильвия.

– Ох, как же я люблю подобные речи! Вот уж поистине настоящий выученик Спасителев. Только от них подобное и услышишь.

Молодой человек сдержанно поклонился.

– Мы ещё встретимся, сестра. Просто для того, что мы с тобой задумали, друг без друга не обойтись.

– «Мы» задумали?! Я ничего не задумывала! А если и задумывала, это не твоего ума дело, слуга Спасителев.

– Ты напрасно гневаешься, – покачал головой собеседник Сильвии. – Очень скоро ты убедишься во всём, и притом сама.

– Жду с нетерпением, – ядовито бросила девушка. – Ты вроде как собирался уходить, гость незваный?

– Собирался. – Тот поклонился. Повернулся спиной и легко зашагал по тропе, словно по гладкой и ровной Императорской площади в Мельине.

Сильвия глядела ему в спину, пока тот не скрылся за извивом междумировой тропы.

* * *

– Я уйду последним, Ульвейн. Сразу после вас с Аррисом. Вы всё поняли, всё запомнили?

– Повелителю Ракоту нет нужды задавать подобные вопросы, – холодновато поклонился Ульвейн. Владыка Мрака напоказ фыркнул.

– Оставьте эти штуки, любезные друзья-эльфы. Мой брат Хедин доверял вам больше всех – и сейчас именно вам исполнять его волю. Там, куда вы отправляетесь, большая рать только помешает. Итак, Аррис, вы?…

– Пробираемся вдоль пуповины, пока хватает сил. В драки не ввязываемся, остаёмся как можно менее заметными. И так, пока не достигнем истока. Ну, или устья, это как посмотреть.

– Именно! – громыхнул Ракот. – Не ввязываясь в драки, отступая, если надо, но узнать, куда ведёт эта дрянь.

– Не сомневайтесь, повелитель, – если в силах наших, в силах учеников великого Аэтероса, пробиться туда – мы пробьёмся, – посулил Ульвейн.

– Нет, – тяжело взглянул Ракот. – Не «если в силах наших». Вы пробьётесь, и никаких «но»! Я верю, вы сможете.

Эльфы промолчали.

– Я открою вам туда дорогу. – Владыка Тьмы протянул левую руку над Источником. Вода забурлила сильнее, пузыри лопались во множестве, над каменной чашей заклубился пар.

– Источник чувствует вас, повелитель, – вполголоса заметил Аррис.

– Нет, – бросил Ракот, не поворачивая головы. – Источник просто болен.

Эльфы разом подняли брови – одинаковым движением.

– Источник болен, – громче повторил Ракот. – Равновесие его

утрачено.

– Из-за чёрной пуповины, повелитель?

– Не только, Аррис, – покачал головой названый брат Хедина. – Однако она одна… не смогла бы, наверное… нет, не могу сказать. Всеведением у нас может похвастаться один лишь Орлангур. Я только чувствую – равновесие ушло. Надеюсь лишь, не навсегда…

– Повелитель, но разве нельзя просто разрубить эту дрянь? – осторожно осведомился Ульвейн. – Я понимаю, очень важно узнать, что там творится, на том конце. Но, если Источник в такой опасности… Можно ли ещё ждать?

Ракот мрачно покачал головой.

– Она высасывает силу из Источника, это да. Но если разрубить… приходилось ли тебе видеть, как вода прорывает дамбу, если всего лишь чуть-чуть приоткрыть ей путь?

– Если дамба прочна, вода не причинит ей ущерба, повелитель.

– Именно, Ульвейн. Если дамба прочна. А я даже не могу сказать, есть ли она вообще. Нет, рубить мы ничего не будем, во всяком случае пока. Вы готовы? – оборвал он разговор.

– Да, повелитель.

Эльфы стояли рядом, завернувшись в плащи, с пухлыми заплечными мешками и непременными луками. Они были готовы – как только могут быть готовы ученики великого Хедина, Аэтероса. Ракот смотрел на них молча, тёмные глаза оставались непроницаемы.

– Повелитель?..

– Я не знаю, что ждёт вас там, в глубине, Аррис. Но помните – вы обязаны вернуться. Просто вернуться.

– Мы вернёмся, повелитель.

Ракот вновь помолчал.

– Я открываю проход, – резко, почти грубо бросил он. – Как только прореха закроется – вы будете сами по себе. Кристаллы – только на самый крайний случай. Если… – он помолчал, – если станет ясно, что вернуться вы уже не сможете.

– Мы понимаем, повелитель. – Эльфы оставались спокойны.

– Тогда – в путь, и да поможет вам мать-Темнота.

У Нового Бога вырвалось его старое-престарое присловье, ещё тех времён, когда его звали просто Ракотом Восставшим.

* * *

Сильвия Нагваль с прежним упорством пробивалась сквозь

неподатливую, вязкую, сделавшуюся незнакомой, непривычной ткань Упорядоченного. Здесь, несмотря на все барьеры и преграды, всё сильнее ощущался привкус Хаоса, и последняя из Красного Арка чувствовала на губах странную горечь.

Откуда здесь взялся Хаос, как проник в Упорядоченное – она сейчас не задумывалась. Жуткий голос, множественный в единстве и единый во множестве, «следи на ними, наша верная», молчал; но Сильвия не сомневалась – за ней продолжали наблюдать.

Дорога тем временем становилась почти непроходима. Привычные чары пути перестали работать; Сильвия могла лишь следовать не успевшей закрыться тропой, где прошли Райна и её странный отряд.

Исходное любопытство сменилось неотвязчивой страстью. Неотвязчивой до болезненности, до полного забвения всего остального.

Она побывала в самом эпицентре небывалого шторма, едва не стёршего весь Эвиал. Она видела схватку иномировых сил в небесах над островом, где в неведомую глубину уходили ступени-этажи перевёрнутой пирамиды, и волей-неволей научилась чувствовать те самые «точки перелома», где противоборствующие в Упорядоченном силы сходились лицом к лицу, отбросив привычную для них борьбу посредством человекоорудий.

Её влекло жадное, алчное, неутолимое любопытство, осознание, что именно в такие переломные моменты простые смертные, подобные ей самой, могут оказаться заброшены очень и очень высоко, напрочь разрушая все и всяческие иерархии. Несмотря на опасности. Несмотря на ясное понимание, что силы, неизмеримо превосходящие её собственные, совершенно очевидно глядят на неё как на ничтожную пылинку, тавлейную фигурку, что они, если надо, смахнут с игровой доски не глядя, – Сильвия не могла остановиться и повернуть. Ведь, казалось бы, Долина Магов обещала многое, очень многое, правда, за невесть какое время. А сейчас…

Да, это по ней – пан или пропал. Несколько раз она оказывалась на краю гибели, однако всякий раз кривая вывозила. В жизни Сильвии Нагваль, обычной человеческой девушки-подростка из Мельина, чародейки по рождению, получившей дар от своих родителей, прошло не так уж много месяцев – а посмотрите, куда она поднялась!

Последняя из Красного Арка ощущала себя могущественнее собственного деда, которого так боялась ещё совсем недавно. Да, уж теперь-то она бы не позволила себя пороть.

Конечно, едва ли Наллике из Храма Океанов так понравилось

бы то, чем она сейчас занялась; Сильвия сама удивилась ощущению неловкости от нахлынувших вдруг воспоминаний.

Хранительница маленького храма в самом сердце морей Эвиала помогла Сильвии, хоть и заботясь о сохранности и безопасности собственного мира, однако помогла, ничего не попросив взамен. Вернее, не попросив ничего, чего Сильвия не сделала бы и по собственной воле.

Сама же она понимала, что никогда бы не забралась так глубоко в изнанку Упорядоченного, если бы не отряд Райны. Он действительно открывал ей путь; но даже просто следовать пробитой другими тропой становилось всё труднее.

Здесь властвовал Хаос, как бы удивительно это ни звучало. Тьма, и огненные протуберанцы, и дорога, завивающаяся винтом; Сильвии казалось – она протискивается сквозь бесчисленные невидимые щели в прозрачных скалах, протискивается, оставляя на острых краях обрывки собственной кожи. Иллюзия, конечно; но боль была настоящей.

Как и ощущение Хаоса, проникающего всё глубже в её тело.

Как и голоса, бесчисленные немые вопли в её голове, пока она шла тропой, окутанной испарениями Хаоса.

«Они же смогли – смогу и я!»

Но там, где Райна и остальные пробивались, нагнув плечо и прикрывая лица от злых ветров Хаоса, Сильвия старалась использовать и их. Наверное, потому, что сама Райна никогда не умела обращаться совой, думала она не без известного самодовольства.

Она не рискнула бы перекинуться здесь, но научилась мало-помалу проскальзывать по узкой тропе, когда очередная «волна Хаоса», как Сильвия стала её называть, накатывала сзади. Стало легче.

Хуже всего приходилось от голосов. Девушка пыталась отстраниться, заставить себя думать только и исключительно о том, как не отстать от отряда Райны, но получалось это плохо.

Жёсткую и жестокую, Сильвию захлёстывали цунами такого ужаса и отчаяния, что не выдерживал ни один из поспешно возводимых ею защитных барьеров, и сознание оказывалось затоплено жуткими сценами рушащихся храмов, опрокидывающихся алтарей, бьющихся, корчащихся в муках адептов, у которых лопались животы, обдавая всё вокруг кровавым дождём; древние боги умирали тут во множестве, и неумолимая воля победителей влекла их этой дорогой к неведомому пределу.

Сознание Сильвии порхало от одного горящего святилища к другому, белая сова проносилась молнией над охваченной

пожарами равниной, видела, как владыки храмов расставались с телесной формой, увлекаемые неудержимым потоком.

Это было жутко, завораживающе, это не давало отвернуться. Хаос услужливо предлагал дешёвую, дармовую силу. Сильвия чувствовала в собственной крови его отравную примесь, но, не давая тёмному ужасу овладеть собой, пыталась «пережечь» его в заклятьях, наугад, замирая от страха, пробуя придать знакомым с детства чарам и мощь, и ход впитавшимися в её жилы частицами Хаоса.

Ничтожные, они существовали недолго, Упорядоченное гасило их, поглощало, обращая в ничто; Сильвия пыталась проделать это так, чтобы поставить оставшуюся силу себе на службу.

Это получалось, не сразу, не быстро, но получалось.

Словно картины жутких смертей и разрушения придавали Сильвии смелость, словно видения всеобщей гибели и мук заставляли вспомнить о том, чем изначально надлежало сделаться семи орденам Радуги – защитниками и покровителями, а не правителями.

И, когда пронизанные Хаосом области наконец закончились, она чуть не закричала от боли – расставаться с новообретённой силой казалось мучением.

…Она упала на колени, ничего вокруг себя не видя и не замечая.

Хаос горел в её крови.

Руки, ноги, плечи, грудь – на всё тело словно накинули раскалённую сеть, каждая артерия и вена сделались огненной нитью, прожигая смертную человеческую плоть.

Сильвия вдруг поняла, что умирает, что ей самой разожжённое пламя сожрёт её, не оставив даже угольков.

Панику смогло подавить только жёсткое умение, вбитое в Красном Арке. Конвульсивно дёргающаяся рука Сильвии вытянулась, с пальцев потёк чёрный огонь, становящийся подобием исполинских змей, алчно пожиравших пространство вокруг. Жуткая боль исходила, покидая её тело, оставляя после себя лишь холод и пустоту.

И потом, когда последняя из чёрных змей, растратив всё, в неё вложённое, распалась невесомым пеплом, Сильвия ещё долго лежала на тропе, скорчившись, прижав колени к груди и обхватив голову руками.

Крики мёртвых богов раздавались в её голове как никогда громко.

* * *

Всё сделано, всё готово. Отданы последние распоряжения; десятники и сотники знают, что надо делать.

Ракот стоял возле Источника Мимира, неотрывно глядя на бурлящую воду.

Сколько же они с братом Хедином брали на веру, не подвергая сомнению. Сколько вопросов осталось незаданными, сколько тайн неразгаданными просто потому, что они привыкли к ним, сжились, перестали замечать.

Пытливый ум смертных, несмотря на отпущенный им краткий срок, мучается проклятыми вопросами, атакуя их вновь, вновь и вновь. Боги и другие бессмертные довольствуются малым – существующим порядком вещей.

Конечно, когда он поднимал своё восстание, когда брат Хедин шёл ему на выручку, пробиваясь на Дно Миров, они как раз и не довольствовались малым. Суть Истинных Магов когда-то состояла именно в этом, суть Великого Предела.

Так было.

Но, с другой стороны, что изменило после Джибулистана их собственное Поколение? На что-то поистине значимое решились лишь они с Познавшим Тьму, ну, и ещё, пожалуй, Сигрлинн с Мерлином. Рано или поздно всё застывало в бездействии, утешая себя разговорами о «равновесии».

Молодые Боги вступили в мир, неся с собой военную грозу, повергли его прежних хозяев, и сами застыли после собственного триумфа.

Не подстерегала ли их с Познавшим та же ловушка?

«Мы ведь с братом так ничего, по сути, и не изменили, – горько думал бывший Владыка Мрака. – Мы сохранили Упорядоченное, но и только. Мы не пошли дальше, потому что не знали, куда именно идти. Вечность лежала у нас под ногами, но мы – и я особенно! – думали только о нашей собственной войне. Она стала превосходным оправданием, оправданием нашему бездействию, нашей лености и нежеланию рисковать, идти за горизонт.

Источник мудрости, Источник Мимира. Мы не навещали его – зачем? Мы ведь Новые Боги, власть вручена нам самим Упорядоченным.

И вот покинул вековечный дом сам Мимир, неведомые силы нашли, как присосаться к силам Источника, а я, Ракот, стою в нерешительности над каменной чашей.

Что ж, пришла пора вспомнить, что меня не зря именовали Восставшим».

За спиной Владыки Мрака горела недобрым изумрудным пламенем вычерченная с великими стараниями магическая

звезда, послушно направляя ветры магии ему вслед.

Аррис и Ульвейн ушли, отправились восвояси Арбаз с Оршей и гномами, другая часть отряда валила лес в отдалении, готовясь строить лагерь и палисад. Ушли те, кому предстояло и дальше искать Гелерру; ушли те, кому назначено было нести стражу в Хьёрварде.

Тянуть дальше уже нельзя.

«Да, – признавался себе Ракот, – ты уже не тот, что прежде, ты не ищешь вход в иные пространства на остриё тобой же сотворённой иглы. Но… память у меня хорошая. И умения никуда не делись».

Где может лежать дорога к загадочному Древу, которой уже прошёл Мимир?

Быть может, ему, Ракоту, вновь предстоит частично проделать тот же путь, что он прошёл, отыскивая лазейки к Неназываемому?

Магическая звезда за плечами Ракота словно вздохнула, Владыка Мрака сделал первый срез, заостряя невидимую иглу.

Старые чары работали. Нехотя, с трудом подчиняясь Новому Богу, но работали.

Мельком Ракот ещё успел подумать, что это как-то неправильно – стоило ли поднимать восстание, стоило ли терпеть поражение, а затем – выходить вместе с Хедином на новый бой, если всё кончается тем же, с чего начиналось, – невообразимо острым кончиком игольного навершия?

Быть может, Новому Богу более пристало пользоваться и новым инструментом?

Потому что пользуется-то он всё равно заклятиями из времени Истинных Магов.

Впрочем, предаваться отвлечённому умствованию Ракоту не удалось тоже. Секущие грани так и норовили сбиться, утратить нужный наклон, стесать слишком много или слишком мало; их приходилось постоянно держать в узде.

Игла истончалась, остриё становилось уже человеческого волоса… паутинки… эльфийской ресницы… эфирного крыла… вот уже ни один взор, смертного или бессмертного, не сможет разглядеть, где же точно кончается Ракотова игла, грань стёрта, она за пределом доступного.

Владыка Тьмы напряжённо вглядывался в танцующий перед ним воздух, в переливчатую радугу, что скрывала остриё иглы. Поток силы оставался ровен и постоянен, звезда делала своё дело, и вот настал миг, когда под взглядом Ракота стала расползаться сама ткань Упорядоченного.

Когда-то он прошёл этим путём, чтобы привести в Сущее проклятие всей Вселенной.

Глядя сквозь исчезающее крошечное отверстие, проколотое его иглой в плоти мира, Ракот ясно видел сейчас вздымающееся на серой равнине Древо. Его бесчисленные корни опутывали, казалось, всё Упорядоченное от края и до края; взгляд Восставшего мог охватить сейчас все пределы созданного Творцом. Видел он и три особо длинных корня, протянувшихся к трём Источникам, видел и сами зачарованные ключи, из которых исходила, как он всегда считал, вся магия нашего мира.

Два Источника были затемнены, подёрнуты серым плотным туманом. Взгляд Нового Бога всё равно проникал сквозь эту завесу, и на миг Ракот даже понадеялся, что сейчас, безо всяких усилий, он узрит и то, куда тянется тёмная паутина, – но нет, так глубоко, оказалось, не проникнуть даже его взору.

Великое Древо было повсюду. Разом – и близко, и далеко. Ум смертного спасовал бы перед такой загадкой, Хедин, Познавший Тьму, ринулся бы её разгадывать, ну, а Ракот Восставший просто сделал шаг, потянувшись рукой к дразняще-близким ветвям.

Мир расступился пред ним и беззвучно сомкнулся вновь.

Для оставшихся в Мире Источника подмастерьев Хедина повелитель Ракот просто растворился в воздухе.

…Здесь пахло, подумал Восставший, сразу всеми мыслимыми лесами всех мыслимых миров. Пахло смолой и вешними соками, пахло радостно распускающимися бутонами и печальным осенним листопадом. Пахло корой и хвоей, почками и побегами, пахло всеми деревьями на свете – всё разом.

Здесь, как нигде, ощущалась живая сила земли, из которой всё живое берёт начало и куда оно же уходит. Земля изначальная, земля всевозрождающая, подательница жизни, восприемница смерти. Здесь её царство, царство великого духа Гайи, о которой так много говорили легенды людей и которую ни Хедин, ни Ракот так ни разу и не увидели.

Не было её и здесь – живым воплощением, с которым можно поговорить, вызвать заклинаниями или подчинить собственной воле.

– Привет тебе, прародительница… – шепнул Ракот.

И поклонился.

Он стоял на земле, усыпанной опавшим листом. Но не гниющим, а свежим, звонко-сухим; из-под золотисто-багряного покрова весело пробивалась молодая поросль лесных трав.

Здесь словно разом царили и весна, и лето, и осень. Время цвести и время увядать сливались тут воедино, различия исчезали, смерть и жизнь переходили одна в другую легко, играючи, без мук и страха.

Исполин вздымался перед Ракотом, и Новый Бог не без

трепета глядел на дивное создание, равного которому Сущее не знало.

Далеко и близко, высоко и низко – всё сразу, всё вместе. Корни напоминали широченные торговые тракты, что во времена о́но возводили тёмные легионы Ракота; в трещинах коры укрылись бы крепостные башни и целые бастионы; под каждым листом нашёл бы убежище целый город.

Но действительно исполинское древо выглядело, тем не менее, далеко не столь всеобъятным, как в реальности. Ракот видел, что оно и впрямь простирается от края до края Упорядоченного, сохраняя под своей кроной всё ведомое Новому Богу Сущее. Бывший Повелитель Мрака видел лишь зримую манифестацию Мирового Древа, послушно подстроившуюся под доступное его телесному зрению.

Но где же он сам сейчас? Он проскользнул меж самыми мелкими, мельчайшими частицами Сущего, он не покинул Упорядоченное – и в то же время находился словно и не в нём.

«Изнанка, – подумалось Ракоту. – Изнанка мира, оборотная сторона межреальности. Но не только, не только…

Первый закон – остановиться и осмотреться. Куда я попал, в конце-то концов?»

Здесь хватало силы, она текла здесь свободно, словно малые ручейки, со всех сторон собираясь ко Древу.

Сила была, а вот жизни…

Ракот замешкался. С жизнью здесь дело обстояло самое меньшее странно. Зато сильно ощущалось… – он вновь замер, вбирая в себя мельчайшие отзвуки здешней магии, – сильно ощущалась смерть. Вернее, посмертие.

– Не может быть… – нахмурился Восставший.

Не доверяя собственным чувствам, он привычно потянулся вперёд незримыми и бесчисленными руками дозорных заклятий, пришедших ещё из его бытности Истинным Магом. Правда, теперь статус Нового Бога делал их куда более могущественными.

Да, он прав. Здесь нет жизни в привычном ему понимании. И нет смерти. Здесь именно посмертие, здесь сильны эманации душ, освободившихся от плоти.

Ракот только и смог, что покачать головой.

– Ну и занесло ж меня…

Только в одном месте могло расти Древо, раскинувшееся надо всем Упорядоченным, и только в одном месте могли при этом собираться свершившие свой земной путь души.

Владения великого Демогоргона.

Владыка Тьмы усмехнулся. Это обещало приключение – в точности как любил черноволосый и голубоглазый варвар, в чьём

обличье так нравилось странствовать Ракоту.

Он вскинул наперевес чёрный клинок и упругой походкой зашагал к Древу.

* * *

За пределами насыщенного Хаосом пространства лежали холодные и серые области. Краски Упорядоченного исчезали, сменяемые сплошным туманом; вечная хмарь, казалось, растворила в себе всё, поглотив и малейшие ориентиры, за которые мог зацепиться глаз.

Но было и ещё кое-что – сквозь туман Сильвии чудились очертания встающего над горизонтами исполинского Древа, поднимающегося в поднебесье и скрывающегося в серых тучах (или что тут было вместо них?). Древо раздражало и тревожило – оно не приближалось и не удалялось, оставаясь таким же, как Сильвия увидела его в первый миг.

Что это такое, что за новое чародейство, девушка не знала. След Райны и её удивительного отряда по-прежнему оставался прям – они шли напрямик и напролом, не утруждая себя какими-то хитростями.

Но, во всяком случае, здесь Сильвию не донимали больше голоса мёртвых богов.

Скрываясь в серых сумерках, она скользила и скользила самой гранью реальности, не упуская Райну из вида, но благоразумно не слишком приближаясь и не давая себя обнаружить.

Порой она с тревогой думала о странном незнакомце, об этом диковинном «слуге Спасителя» со столичным мельинским выговором. Куда он сгинул? Следит ли тоже за ней, как она сама следит за Райной? Иногда Сильвии казалось – она ощущает на себе чужой взгляд, но она не знала, пялятся ли это на неё те, что называли её «нашей верной», или кто-то ещё.

Так, сторожко пробираясь, Сильвия и достигла того предела, за который живым не было дороги. Холодную льдистую стену она ощутила тотчас, даром, что её было не углядеть обычным зрением. Именно там она и увидела марширующую армию, со знамёнами, где вышит был коричневокрылый сокол, быстрее молнии устремляющийся в вышину.

Сильвия выросла в Мельине, она знала толк в рыцарской коннице и блистающих легионах, не раз и не два видела шагающие центурии и манипулы, видела стену щитов и дождь пилумов; однако этот отряд, без преувеличения, заставил её

трепетать.

Армия Мельинской Империи могла вывести перед восхищёнными горожанами десятки тысяч тяжеловооружённых латников, соперничавших блеском доспехов с самыми знатными баронами из рыцарского сословия; здесь же в строю шло, самое большее, несколько сотен бойцов, но каких!..

Идеальный прямоугольник строя гномов, где все шагали строго в ногу. Золотисто-зелёная россыпь эльфов, словно лесное золото. Даже едва-едва вступивший в обучение к Красному Арку аколит распознал бы сильнейшие отпорные чары и защитные заклятия, наложенные на выкованную в гномьих кузницах сталь; Сильвия заворожённо следила за прихотливыми извивами странных рун, закусив от напряжения губу, пыталась проследить хитросплетения эльфийских защитных заклятий, так напоминавших непроходимый терновник, – правда, без особого успеха.

Заклятия ставили настоящие мастера. Не чета не только ей, но и, пожалуй, мессиру Архимагу Игнациусу.

Сильвия только и могла, что вжиматься в серую «землю», молясь всем ведомым и неведомым богам, чтобы её не заметили.

Она видела, как наступающие гномы и эльфы подняли оружие, как из гномьих бомбард вырвались сгустки огня – что-то навроде ручных катапульт, сообразила Сильвия, только вместо рычагов и противовесов – магия.

Она видела, как отряд Райны, едва различимый рядом с живой горой – волком отбивался, отражая посыпавшиеся на них огнешары. И видела, как серая стена внезапно надвинулась на них со всех сторон, вобрала в себя, поглотила, не оставив ничего, даже следов.

Гномы и эльфы разом, как по команде, опустили оружие, деловитой рысью направляясь к тому месту, которое только что осыпали огнешарами.

Сильвия растерялась.

Голова раскалывалась, тщась вместить и осознать ту бездну высокого чародейства, что внезапно обрушилась на неё в тот миг, когда серое нечто поглотило отряд её былой спутницы; потому что это была магия высшего разряда, магия, сдвигавшая и тасовавшая слои и пласты реальности, словно колоду игральных карт.

– Мама-мамочка… – машинально прошептала Сильвия.

Да, об этаком богатстве не мог мечтать бы даже сам легендарный маг Комнинус Страза, основатель Радуги.

Глава III
Духи Асгарда

Óдин ощутил их возвращение сразу же, мгновенно, молниеносно. Они вернулись, один за другим переходя последнюю из границ. Тени богов высокого Асгарда, тени пировавших под крышею Валгаллы, тени асиний и асов – они возвращались.

В груди сделалось разом и больно, и горячо. Он сделал это, он и дочка. Древние боги вырвались из вечной темницы, справедливость восторжествовала, месть свершилась.

Это – радость, радость великая.

И была также боль, была горечь – потому что старое отсекло, словно мечом, потому что равновесие рухнуло окончательно, и настал тот момент, ради которого, собственно, и живут боги.

Момент, когда они вершат правосудие и утверждают справедливость.

Взрезал серое небо коричневокрылый сокол, взрезал – и исчез.

Впереди Фенрир по-прежнему отчаянно пытался вырваться из ловушки; громадный волк должен был бы сотрясать землю, но серая твердь надменно игнорировала все правила обыденности. Яргохор спешил ему на помощь, и серый клинок крутился, сливаясь в сплошную завесу, отбивая градом сыплющиеся стрелы. Лезвие с шипением резало воздух, рубило одно за другим древки; Óдин послал на помощь новую руну, затем ещё и ещё. Осталось продержаться совсем недолго.

– Твои сородичи возвращаются! – пафосно оповестили Дальние. – Успех – полный, бог Óдин. Осталось лишь покончить с мешавшим тебе всё время Познавшим Тьму, и тогда ты сможешь править в спокойствии до самого дня Рагнарёка.

Парящая руна расправила крылья, словно удивительная, невиданная в этих краях бабочка. Она опускалась, словно плащ, на плечи Ястиру; её двойник рос и рос, явно намереваясь окутать точно так же тонущего в серой топи волка.

– Блистательно, великолепно, потрясающе! – пропел меж тем слитный хор Дальних. – Последний удар, Древний Бог Óдин, последний удар – пока мы удерживаем врата, а они поэтому не дерзают пустить в ход всю свою силу, опасаясь последствий!

Глаз Старого Хрофта сузился, скрипнула рукоять альвийского меча, сжатого могучими ладонями.

– Сейчас! – каркнул он. – Скажите только… Где воительница

Райна?

– Она ещё не появилась, – последовал ответ. – Несомненно, она замыкает процессию твоих сородичей. Наверное, хочет быть уверена, что никто не остался позади.

Фенрир меж тем погрузился по самые лопатки, вся задняя часть тела скрылась. Волк рвался и рычал в неистовой ярости, но сделать ничего не мог – от гномьих огнешаров его спасали лишь руны Ѻдина, а гномы-подмастерья, разумеется, и не думали соваться близко к его пасти и передним лапам; ратники Познавшего Тьму могли теперь спокойно ждать, пока Фенрир не утонет окончательно.

Перед наступающим Ястиром эльфы-стрелки расступились; парившие наверху морматы и радужные змеи явно готовили новое заклинание, что, наверное, должно было остановить Водителя Мёртвых так же, как они только что остановили Фенрира.

– Они… слишком… сильны, – прохрипел Отец Дружин.

– Мы делаем всё, что можно. – В голосе Дальних пробивалась озабоченность. – Подожди, пока закроются врата, бог Ѻдин. Тогда развернуться смогут не только ученики Хедина, но и мы. Мы дадим тебе силу!

– А почему не сами?

– Равновесие – не выдумка узурпаторов, Хедина и Ракота. Наша великая работа требует… спокойствия. Относительного, разумеется.

– И как это касается меня? – прорычал Ѻдин, одновременно пытаясь отправить в полёт ещё одну руну. Руна не давалась, рука дрогнула, и льдисто-голубые линии вдруг залило гнилостной желтизной пополам с прозеленью.

– Ты стал жертвой великой несправедливости, – с готовностью объяснили Дальние. – Закон Равновесия на твоей стороне. Ты восстанавливаешь древний миропорядок. Асгард будет отстроен, золотые щиты Валгаллы заблестят вновь, а за её пиршественными столами вновь зазвенят голоса скальдов.

– К-красиво. – Следующая руна удалась лучше, волк больше не тонул.

– Красиво, – согласились Дальние. – Ты восстановишь справедливость, великий Древний, и станешь править – ровно до твоего собственного дня Рагнарёка, как мы уже и говорили.

Ѻдин не ответил. Лицо его покрывал пот, из носа побежала струйка крови, словно у простого смертного, шагнувшего через предел его собственных сил.

Асы были здесь, он чувствовал это, они пересекли границу жизни и смерти. Великий Демогоргон не вмешался, не преградил

дороги. И никакие демоны не встали у них на пути; ни они, ни иные слуги Хаоса – или кому там в точности служат эти демоны?

Но где же Райна?

И почти сразу же – тихий шёпот, на самой грани слуха:

«Ѳдин…»

Он не мог опознать голоса. Может быть, Тор. Или Браги. Или Ньорд. Локи… нет, не Локи. Точно не Локи.

«Ѳдин…»

Сухой, горячечный шёпот. Словно ветер, что несёт над пустынями Южного Хьёрварда облака жгучего смертоносного песка.

Они звали его, обретшие свободу асы. Он должен быть с ними – а не длить этот бой.

– Они тут, – мигом подали голос и Дальние. – Граница перейдена, мы закрываем ворота. И тогда ты сметёшь их, древний Ѳдин!

– Стойте! Райна?..

– Она повернула назад, бог Асгарда. Это был её свободный выбор.

Никто не ведает, чего стоило Асу Воронов просто удержаться на ногах.

Он кинул взгляд через плечо – тело Райны исчезло. Зелёный пламень угасал, серая хмарь стремительно затягивала прореху.

– Она во власти Демогоргона, бог Ѳдин. Такова её воля.

– Предательство! – прошипел Отец Богов.

Ярость мгновенно затопила его, альвийский клинок взметнулся чертить новую руну, но – в который уже раз явил свою собственную волю. Остриё дрожало и металось, линии ломались и скрещивались, так что вместо могущественного заклятия получалась сущая ерунда.

– Мы никого не предавали, – обиделись Дальние. – Твоя дочь осталась сама, по собственной воле…

– Вы её не выпустили! – взревел Старый Хрофт.

– Да постой же, погоди, бог Ѳдин, – чуть не взмолились его незримые собеседники. – Зачем нам это? Нам нужен с тобой прочный союз, нужно держаться вместе, а не бить сразу же в спину! Если хотим одолеть Новых Богов – распри губительны!

Жёсткие морщины на лице Отца Дружин сделались ещё острее и глубже – лицо словно исчертила тёмная сеть.

Сразу три стремительно вычерченные руны взвились над полем боя и, отправляя каждую в полёт, Ѳдин вздрагивал, как от удара. Кровь струёй лилась из носа, покрывая грудь, прожигая дыры в серой «земле».

Однако волк Фенрир еще немного и вырвется из ловушки;

над Ястиром раскрылся призрачный щит, о который ломались одна за другой эльфийские стрелы; а миг спустя по нему же, не повредив Водителю Мёртвых, стекло жидкое пламя от одного из гномьих огнебросов.

Третья руна плавно взмахнула сотканными из сотен росчерков крылами, дивной стрекозой устремилась туда, где только что зелёное пламя очерчивало вход в сердце владений Демогоргона.

Слишком поздно – серая преграда сомкнулась, и руна лишь попусту распалась облаком льдистых искр, ударившись о несокрушимую стену.

– Мы тут ни при чём, – настаивали Дальние. – К тому же – вот они, твои сородичи!

Через серую безжизненную равнину, направляясь прямиком к Отцу Дружин, плыла череда бестелесных теней, таких же серых, как и всё вокруг, едва заметных на общем фоне.

– Наше дело тут сделано. – Альвийский меч дёрнулся было, и Один налёг на него, вцепившись в эфес обеими руками и прикрикивая, словно норовистому скакуну: – Побалуй мне ещё!..

– Что ж, – после недолгого колебания согласились Дальние. – Пожалуй, ты прав, древний бог Один. Но… как же твоя дочь?

– Это был её собственный выбор, как вы и сказали. Что я могу сделать, кроме лишь предаться скорби? Но время для этого настанет, когда я закончу с остальными асами.

Фенрир меж тем взвыл в отчаянии – на поверхности оставалась одна лишь его морда. Подмастерья Хедина отхлынули от напиравшего на них Ястира; морматы и радужные змеи что-то колдовали наверху, но непохоже было, что чары их хоть как-то бы действовали на Водителя Мёртвых.

Тени асов тем временем близились и близились; шёпот их, так схожий с горячим пустынным ветром, звучал в сознании Одина всё громче.

Хотя почему пустыня? Жаркие песчаные моря, просторы безжизненных барханов никогда не влекли асов; им больше по сердцу были суровые ледяные поля, вьюги и метели Крайнего Севера; на юг они забредали редко. Там, во времена их могущества, гнездились мелкие местные божки; забот Одину они не доставляли, и он их тоже не трогал.

– Скьёльд, – негромко сказал владыка Асгарда, не сомневаясь, что маг с вытатуированными на черепе драконами слышит каждое его слово. – Мы возвращаемся.

Слова получились неправдоподобно спокойными, словно всё прошло без сучка и задоринки, асы окружали Одина в своём первозданном телесном виде, рядом стояла валькирия Рандгрид,

и сам Демогоргон растроганно махал на прощание, прося заходить ещё.

Райна, верно, и в самом деле сама сделала выбор. Впрочем, об этом он ещё узнает.

И вернётся, если нужно. Но уже совсем с другими силами.

* * *

Валькирия не оборачивалась. За плечами – знала она – закрываются врата владений Демогоргона, закрываются, пропустив на волю тени асов. Долг её исполнен, то, за чем её посылал сюда отец, свершено. Осталось то, о чём великий бог Óдин, очевидно, запамятовал за ненадобностью.

Туда и обратно, невольно усмехнулась Райна. И вот снова туда. По золотому лучу или без него – неважно. Она вытащит мать и вернётся уже с нею.

– Я иду не за тенями богов, великий Орёл. – Райна вглядывалась в очертания Древа на горизонте. – Я была не готова, твои стражи правы. Нельзя идти сюда, выполняя приказ, даже если приказавший – твой родной отец. Я… забылась. Я виновата.

Она не сомневалась, что в своём домене Соборный Дух слышит каждое слово, каждый вздох.

– Здесь хорошо путешествовать. – Отчего-то ей хотелось говорить именно вслух. – Ни голода, ни жажды. Спать… наверное, тоже не хочется. Оно и понятно, я же вроде сейчас как мёртвая. Ну да, мёртвая. Мы ж почти умерли, пробиваясь сюда. Но, знаешь, это не так и страшно.

«Лукавишь, – оборвала она себя. – Ты – не смертная, тебя защищала кровь отца. Тебе не понять, как живут другие, чьи дни не бесконечны. Так что нет, страшно это, очень страшно».

Страшно. А ещё страшнее – предательство, как всегда говорили воины. И она, Райна, повторяла это тоже, сидя у походных костров, презрительно сбрасывая чужие жадные ладони с собственных колен. Вот потому-то она и возвращается, ибо бросить здесь собственную мать – верх измены.

Не сводя взгляда с великого Древа впереди, Райна начала отмерять шаги – по щиколотку в сером тумане. Нет больше путеводной тропы, но нет и разверзающейся бездны. Серые пределы, как во многих мирах прозывались обиталища расставшихся с плотью душ.

Валькирия невольно глянула себе под ноги – на чём-то ведь она стояла, какая-то твердь тут возникла? «Гм, странно. Странно и непонятно. Куда делась бездна, куда исчезла золотая тропа?

Ничего не понимаю…»

Но делать нечего, Райна, иди вперёд, как ты умеешь, глядя прямо на Древо и никуда не сворачивая. Само Древо закрывает весь горизонт, кажется, что, кроме него, тут вообще больше ничего нет и никогда не было. Ни золотой тропы, ни бородатых стражей-архонтов в богатых одеяниях, ни призрачного Асгарда, устроившегося прямо на ветке исполинского Древа.

Что изменилось? Или изменилась она сама? Тогда она шла выручать пленённых богов, асов и асиний; сейчас она возвращалась за собственной матерью. Райна не знала пути – в прошлый раз золотая тропа словно бы сама вывела её, куда следует, к бесплотному двойнику града богов; где же и как она станет разыскивать мать сейчас, валькирия понятия не имела.

Невесть почему, но в растерянность это её нимало не повергало.

Сердце выведет, частенько пели скальды.

Райна хотела верить, что они знали, о чём вели речь. Больше ни на что, кроме сердца, положиться она не могла.

Серое ничто – или нечто? – стало слегка пружинить и прогибаться под ногами, словно моховое одеяло, наброшенное поверх губительной топи. Со всех сторон, окружая валькирию, поднимался густой непроглядный туман, холодный, почти ледяной. Вскоре видимой оставалась лишь вершина самого великого Древа, исчезающая в верхнем слое туч. Райна шла прямо на него, не опуская глаз и почти не глядя под ноги.

Валькирия старалась сейчас вообще ни о чём не думать – ни об отце, ни об остальных асах, что должны были уже покинуть вековечную темницу; только лишь о матери.

Думала, вспоминала, не щадя себя. Вспоминала, как с лёгким сердцем покинула родительницу, с головой окунувшись в прекрасную, великолепнейшую жизнь вестницы Валгаллы, младшей и любимой дочери Отца Богов, почти позабыв за буйными пирами эйнхериев и песнопениями скальдов свою недолгую земную жизнь. Она не навещала маму и не посылала вестей. Зачем? Та должна быть счастлива выпавшим дочери жребием. Что может случиться с бессмертной и неуязвимой валькирией, истинной Девой Битвы?

Быть может, она стеснялась? Матери остальных её единокровных сестёр были королевнами и красавицами, а Сигрун… Сигрун была дочерью «тролля», или, вернее, великана-йотуна Хримвальди.

Да, йотуна… за все годы и века в Асгарде Райна так и не научилась выговаривать это слово так, как принято было среди асов.

Валькирия всё ускоряла и ускоряла шаг, а на щеках у неё всё заметнее проступал румянец стыда.

Она не заметила, как свет вокруг неё начал меркнуть, а бесформенный поначалу туман – складываться в подобие тёмного пейзажа, с холмами и протоками меж ними. Вроде даже пруды с тростником.

А это ещё что такое? В сгущающемся сумраке Райна вдруг увидала возникший перед нею дом, солидный, надёжный, бревенчатый, словно вросший в вершину холма; чуть поскрипывая на ветру, качалась вывеска: обнявшиеся гном и орк, с парой громадных пивных кружек в руках.

Низкий сруб со множеством окон окружала невысокая же ограда из дикого камня, и, хотя краски по-прежнему оставались смытыми, как и всегда в сумерках, это уже не было серым «ничто».

В окнах приветливо горел огонь.

Скрипнула дверь, на крыльцо упал прямоугольник света, возник тёмный силуэт с фонарём в протянутой руке.

– Гость, кто бы ты ни был, заходи!

Низкий, густой, басовитый голос, исполненный силы.

Райна приостановилась, оробев. «Ну да, оробела, – призналась она себе. – Куда это меня занесло? Что ещё за морок на мою голову? А ведь это конечно же морок, видение, ничего больше. Откуда в стране мёртвых возьмётся что-то иное? А тут, гляди-ка, не только дом, но и сараи, и амбары, и клети, и кладовые…»

Рука сама легла на эфес альвийского клинка. Меч волновался, ему тут явно не нравилось, он чуть подёргивался, как горячий нетерпеливый жеребец.

Однако ноги сами понесли валькирию ко входу.

Под сапогами заскрипел песок – им была засыпана дорожка от внешней изгороди.

Вот и ступени. Древние, тёмные, будто и не из дерева, а из чёрного камня – или это только так кажется в полутьме?

Стоявший на пороге поднял повыше фонарь.

Мужчина, средних лет, могучий телом, широкий плечами, совершенно лысый. Кожа смуглая, как от загара, словно он вечно на солнце. Он в коротких холщовых портах и кожаном фартуке, под которым голая грудь, бугрящаяся внушительными мускулами. Глаза – глаза будто у хищной птицы, янтарные с узкой прорезью вертикального зрачка.

– Привет тебе, Рандгрид, дочь Сигрун и Одина, – сказал хозяин. Сказал приветливо, но взгляд его оставался суров. – Входи и садись, если устала. Ешь и пей, если голодна. Наступил

вечер, твой дневной путь окончен. Время для беседы и отдыха.

По жилам хозяина текла вместо крови чистая незамутнённая сила. Силой был и он сам. Хозяином, одним словом.

Райна поспешно стащила шлем, взяла на руку, опустилась на одно колено. Губы хозяина чуть дрогнули в снисходительной усмешке.

– У меня всё по-простому, валькирия Рандгрид.

– Я знаю, великий, – проговорила она, удивляясь, что собственные губы ей ещё повинуются. – Но коль скоро тебе это и не нужно, но нужно мне. В мире… должно воздавать уважение сильным.

– Как будет угодно гостье, – вновь усмехнулся хозяин. – Заходи и садись к столу. Не побрезгаешь моим пивом? Сам варил.

– Ты, великий? Варил сам? Здесь?

– А ты думаешь, дочь Сигрун, тут одни лишь миражи и скитающиеся души? Что ты сама видела здесь?

Хозяин отступил, повёл рукой, приглашая валькирию внутрь.

Открылась ярко освещённая горница, с большим столом, словно в хорошем трактире. Белая с вышитыми красными петухами льняная скатерть, стоит угощение, что пришлось бы по душе воину севера: жареный кабаний бок, солёные грибы, мочёные ягоды, тёплый каравай ржаного хлеба.

– Ничего ведь этого нет, да, великий?

– Что значит «нет», Рандгрид? Ты видишь – значит, оно есть. Положишь в рот – почувствуешь вкус. Наешься – ощутишь сытость. Так уж здесь всё устроено.

– Благодарю, – поклонилась валькирия. Положила щит и шлем, отстегнула ножны – альвийский клинок едва не взвыл от негодования.

– Он не хочет с тобой расставаться, – заметил хозяин. Глаза его, глубокие и бездонные, улыбались. – Не давай ему слишком много воли, Рандгрид; он сам себе господин.

Валькирия покраснела, решительно расстегнула пряжку, отложила ножны, даже обмотала их ремнём.

– Благо дому твоему, великий. – В её кружке уже пенилось пиво.

– Спасибо на добром слове, Рандгрид. – Хозяин сел напротив неё, тоже поднял кружку. – Спрашивай. У тебя должно быть множество вопросов.

Рандгрид пригубила пиво. Свежее, превосходное, горьковатое – оно есть? Его нет? Всё – лишь мираж и морок?

– Чему я обязана этой чести, великий? Не требуется быть валькирией, чтобы понять, кто ты. Почему я? Что ты желаешь мне поведать?

Хозяин вновь усмехнулся, как следует глотнул из кружки.

– Не бойся. – Он смотрел прямо на валькирию, и та чувствовала, как под этим взглядом её почти что разносит в мелкие клочья. – Мне очень редко доводится говорить с такими, как ты. С теми, кто сумел проникнуть ко мне, не умерев. Отдаю должное искусству твоего отца, Одина. Проскользнуть через первую стену ни мёртвыми, ни живыми – ловко придумано и ещё лучше проделано. Бог как-никак. Много смертных чародеев пыталось, но мало кто преуспел.

– Великий… – Валькирия опустила глаза. Едва ли кто во всём Упорядоченном мог бы выдержать взгляд хозяина этого дома. – Великий, прости, что вторглась к тебе непрошеной. Прости, что нарушила вековые законы и уложения. Я много странствовала и ещё больше сражалась под самыми разными небесами, знаю множество обычаев, но в одном они сходятся – за содеянное мной положена справедливая вира.

– Вира? – хозяин поднял бровь. – Да, Рандгрид, положена, ты права. Но я не безжалостен, что бы обо мне ни говорили. И я люблю смелых. А ещё больше люблю тех, что поставили долг превыше всего.

– Ты знаешь, почему я вернулась, великий?

– Конечно. Я не Дух Познания, но тут догадаться нетрудно. Ты пришла за своей матерью. Но – позволь мне предсказать – уйти с ней просто так ты всё равно не сможешь.

– Почему? – Райне хватило силы и гордости вскинуть голову, хотя она и ощущала, как кровь отливает от щёк.

– Потому что валькирии, древние Девы Битв, были строги и справедливы. – Хозяин поставил кружку, взялся за источенный кривой нож с простой деревянной рукоятью, потемневшей от времени, отрезал пласт мяса; из-под поджаристой корочки брызнул сок. – Потому что, отыскав, если тебе суждено, душу Сигрун, ты задашься вопросом – а что же со всеми остальными, что обитают здесь? Разве не достойны они возвращения? Чем твоя мать лучше других? Тем, что её выбрал в своё время Древний Бог Один?

Райна опустила голову.

– Ешь. – Хозяин шлёпнул ей на деревянную тарелку изрядный шмат жаркого. – Ешь.

– Прости, великий, – только и смогла выдавить валькирия. – Нет, я… я вернулась только за своей матерью. Древние Боги… мы были прямы. Всё, что с тобой случается, – есть дело лишь твоих рук. Моя мать Сигрун храбро сражалась на арене, почему благосклонный взгляд моего отца и пал на неё. Она могла сдаться, испугаться, как другие, и тогда он равнодушно прошёл

бы мимо. Но мама билась! Билась до конца! – Голос валькирии чуть дрогнул. – И потому заслужила, заслужила спасение! Так рассуждаем мы, те, что жили в Асгарде. Я виновата, великий, если вызвала твой гнев. Если уж ты прервал свой многотрудный путь и явился сюда, ко мне…

– Рандгрид. – Хозяин поднёс к губам кружку. – Во-первых, я ничего не прервал. Я всегда здесь. А во-вторых, негоже пиву застаиваться.

Валькирия повиновалась, не чувствуя больше вкуса. Внутри всё дрожало.

– Мой гнев, Рандгрид – ничто по сравнению с тем, что случится там, за чертой. – Хозяин показал широкой ладонью. – Об этом вы с отцом подумали?

– Я повиновалась его слову. – Райна не отрывала взгляда от льняной скатерти.

– Как и положено послушной дочери, – вздохнул хозяин. – Как ты думаешь, Рандгрид, где ты сейчас? Что вокруг тебя?

– Н-не знаю, – призналась валькирия. – Да и как я могу, великий? Сама ли я странствую путями мёртвых, или только мой дух?

– Сюда ко мне приходят гости, – сказал хозяин, вновь наполняя кружки пенным элем. – Те, чей путь окончился… не так, как должно было бы по справедливости, сходятся здесь. И… довершают. Кто-то встречает любимого, кто-то видит, как рождается его ребёнок. Кто-то пожимает руку друга, кто-то примиряется с врагом…

– Прости, великий, – в отчаянии покачала головой Райна. – Слова твои темны, хоть и мудры. Но я – простая Дева Битв, и я…

– Ай, ай, Рандгрид! – погрозил пальцем хозяин. – Не прячься за маску простой воительницы. Не надо этого, мол, я только мечом размахиваю. Что ты подумала, когда отец твой сказал, что нужно сделать?

– Что это безумие. Что из страны мёртвых не возвращаются.

– Однако все сказания, какие мне только доводилось слышать, – задумчиво сказал хозяин, глядя Райне прямо в лицо, – обязательно повествовали, помимо всего прочего, о героях, которым удалось именно это.

– Не у нас, – покачала головой Райна. – Я провожала павших героев в Валгаллу, и потом они пировали там… сражались… охотились на равнинах Иды… но нога ни единого из них не ступала после этого по землям смертных.

– Так ли это? – сощурился хозяин. – Ты забыла собственную историю, Рандгрид.

– О чём ты, великий?

– Боргильдово Поле, Рандгрид. Боргильдово Поле. Мёртвые вернулись на земли живых, не так ли?

– Великий, ты хочешь, чтобы я о чём-то догадалась сама? Что-то более могущественное, чем ты сам, не даёт тебе сказать прямо?

Хозяин молча склонил голову.

– Рандгрид, дочь Одина. Вы с отцом зашли дальше всех, пробрались в области, куда допрежь живые не имели хода.

– Быть может, великий, на то была твоя воля?

Новая усмешка.

– Думаю, одно мановение твоей длани – и меня бы не стало, великий.

– Ты ошибаешься, Рандгрид, считая, что всё дело в способности сделать так, чтобы «кого-то не стало». Общая ошибка всех Древних Богов; потому-то громадное большинство из них – здесь.

– Разве великий Орёл не всемогущ? Разве не властвует он над всеми мёртвыми, над душами, явившимися под его руку?

– А разве ты говоришь с Орлом? У меня крыльев, по-моему, нету, – усмехнулся хозяин.

– У него может быть множество обличий. – Райна не отступала. Если хозяину угодна эта игра, что ж, она поиграет.

– Это не так, – покачал головой хозяин. – Орёл всего лишь Орёл. Он один и един.

– Тогда кто же ты, хозяин? – Райна собралась с силами, взглянула в тёмные глубокие глаза, и они вдруг улыбнулись ей в ответ.

– Орёл всеобщ и полон, лишь когда Он – Орёл. А я… можешь назвать это одним из Его аспектов.

– Навроде клоуна Кицума? – припомнила Райна.

– Кицума? – наморщил лоб хозяин. – Ах, да, Кицум… нет, это мой брат и это аватар, а не аспект. Хозяин трактира «Гном и Орк» никогда не выйдет в тварный мир, а вот таких вот «клоунов Кицумов» по дорогам Упорядоченного странствовало с преизлихом.

– Прости, великий. – Райна смиренно склонила голову. – Но сии материи, право же, не слишком понятны мне. А ещё менее мне понятно, что ты по-настоящему хочешь поведать мне, великий. Я пришла сюда нарушить вековой закон, спасти свою мать…

– Отчего ты решила, что её надо спасать? – перебил хозяин.

– Н-ну… – смешалась Райна. – Она ведь умерла, и я…

– Она не страдает, – жёстко сказал хозяин. – Она – вместе с неисчислимым множеством других, пришедших в домен Орла, – занята работой, важной, наверное, важнейшей во всём

Упорядоченном. Не стоит думать, что всё и везде устроено по образу и подобию ваших кошмарных «залов Хель». – Хозяин скривился от отвращения, тёмные глаза вспыхнули гневом. – Вот где крылось истинное зло! Обречь души, сознания на вечность мук, мук неизбывных, неискупаемых, когда ничего уже не изменишь! Осудить на медленное гниение, распад, безумие и непредставимое отчаяние. – Он медленно покачал головой, гнев его не убывал. – В застойном пруду вода может только гнить, обращаясь в яд, валькирия Рандгрид, дочь Одина. Так и в ваших «залах мёртвых». Исключённые из великого круга, обречённые на вечный плен…

– Из «великого круга», сильномогучий?

– Из великого круга жизни и преображения, – отрезал хозяин. – Много зла совершили Древние Боги, валькирия Рандгрид. Но нет среди него зла злее всех этих «царств Хель», или как они там именовались в разных мирах…

Райна опустила голову, щеки вспыхнули от внезапно нахлынувшего стыда.

– Я… говорила, – пролепетала она и смутилась ещё больше, сознавая всю жалкость этой попытки оправдаться.

– Говорила уже сейчас, – сурово отмолвил хозяин. – Говорила, когда перестала быть лишь Девой Битвы, Водительницей Мёртвых. Но до того… разве не провожала ты павших в вашу Валгаллу, запирая их там навсегда?

– Не навсегда! – возмутилась валькирия, почти забывшись в праведном гневе. – Но лишь до дня Последней Битвы!

– И что произошло бы потом? – с ядовитой иронией осведомился хозяин. Валькирия вновь смутилась.

– Они бы пали… смертью богов, смертью истинных героев…

– Вот именно. – Хозяин откинулся, поднял кружку, хлебнул пива. – Не тревожься, дочь Одина. Я не судия тебе. Я лишь хочу, чтобы ты поняла. Ваша Валгалла – и множество её подобий под властью других Древних – была такой же неволей для душ, как и ужасное царство Хель.

Райна невольно покачала головой:

– Прости, что дерзаю спорить с тобой, великий. Но залы Валгаллы шумели буйными пирами, герои-эйнхерии предавались воинским забавам, охотились и сражались, проводя время так, как мечтали весь свой земной путь…

– Ты не поняла! – грохнул кружкой о стол хозяин. – Это всё равно был плен, всё равно клетки, всё равно западня. Пиры? Сражения? Охоты? И всё?!

– Разве это не достойные героя заня…

– Нет! – рявкнул хозяин, да так, что Райна невольно

отшатнулась. – Ты полубогиня, отец твой – один из сильнейших Древних, и говоришь такое! Валькирии Рандгрид, быть может, это и простительно, а воительнице Райне – нет!

– П-почему, великий? – пролепетала дочь Одина.

– Подумай, – тяжело взглянул на неё хозяин. – Вспомни, что ты была Девой Битвы не только… не только для того, чтобы волочить павших в эту вашу Валгаллу…

Наступило молчание. Хозяин медленно покивал, вздохнул.

– Прости меня, храбрая дева. Я… дал гневу и тревоге овладеть собой. Что поделать, аспект не совершенен и не полон, в отличие от Орла. Но с ним даже ты не смогла бы говорить. Боюсь, что и твой отец тоже. Но ты всё же вспомни, вспомни свои странствия. Бои, походы, привалы. Вспомни всё.

– Для того, кто никогда не покидает пределы своего домена, ты слишком хорошо знаешь мою жизнь, великий.

Хозяин коротко хохотнул, сделал добрый глоток.

– Не будь столь бледна, Рандгрид. Ешь, у меня тут добрая еда.

Валькирия повиновалась.

– Не забывай, к кому приходили твои павшие товарищи. Немало их сиживало за этим столом.

– Неужели ты, великий, – у Райны даже перехватило дыхание, – знаешь всё обо всех в Упорядоченном? Мёртвые, ступив сюда, выдают тебе сокровенные тайны? Все несчитаные мириады расставшихся с жизнью? Сколь же обширна память твоя, великий?

– Ешь, ешь, – рассмеялся хозяин. – И не закатывай глаза, валькирия. Это мой долг, это бытиё… э-э-э… аспекта Великого Орла. Моя память, кхе-кхе, и впрямь обширна, скажу без хвастовства.

– Но тогда ты должен знать… – напряглась валькирия. На языке у неё заплясали тысячи тысяч вопросов.

– Постой, погоди, прекрасная воительница. – Хозяин засмеялся, вскинув руки. – Пощади, прошу. Я принимаю последнее слово пришедших ко мне, это да. Выполняю их просьбы. Передаю другим, передаю то, что они зачастую не дерзают сказать даже другим мёртвым. Но не сплетничаю и не отвечаю на пустое любопытствование.

– Почему же «пустое»?! – обиделась валькирия.

– Поймёшь, – отмахнулся хозяин. – Но я хотел бы, чтобы ты получше вспомнила собственные странствия. Забыла, с чего мы начали речь?

Райна вздохнула, кивнув. Спорить с хозяином, разумеется, не имело смысла.

– Но о чём же поведать тебе, великий?

– Не поведать, Рандгрид. Вспомнить, ради чего вы сражались.

– Когда как, – вздохнула воительница. – Частенько – и просто ради денег. Ну и… чтобы заполнить пустоту, убежать от самой себя. Боргильдова Битва, великий… долго не отпускала меня. Я не сомневалась, что осталась одна на веки вечные.

– Не только «ради денег», – усмехнулся хозяин. – Ты всё равно сражалась за справедливость, так, как сама её понимала, и рисковала ради неё всем у тебя оставшимся.

– Ну, – смутилась Райна, – спасибо за похвалу, великий.

– Ты расчищала путь, – негромко сказал хозяин. – Поперёк течения всеобщей реки жизни возникает множество запруд. Ты, Рандгрид, по мере сил своих старалась, чтобы их стало б поменьше.

– Красиво сказано, – вздохнула валькирия. – Хотела б я тоже так про себя говорить…

– Висы, во всяком случае, – с губ хозяина не уходила улыбка, – ты слагала очень лихо.

Валькирия покраснела.

– Но ты поняла теперь? – настаивал хозяин, лишь усмехнувшись её румянцу. – Герои на то и герои, что давали жизни течь. Они сражались и утверждали новое. Свершались самые разные дела, но в конечном итоге жизнь и сила всё равно торжествовали. Даже когда побеждало именуемое злом – против него вставали те, кто его считал таковым, и одолевали его, рано или поздно.

– Но… – пыталась собраться с мыслями валькирия, – сражались далеко не всегда за правое дело…

– Неважно, – отрезал хозяин. – Отвага и доблесть не пропадали бесследно, и это не выдумки скальдов, Рандгрид. Герои остаются героями и помогают всему Упорядоченному, если оказываются у меня. А в Валгалле – они просто гнили заживо. Может, самим им и казалось, что всё хорошо. А на самом деле…

– Никто никогда не пытался сбежать из Асгарда, – несколько обиженно заявила Райна.

– Не в том дело, – отмахнулся хозяин. – Души прозябали без дела, без настоящего дела. И спасались тем единственным способом, какой вы им оставили.

– Что ж, твои желания, великий, исполнились, – горько бросила валькирия. – Асгарда больше нет. Остался лишь пепел. Никто не «гниёт», как ты говоришь, потому что уже негде гнить.

– Неправда, – покачал головой хозяин. – Асгарда нет, это верно. Но залы Хель остались. Хотя в них уже и нет их «правительницы».

– Значит, асы были не виноваты? – обрадовалась валькирия. – Раз всё продолжается и без них?

– Твой отец, древний бог Óдин, – без тени улыбки ответил хозяин, – был могущественен, очень могущественен. Немало досталось ему от Творца. Законы, им установленные, продолжают действовать. Проложенные его словом русла магических рек всё так же несут силу, как и несли, направляя мёртвых к залам Хель. И он не один такой – немало подобных же узилищ для душ по-прежнему остаётся в Упорядоченном.

Хозяин гневался. Пудовые кулаки сжались, казалось, кружка вот-вот треснет в могучей длани.

– Великий, – осторожно проговорила Райна, – но что же всё это значит? К чему ты ведёшь свои речи? Я должна о чём-то таки догадаться? Скажем, о том, что залы Хель должны опустеть и душам ничто не должно мешать течь к твоему домену? Но точно ли им здесь лучше? Я не знаю, я видела лишь тень великого Древа, на одной из ветвей которого располагался призрачный двойник Асгарда…

– Иными словами, ты хочешь увидеть весь домен Орла? – Хозяин тяжело глядел Райне прямо в лицо. – Тебе недостаточно ужасов вашего же собственного Хель?

– В Хель души, во всяком случае, не могли сгинуть, – пожала плечами валькирия. – Наверное, их можно освободить… не на это ли намекаешь ты, великий? Что у свободы моей матери имеется цена, и цена эта – свобода для всех, томящихся в Хель? А может, и не только в Хель?

– Ты догадлива, дочь Óдина. Однако кое в чём ты ошибаешься.

– В чём же ошибаюсь, великий?

– В том, что «в Хель души не могли сгинуть», Рандгрид.

– Могли сгинуть? – опешила валькирия. – Но если это так, то почему же великий Орёл ждал столько времени? Ждал и бездействовал?

– Потому что, – хозяин склонился вперёд, – частично ты ошибаешься, но частично и права. Хоть и в мучениях, души пребывали в Хель и других подобных местах… достаточно долго. Но не вечно, Рандгрид, не вечно. Вечности мук не вынесет ничто, ни смертное, ни бессмертное. Для тебя это новость? Ты побледнела?

– Хель хранила всё – до самого дня Рагнарёка!

– Так думали асы. Они заблуждались, хоть и искренне. У них не было, – хозяин задумался на миг, – не было ни средств, ни желания это проверять. Но даже бессмертная душа, Рандгрид, не сможет бесконечно пребывать во мраке, в несказанном страдании,

ожидая конечной гибели как великого избавления. Самые древние из душ в местах, подобных Хель, таяли, исчезая без следа.

– Не может быть! – вырвалось у валькирии. Хозяин мрачно кивнул.

– Даже Дух Познания не мог в это поверить. Проверял и перепроверял. В разных мирах, под разными небесами. Пока наконец не убедился.

– Почему же вы ничего не делали?! – Райна сжала кулаки.

– Мы делали, валькирия. Золотой Дракон – вернее, его аватара – участвовал в одном таком походе. Он окончился удачей, если говорить формально. Очередные «чёрные врата» были сокрушены, очередной «владыка мёртвых» повержен. Но потом…

– Что-то пошло не так?

– Именно. Что-то пошло не так. И этот момент, Рандгрид, важен для нас особенно. Потому что давно появившийся в Упорядоченном Спаситель перехватил все освобождённые души. Они так и не достигли владений Орла.

– Спаситель? Перехватил?

Хозяин мрачно взглянул на Райну:

– Да. Но, прежде чем вдаваться в объяснения, спрошу: что ты сама знаешь о Нём?

Валькирия пожала плечами:

– Болтали всякое. Что Он приходит и «спасает» миры, забирая всех живущих к себе, в сказочное царство, где все счастливы. Но я видела и Его воочию, великий, в небесах над Эвиалом… – Она поёжилась. – Чародейка по имени Клара Хюммель…

– Я знаю, – перебил хозяин. – Вы остановили Его. Великое деяние, Рандгрид, поистине великое. Он терпел порою неудачи и ранее; но впервые Его остановили в схватке лицом к лицу, когда вместе против него встали и смертные, и бессмертные, и долгоживущие. Он отступил – однако у Него хватает терпения, можешь мне поверить. Как и великий Орёл, Он ничего не забывает.

– Но тебе ведь ведомы его пути, великий? – с надеждой спросила Райна. – Ты знаешь, что Он творит, после того, как «спасёт», по Его же словам, мир?

Хозяин медленно покачал головой:

– В точности не знает даже Золотой Дракон. Я же могу сказать одно: с душами творится что-то очень… очень… жуткое. Они исчезают.

– Гибнут? – вздрогнула валькирия.

Хозяин повёл могучим плечом:

– Большой соблазн был бы ответить тебе «да», воительница.

Но великий Орёл не лжёт, не лжёт и этот его аспект, что сидит сейчас перед тобой. Мы не знаем. Но того последнего, что испускает душа в миг конечного распада, что мы видели и замечали в местах, подобных вашему Хель, там не было. Спаситель вбирал души в себя… и всё. Больше их не видел Дракон, больше их не чувствовал Орёл.

– И это плохо?

– Это очень плохо, Рандгрид. С каждой ушедшей в такое вот небытиё душой Хаос, омывающий Упорядоченное, становится пусть на маковое зерно, но сильнее.

– Я чувствовала, – кивнула валькирия. – На пути сюда, ко владениям великого Орла, мы миновали области, где всё поистине пропитано, всё пронизано Хаосом. Сама плоть Упорядоченного сочится им; не знаю, как такое вообще может быть.

– Жизнь, бессмертная Жизнь, воплощённая во множестве живых душ, – медленно сказал хозяин, – и подпитываемая живой же силой из Источников Магии, соединённых с Великим Древом – вот что хранило и хранит Упорядоченное вернее и надёжнее отпорных заклятий. Творец был поистине велик, Он оставил нам почти идеальную защиту. Почти – потому что идеален Он был только сам, а всё, от Него отделённое, таковым быть уже не может… Но суть сейчас не в этом, Рандгрид. Упорядоченное утратило равновесность. Новые Боги, Хедин и Ракот, делали и делают всё, что могут, однако у них слишком много сиюминутных забот. Ты хочешь вернуть свою мать вдобавок к уже выпущенным отсюда теням асов? Раньше великий Орёл сказал бы – а я б повторил: это невозможно. Тем более что, как справедливо заметили тебе стражи-архонты, ты ещё не готова.

– Кстати, кто они такие? – прорвало вдруг Райну. – Что за золотой луч? Куда он ведёт? Что охраняет эта стража в твоём домене, великий?

Хозяин слегка улыбнулся:

– Храбрая Рандгрид. Упорядоченное очень сложно, куда сложнее, чем тебе кажется. Это не просто мыльный пузырь, плавающий в воздухе, если уподобить воздух – океанам окружающего нас Хаоса. Домен великого Орла включает многое, ему не повинующееся. Точно так же как и в сильнейшем из людских или гномьих королевств веют ветра, светит солнце и идёт дождь, не подчиняющиеся указам с трона. В Упорядоченном нет всесильных, запомни это, Рандгрид.

– Ты не скажешь мне… – повесила голову воительница. – Но поведай тогда хотя б, откуда тут взялись демоны? Что тут делать этим мерзким тварям? Кто их пустил, кто открыл им сюда

дорогу? Почему они напали на меня?

– Когда ты сражалась с ними, ты ощущала?.. – вопросом ответил хозяин.

– Прилив сил, – несколько растерянно отозвалась валькирия.

– Вот и суди сама. Рандгрид, домен великого Орла – не абсолютно неприступен и не абсолютно недоступен. Иначе тебя бы здесь не было.

– Но разве я здесь не по милости твоей, хозяин?

– Для того чтобы милость Орла простёрлась на тебя, сперва требовалось просто войти. Вы сумели это сделать.

– Вечно вы, сильномогучие, умалчиваете и уклоняетесь… – проворчала Райна, не в силах скрыть разочарования.

– А разве ты выдавала всем встречным и поперечным тайны Асгарда? – парировал хозяин.

– Не выдавала, – призналась валькирия. – Однако главное они знали и так! И добрую толику слухов и сплетен об асах тоже. Особенно, впрочем, об асиньях. А всё этот болтун Браги! Славы первого скальда среди асов ему было мало, вечно-то хотелось, чтобы ему так же возносили бы хвалу простые смертные. Вот и накидывал рваный плащ, шлялся по трактирам и харчевням, где и исполнял… – у Райны брезгливо дёрнулись губы, – всякое-разное.

Хозяин улыбнулся:

– Но ты поняла меня? «Главное» ведь ты знаешь тоже. И для этого тебе не пришлось слушать никаких скабрёзностей.

– Тогда к делу, великий, – решительно сказала Райна. – Я уже поняла, что просто так мне отсюда не выбраться. За всё надо платить, я знаю, согласна. Значит, моя мать в обмен на что? Разрушение Хель?

– Не просто «разрушение», – покачал головой хозяин. – Души не должны достаться Спасителю, вот что ещё главнее. В Хель они истаивают, но медленно – в Нём же, боюсь, сгинут навечно, ибо никто не знает, даже Золотой Дракон, как вызволить их оттуда, как Его одолеть и можно ли это вообще сделать.

– Мы же почти что…

– Вы отбросили Его от одного из миров. Славное дело, не спорю; но и потери были тяжелы. Два могущественных артефакта, два аттрактора силы, сгинули, чтобы только отогнать Спасителя; найдутся ли равные им в другой раз?

– Всё, что было создано единожды, можно воссоздать, – решительно сказала валькирия. – Но я поняла твою волю, хозяин. Когда залы Хель будут разрушены, моя мать…

– Нет, – покачал головой хозяин. – Твоя мать получит свободу сейчас. Остальное – дело твоей чести, Рандгрид.

– С-сейчас, великий? – так и обмерла валькирия.

– Великий Орёл не станет тебе препятствовать, – слегка поклонился её собеседник. – Но дойти тебе предстоит самой.

– Равновесие, да? – вздохнула Райна. – Но… великий, асы вернулись ко мне бесплотными тенями, и непохоже было, что они вообще меня узнавали. Покорно следовали за мной, точно овцы за пастухом, но и только. Великий, силы этого мира любят, скажем так, играть в честность – выполняют какое-то условие, в точности как оно звучит, а потом оказывается… Моя мать тоже будет такой вот тенью? И именно такими пребывают и все остальные души в домене Орла?

Хозяин покачал головой:

– Домен Орла – не Хель, но и не Валгалла; душа обязана трудиться, как и все мы, неважно, смертные или бессмертные. Здесь другое. Ты ведь видела то Древо по пути сюда, Рандгрид?

Валькирия кивнула.

– Души ухаживают за ним. Собирают росу и поливают; врачуют раны; охотятся за теми, кто норовит им поживиться. За всякими… короедами и листорезами.

Райна невольно улыбнулась:

– Прости, великий, это напомнило мне… муравейник. Его обитатели ведь тоже заботятся о деревьях в лесу – по-своему.

– Можно сказать и так, – не стал спорить хозяин. – Но ты всё увидишь сама. Тебе предстоит отыскать свою мать там, возле Древа. Но это – завтра, только завтра. Ложись и спи сейчас! А я пойду. Время не ждёт – души жаждут разговора.

Он поднялся из-за стола мягким, медвежьим движением. Встала и валькирия. Она понимала, что это не более чем предлог; аспект великого Орла справлялся с мириадами приходящих в его владения душ.

– Благодарю хозяина дома сего; да будут благословенны очаг его и кровля.

– Спасибо, – усмехнулся хозяин.

– Прости, великий, но… как же ты один говоришь со всеми, кто приходит на твой порог?

– Меня много. – Улыбка исчезла. – Меня много, потому что, ты права, мёртвых, приходящих сюда, – ещё больше.

– И все они видят одно и то же?

– А почему же нет?

– Н-ну… – смешалась валькирия, – кто-то из жён, быть может, предпочёл бы… говорить с женщиной?

– Вот уж нет, – рассмеялся хозяин. – Нет, храбрая Рандгрид. Каждый видит во мне то, чего ему не хватало. Друга, возлюбленного, брата, сына…

– Как насчёт дочери?

– Вот неугомонная! Иди спать, воительница. Завтра у тебя трудная дорога. Последнее время, знаешь ли, демоны пошаливать начали…

* * *

– Нам пора уходить, – вслух бросил Старый Хрофт, ни к кому в отдельности не обращаясь; но те, кому следует, поняли его мигом и правильно.

– Вовремя отступить – не трусость, но мудрость, – важно заявили Дальние. – Мы дадим тебе силы, древний бог Óдин. Открывай портал, пусть воинство Хедина зря гоняется за твоей тенью!

– Он, увы, отлично знает, где меня искать, – сквозь зубы процедил Отец Дружин. – И знает, что я буду делать.

– Что же? – как бы невзначай поинтересовались Дальние, и Óдин с трудом подавил злую ухмылку.

– Возрождать Асгард. – С острия меча сорвалась очередная руна из тех, что не давала волку Фенриру окончательно скрыться под серой поверхностью рукотворного болота. – И он придёт туда, наш Хедин. Придёт с настоящей армадой. И вот тогда, любезные, помощь ваша – и тех, кто с вами, – окажется просто необходимой.

– И она не замедлит, – напыщенно провозгласили Дальние. – Как не замедлила сегодня. Будь готов, Древний Бог!

Старый Хрофт заскрипел зубами – поток обрушившейся на него мощи обжигал; Дальние словно направили на него настоящий водопад крутого кипятка.

Но зато по жилам Отца Богов струился сейчас настоящий огонь; давно забытое ощущение всемогущества, безграничности отпущенного ему; так было лишь в самые первые тёмные мгновения, когда сознание того, что впоследствии сделалось богом Óдином, Отцом Дружин и владыкой Асгарда, оторвалось от плоти новосотворённого мира.

Альвийский меч взмыл и рухнул, рассекая серую твердь. Сияющая всеми цветами радуги арка поднималась, стряхивая с себя туманно-мутные капли.

Застонав от натуги, Старый Хрофт потянул на себя волка. Руки Древнего Бога словно удлинились; незримые, они подхватили Фенрира, вытаскивая его из болотного плена.

Сразу несколько огнешаров ударили в спину и бока сына Локи, и Óдин едва не разжал пальцы от нестерпимой боли ожогов. Зарычал, мотнул головой – кажется, из глаз и рта его хлынули потоки зелёного пламени; серая земля вставала на дыбы

вокруг волка, вставала и тотчас вспыхивала.

Подмастерья Хедина встретили удар достойно, как только они и умели – мгновенно выставленными щитами. Их сносило один за другим, но искусные в подобного рода стычках ратники Познавшего Тьму успевали поднять новые.

Правда, ни на что больше их пока не хватало.

Фенрир отчаянным рывком выбрался из трясины, и Óдин тотчас, пока неугомонный племянничек не ввязался в новую драку, потянул его за загривок.

Яргохор оглянулся – и сразу всё понял. Повернулся и без ложной гордости припустил наутёк.

Кто-то из эльфов не выдержал – заулюлюкал вслед.

– Скьёльд! Теперь! – гаркнул Отец Богов во всю глотку.

Сквозь кипящий водоворот силы, дарованной ему Дальними, он чётко видел теперь тонкую, но неимоверно прочную нить, протянувшуюся сквозь незримые поры реальности, проскользнувшую меж самых мелких его частиц.

Рывок.

Маг с драконами, вытатуированными прямо на черепе, не подвёл, не дрогнул. Причудливо извиваясь и петляя, его нить потянула разом и Óдина, и Фенрира, и Ястира – а следом и тени асов – в открывшуюся радужную арку.

Последние огнешары бессильно разбились о её весёлые многоцветные переливы.

Разрыв потока силы ударил Старого Хрофта, словно дубина по шлему. Без жарко пылавшего в крови огня его враз охватил жестокий озноб, затрясло всё тело, зубы застучали, словно у самого последнего нищего, замерзающего студёной ночью.

Нить волокла их вперёд, перед глазами вспыхивали огненные протуберанцы, щёки словно обдирало жёстким песком, каким оттирают жирные котлы, – но заклятие мага Скьёльда сработало, как дóлжно.

Радостно заржал Слейпнир, резко поднял голову белый тигр Барра.

– Великий бог Óдин! – Весь покрытый пóтом, чародей вдруг бухнулся на колени. – О, сколь же велико моё счастье видеть тебя живым и невредимым, как и твоих спутни… но где же доблестная воительница Райна?

– Осталась там, – коротко бросил Старый Хрофт. – Во владениях Демогоргона.

И Фенрир, и Ястир так и уставились на Отца Богов, верно, поражаясь его спокойствию.

Что он думает о Райне на самом деле, знать никому не надо. И даже ему самому, чем меньше он о ней думает, тем лучше – кто

знает, может, они в голову ему залезть способны, узнать, что там…

– Она сделала так по собственной воле. Не мне вставать на пути той, что свершила небывалое. И не надо скорбного лика, Скьёльд, она жива. И вернётся, я знаю. Дайте только срок.

– Я… поражаюсь и преклоняюсь пред тобою, Древний Бог. – Маг вновь склонился низко-низко, до самой земли. – И… вижу, что вы вернулись не с пустыми руками?

Óдин оглянулся. Да, всё сработало как нельзя лучше – вот они, тени асиний и асов, пусть безмолвные и беспамятные, словно в глубоком сне; но вот они!

И Фригг среди них…

До сего мига Óдин, боясь ошибки, старался даже не искать супругу взглядом. Сейчас нашёл – блёкло-серая фигура, скрещённые на груди руки, взгляд, устремлённый куда-то сквозь время и пространство…

«Всё будет хорошо», – мысленно пообещал Старый Хрофт жене.

– Разумеется, маг, – небрежно уронил Отец Дружин. – Теперь нам надо возвращаться. Я благодарю тебя за помощь, она была поистине неоценима. Чем я могу отплатить тебе? Боги не любят ходить в долгах.

– Позволь помогать тебе и дальше, как я и говорил, как говорили мои брат с сестрой. – Скьёльд не уставал кланяться, словно вышколенный слуга. Глаз Старого Хрофта чуть сузился.

– Чародей, силы твои поистине огромны, и их не опишешь словами. Но должен предупредить тебя, что там, за чертой, нам пришлось вступить в бой с учениками Познавшего Тьму…

– Ага, и я им задал жару! – немедленно встрял Фенрир. – Ух, и поплясали же они у меня!

– Не сомневаюсь, – слегка поклонился Скьёльд. – Великий бог Óдин, я и мои брат с сестрой не теряли времени даром. Для тебя и для асов будет открыта прямая дорога в родные места, а там уж – как пожелаете. Нет нужды долго пробираться по кривым тропам, где всё пронизано эманациями Хаоса.

– Превосходная работа, маг, – снисходительно, как и положено Древнему, кивнул Óдин. – Понимаю так, что сделать это из обычных областей Упорядоченного было невозможно?

– Великий бог совершенно прав, как обычно, – низко поклонился чародей. – Только находясь здесь, смог я установить все потребные размерения и числа. Путь открыт, великий Древний! Пусть асы и асиньи вернутся к своему извечному дому. – Ещё один поклон.

Ястир и Фенрир переглянулись. Мол, что-то часто стал ты

кланяться, волшебник.

– Хорошо, – невозмутимо бросил Старый Хрофт. – Разрешаю приступать.

Фенрир меж тем повернул огромную голову, в упор глядя на серые тени асов. У огромного волка даже вырвалось нечто похожее на поскуливание.

– Отец…

– Он не слышит тебя, – резко оборвал волка Óдин. – Никто из них пока не слышит. Они вырвались из смертной тени, но ещё не вернулись к нам окончательно. Предстоит ещё немало работы, я рассчитываю на тебя, сын Локи.

– Повинуюсь, – прохрипел Фенрир, припадая на передние лапы и, насколько мог, приближая взгляд к обнаружившейся наконец тени Локи. Сын Лаувейи, великий шутник, устроитель великих неприятностей и их же устранитель, ничем не отличался сейчас от других асов. Те же сложенные на груди руки, тот же невидящий взгляд, та же серая тень.

– Он тебе не ответит, – возвысил голос Óдин, видя, как нечеловеческие глаза волка заполняет совершенно человеческая тоска. – Реку ж к тебе, Фенрир, подожди!

– Но, великий Óдин… – жалобно тявкнул волк, – он же… они ж… неживые совсем. Я чую. Ты-то, может, и нет, а я – мне ж привычно. Обман это, тени пустые, ничего в них и за ними…

– Всё будет, – непреклонно отрезал владыка Асгарда. – А пока нам и впрямь надо убираться отсюда.

– Куда? – неожиданно подал голос Ястир. – Где такое место, что укроет нас от ярости Познавшего Тьму? Мы напали на его учеников. Кто-то наверняка погиб. Он такого не прощает. Иначе не был бы Познавшим Тьму.

– В Упорядоченном множество потайных миров и скрытых складками реальности областей, куда не вдруг доберётся даже могущественный Хедин, – с готовностью вступил Скьёльд. – Много-много лет я и моя родня успешно избегаем его докучливых взоров.

– Нет, – невозмутимо покачал головой Старый Хрофт, – мы не станем ни убегать, ни прятаться. Асгард воздвигнется именно там, где стоял раньше, на равнинах Иды, и ветви великого Иггдрасиля вновь станут простираться над золотыми щитами, из коих сложена крыша Валгаллы.

– Асгард – возродить? – на прежнем месте?! – Казалось, Скьёльд не верит собственным ушам. – Великий бог, дерзну ли я…

– Ты уже и так дерзаешь, чародей.

– Милосердия, великий бог, милосердия! – Лоб и темя

чародея вновь покрывались по́том. – Познавший Тьму и Восставший найдут тебя в один миг. И… прости, сильномогучий О́дин, но нет таких крепостей, что невозможно было бы взять. Нам ведомо, что в своё время братья-боги уничтожили летающий остров Брандей, который его тогдашние хозяева в непомерной гордыне тоже считали неприступным. Молю тебя, великий бог, – склони слух свой к моим речам; мы укажем тебе настолько тайные, настолько укрытые места, что даже Новым Богам придётся потратить эоны на поиски!

– Я спасал асов не для того, чтобы постыдно бежать и прятаться под кустами, Скьёльд.

– Речи, достойные Древнего Бога, великий О́дин. Но рассуди сам, Ас Воронов, разве для того ты освобождал своих сородичей из лап самой смерти, чтобы они бы вновь туда отправились? Какие шансы у нас устоять против армий Познавшего Тьму, особенно если Восставший присоединит к ним свои Тёмные Легионы?

– У Ракота нет никаких легионов, ни тёмных, ни светлых, – высокомерно бросил О́дин. – У него вообще ничего нет, кроме лишь его меча, да и тот подарен Хедином. Вернее, возвращён. Тот, кого звали Восставшим, перед кем трепетали Молодые Боги в зените собственного могущества, сейчас лишь бледная тень самого себя. Он погряз в радостях плоти, он таскается по диким мирам в обличье варвара, добровольно ограничив собственные силы, ища удовольствия и забвения в битвах, ристалищах и аренах.

– Да простятся мне дерзкие слова, но немудро считать, будто Ракот Восставший навечно утратил то, что сделало его на срок грозой всего Упорядоченного. – Скьёльд прижал руки к груди, ни дать ни взять – монах во страстной молитве. – Заклинаю тебя, великий бог…

– Ты это уже говорил. Я услышал тебя, чародей, и благодарю за верную службу. Но решение моё твёрдо и неизменно.

– Хедин и Ракот сотрут Асгард возрождённый так же, как Молодые Боги стёрли Асгард изначальный. – Голос Скьёльда полнило отчаяние.

– Пусть даже и так, – невозмутимо сощурился О́дин, – но разве это твоя война, маг? Разве ты и твои сородичи готовы бросить вызов Новым Богам? Разве вы ищете их тронов и венцов, их власти и их бремени?

– Н-нет-нет, конечно же нет. – Запинаясь, Скьёльд вскинул ладони, словно бы защищаясь. – Конечно же нет, великий бог. Но… мы за справедливость, поэтому и помогали тебе в благороднейшем деле, тобой предпринятом…

– Асгард будет возрождён на прежнем месте. Из пепла его предшественника. И этим же пеплом будут удобрены корни Иггдрасиля. Так, и никак иначе. И, – альвийский меч взмыл над головой Отца Дружин, – мы вновь станем править Хьёрвардом! Чужого нам не надо, не надо иных миров, каждый да держит свою отчизну, и тогда наступят мир со спокойствием, чародей Скьёльд.

– Великий бог… – Маг смотрел на Отца Дружин с каким-то покровительственным удивлением. – Ты добр и справедлив. Тебе не нужно чужого. Но рассуди сам – разве не будет всем лучше, если благость асов осенит доселе пустой, не знавший богов мир? Мир, где прозябающие племена, лишившиеся своих Древних, что пали от руки Ямерта и его присных, так и остаются в дикости, зачастую утратив даже умение разжечь огонь? Почему бы не унести пепел с равнин Иды, чтобы воздвигнуть новый Асгард на чистом месте, без памяти о прошлой гибели? И ветви Иггдрасиля покроют новый мир, с тем чтобы его обитатели возглашали бы тебе хвалы ныне, присно и до самого дня Рагнарёка, если ему суждено настать? И Хедин с Ракотом могут искать тебя поистине до Судного дня, в каковой верят адепты Спасителя.

Он отёр пот со лба и умолк, тяжело дыша.

– Разумные слова, маг. И другой Древний на моём месте, наверное, последовал бы им. Но не я.

– Но почему?! – возопил волшебник.

– Боги должны вернуться не только в Хьёрвард, – негромко проговорил Старый Хрофт, глядя Скьёльду прямо в глаза. – Древние должны получить обратно то, что было отнято у них. Отнято сперва Ямертом и его роднёй, а потом… а потом Хедин с Ракотом вообще забыли об этом долге. Величайшее злодеяние осталось неотомщённым. Ямерт бродит где-то по просторам неведомых миров, и время по-прежнему не властно над ним. Он не ответил за множество убитых и замученных по его приказу. Это не есть справедливость, Скьёльд. Если Новые Боги забыли о ней – что ж, справедливостью в Упорядоченном займусь я, Óдин.

– Они уничтожат тебя, – с тихим отчаянием сказал Скьёльд. – А с тобой, великий Óдин, умрёт и великая мечта о свободе Упорядоченного.

– Никто меня уничтожать не станет, – беззаботно отмахнулся Отец Дружин. – Мы с Хедином друзья, забыли? Это досадное недоразумение с его учениками, по оплошности устроившими недавнюю заварушку, бесспорно, разрешится в самом недалёком будущем.

– Слова судейского стряпчего, не Древнего Бога! – не сдержался Скьёльд.

Взгляд Óдина потяжелел, однако Старый Хрофт лишь пожал

плечами.

– Твои услуги неоценимы, маг Скьёльд, и потому я прощаю тебе дерзкие слова. Говорил тебе раньше и повторю вновь: всё, что случилось или может случиться между мной и моим другом Хедином, – не более чем недоразумение. Его ученики просто выполняют приказы. Высокие материи им недоступны.

– Блажен, кто верует, – с сарказмом сказал Скьёльд, криво усмехаясь. – Не обманывай себя, великий бог. Пусть твои собственные благородство и справедливость не затуманят твой взор. Повторяю вновь и вновь: бог Хедин помешан на равновесии, на сохранении всего, как оно и есть. Хотя в своё время он пришёл к власти, сокрушив тогдашних хозяев Упорядоченного и пролив вместе с Ракотом целое море крови. Это если даже не вспоминать о Неназываемом.

– Я услышал тебя, маг. Будь уверен, твои слова, равно как и труды, не пропадут даром. Что ж, раз уж ты так настаиваешь, то, быть может, окажешь мне ещё одну, последнюю услугу?

– Счастлив буду оказать великому Одину столько услуг, сколько потребуется для торжества его дела!

– Не перебарщивай с лестью и обещаниями, – усмехнулся Старый Хрофт. – Нет, Скьёльд, не надо предлагать мне чуть не закупное рабство. Мне лишь надо будет, чтобы с равнин Иды в момент, о котором ты толкуешь – который, конечно, никогда не наступит, – открылся бы портал в одно из тех тайных мест, что ты упоминал. И, разумеется, чтобы этот портал невозможно было отследить.

– Трудная задача, – покачал головой маг. – Добиться, чтобы даже боги не смогли бы пройти по следу портала…

– Задача, достойная такого, как ты, – невозмутимо заметил Один. – Нам, Древним Богам, эта ваша новая магия недоступна. Потому я и спрашиваю тебя, чародей, не замыслил ли ты сам править Упорядоченным?

– Нет, нет! – в ужасе возопил Скьёльд. – Ни в коем случае, великий бог!

– Правдоподобно, – сухо уронил Отец Дружин. – Но я не о том. Мне не нужно всевластие, человек. Древние Боги тем и отличались, что каждый занимался своим делом. Своим делом и своим миром. Никто не владычествовал над всем Сущим. Нам этого не требовалось. Мне нужен мой мир – обратно. Чтобы всё шло, как до Боргильдовой Битвы. Что? Ты разочарован, я вижу?

– Великий древний проницателен, – потупился Скьёльд. – Прости мне, обычному смертному, достигшему всего лишь собственными силами да упорством, – прости мне ещё одну дерзость. Но ты, великий Один, ты, чьё имя Справедливость,

почему ты обрекаешь себя на участь изгнанника? Почему считаешь, что в возрождённом Асгарде можно лишь пировать? Разве не достоин ты трона владыки Упорядоченного?

– Если я не стал им с самого начала – нет, не достоин, – отрезал Отец Богов. – Я тот, кто я есть. Такие уж мы, Древние Боги. Мы не шибко-то любим меняться.

– Хедин заставит, – мрачно посулил Скьёльд.

– Увидим, – пожал плечами Один. – Делай своё дело, маг.

Молчавшие всё это время Фенрир и Ястир снова переглянулись.

* * *

В трактире под вывеской с обнявшимися орком и гномом было тихо, темно, тепло и уютно. Здесь не царила гнетущая тишина, напротив – чуть поскрипывали половицы, скреблись где-то мыши, пару раз мимо постели Райны прошла на мягких лапках полосатая кошка. Валькирия вгляделась, смутно ожидая ещё какого-нибудь «аспекта» или какую иную великую силу, – но нет, кошка казалась самой обыкновенной.

Живой, если, конечно, тут вообще могли оказаться живые кошки.

Раздавались и шаги хозяина. На краткое время кто-то зашёл в общую залу трактира – но не засиделся, шаги нескольких пар ног быстро стихли где-то за стенами. Сама же Райна лежала без сна, крепко вцепившись в эфес альвийского меча, хотя и понимала – безопаснее места не найдёшь во всём Упорядоченном. Ну, кроме разве что хором Духа Познания, буде таковые вообще существуют.

Мысли её плыли, несмотря на судорожно сжатую рукоять клинка, спокойно и невозбранно. Она не только валькирия, но также, пусть и немного, Водительница Мёртвых. Она это уже доказала; и сейчас именно как Воительница Райна тщилась обозреть все пределы владений Соборного Духа, понять, чем же это отличается от пресловутых залов Хель, столь ненавистных хозяину трактира.

Почему там души якобы рано или поздно «истаивают», а тут – нет?

В чём разница?

И как ей отыскать маму?

И что ей сказать, когда отыщет?

Или мама ничего не услышит и не поймёт? Не узнает её, маленькую Рани, как звала дочку Сигрун, пока Один не явился за ней, чтобы окончательно унести в Валгаллу и сделать там из неё

Деву Битвы?

Валькирия лежала с открытыми глазами, мысленно воспаряя над трактиром, мельком замечая очередную компанию с мечами и копьями, подвалившую ко входу, видя расстилающиеся вокруг небольшие, но глубокие озёра над бьющими со дна ключами, болотца, перевитые жилами ручейков, плавные волны холмов, накатывающие, словно прибой, на далёкий-предалёкий горный кряж, – и совсем терялась.

Что это, видения? То, что должны видеть приходящие к Трактирщику гости? Чтобы им было привычнее? И чтобы, уходя дальше в царство Демогоргона, мёртвые так и оставались бы «почти сами собой», с оружием, одеждой? Когда они обращаются в серые тени, так напоминавшие привычное валькирии – души на Чёрном Тракте в Нифльхель? Это ж, наверное, страшно – как умирать ещё раз, поёжилась Райна. Или они ничего не чувствуют? Не замечают последнего преображения?

И что случается с ними дальше?

Какой-такой работой заняты они здесь?

И как далеко тянется этот милый пейзаж?

Где другие «аспекты», если верить Трактирщику, молвившему, что «его» тут «много»? Значит, должно стоять множество таких вот трактиров?

Нет конечно. Здесь владения Соборного Духа, и всё, привычное Райне, не исключая и чудесную Валгаллу, следовало забыть.

«Древо. Великое Древо, вот что мне сейчас нужно. Даже не золотая тропа, оставь её, Рандгрид. И пресловутых архонтов оставь тоже.

Ищи Древо. Иггдрасиль наверняка ведь просто его отражение, одно из множеств. Аспект, если угодно».

Кружась, Райна поднималась в небо, как встарь, когда её нёс за облака её скакун. Всё выше и выше, но, странное дело, земля – или её подобие внизу – не становилась мельче. Взор валькирии проникал всё глубже, ей открывалось всё больше из того, что выше и ниже, что по сторонам и что в глубине; она видела, например, сейчас все три Источника так же чётко, как словно бы стояла разом возле каждого из них.

Урд, Кипящий Котёл и Источник Мимира, или Мудрости.

Свет, Тьма, Разум. Ну, или душа, если угодно.

Валькирию вдруг охватил страшный холод, словно она достигла запредельных высот, где мчаться могут лишь дикие ветры и куда не поднимается ни одно живое существо, исключая лишь драконов.

Взгляд её пытался сейчас пробиться к самой сердцевине

Источников; она видела оплетавшие их корни Великого Древа, всё правильно, они, эти корни, и должны орошаться влагой Урда или Кипящего Котла.

Но было там и что-то ещё, неуловимое, смутное, на самой грани доступного её и без того дивно обострившимся чувствам; движение незримой силы, словно бы выплёскивающейся из чрева волшебных ключей.

Райна знала, что именно эти три источника и даруют магию всему Упорядоченному. То есть что-то из них и должно «выплёскиваться», если, конечно, тут вообще уместны подобные грубые сравнения с тварным миром.

Но откуда эта самая магия бралась в самих Источниках?

Урд, святейший из святых. Он не иссякал никогда, как и Источник Мимира. Но обычные ключи бьют потому, что под землёй залегают водоносные пласты, и если наступит долгая засуха, такая, что иссякнут даже подземные воды, то исчезнут и сами родники.

Источники Магии не иссякали никогда.

Откуда-то в них сама собой появлялась та самая исходная сила, оплодотворяющая собой всё Сущее.

Райна вглядывалась до рези в бесплотных сейчас глазах – но всё равно последняя граница оставалась смутной, размытой и непреодолимой.

Зато открылось кое-что иное.

Отсюда, со страшной высоты, из домена Демогоргона, она увидела две тёмные нити, что тянулись куда-то к самым границам Упорядоченного, пронзая его глубины, его чрево – две тёмные пуповины, бравшие начала у Кипящего Котла и Источника Мимира.

«Эт-то что ещё такое?» – поразилась валькирия.

Попыталась проследить взглядом, куда вела эта пакость, но не преуспела. Даже отсюда, даже дарованного ей сейчас орлиного взора самого владыки этих пределов недоставало всё равно.

«Не было печали, – ошарашенно подумала Райна. – Кто-то нашёл, как присосаться к Источникам?! Знает ли отец, ведает ли Трактирщик, открыто ли сие его Единому, его Орлу?»

Она скажет и спросит. Обязательно. Но сперва – всё-таки найдёт свою мать.

Райна не сомневалась – мама где-то там, возле исполинского Древа, в бескрайних – и в то же время всё-таки конечных, где-то даже небольших пределах домена Соборного Духа.

Отбросив все остальные мысли, заставив себя забыть даже об открывшихся тёмных нитях-жилах, протянувшихся к двум Источникам из трёх, Райна расправила незримые крылья,

устремляясь к Древу.

* * *

– Готово, великий бог. Вступи в открывшиеся врата, и вновь окажешься дома. – Маг Скьёльд тяжело дышал.

Портал пламенел алым, багряным, золотым. Из него дышало жаром, словно вёл он прямиком в не существующий больше Муспель.

– Комар носа не подточит, – гордо, несмотря на очевидную вымотанность, объявил чародей.

– Я ж туда не протиснусь! – Фенрир попытался было просунуть голову. Не прошёл даже нос.

– Не стоит твоего благородного внимания, могучий волк, не стоит твоего внимания. – Скьёльд потёр руки, словно мелкий приказчик в лавке. – Как только ты действительно сделаешь шаг в портал, он сам откроется тебе.

– Да, магия высшего разряда, – заметил Óдин. – Ты высоко поднялся, волшебник Скьёльд.

– Мы старались, – скромно заметил чародей. – Люди, великий бог Óдин, они такие – любознательные. И мы подобрали много… м-м-м… ненужного прежним владельцам.

– Это как же? – полюбопытствовал молчавший доселе Ястир. В голосе Водителя Мёртвых скользило что-то похожее на насмешку.

– Артефакты, – пожал плечами маг. – Книги, свитки, летописи, хроники. Своды заклинаний. Всё, наработанное их гением и оставшееся выморочным наследством. Разумеется, теперь соответствующим образом улучшенное и изменённое. Но, великий бог Óдин, великий Фенрир, великий Яргохор, нам не стоит терять время в приятных, но не слишком уместных сейчас и здесь беседах. Ученики Хедина, несомненно, уже поняли, куда вы скрылись с поля боя, и не жалеют сил, дабы настичь нас.

Óдин помедлил. Ему словно не очень-то хотелось полностью отдаваться в руки неведомому волшебнику.

– Пусть трижды прославленный Óдин не сомневается, – словно прочитал его мысли Скьёльд. – Мы повязаны накрепко. Подручные Хедина станут охотиться за мной и моей роднёй точно так же, как и за тобой, великий бог.

Старый Хрофт только недовольно пожал плечами:

– Никто ни за кем охотиться не станет, помяни мои слова, чародей.

– Тогда почему бы тебе, великий бог, не воззвать прямо к

Познавшему Тьму? – дерзко подбоченился вдруг Скьёльд, резко переходя от почти подобострастного к режуще-насмешливому тону. – Почему бы не спросить его самого? Все эти речи хороши с нами, с теми, кто идёт в бой за тебя, а если попробовать с самим Хедином?

Фенрир глухо зарычал и подался вперёд, жуткие клыки обнажились.

– Спокойствие, племянник. Чародей Скьёльд, ты оказал нам слишком большие услуги, чтобы забыть их в один миг как ответ на дерзость, – пальцы Отца Дружин сжались в кулак, – но ты вступил на край. На самый край. Не забывай, кто я такой.

– Позволь мне, бог Óдин, – прогудел Яргохор, тоже делая шаг и поднимая серый клинок.

Скьёльд, однако, не выказал ни малейшей растерянности или испуга.

– Великий бог Óдин, твоё дело справедливо, и потому мы помогаем тебе. Но времена изменились. Люди становятся… равными богам, равными во многом, и это наш свободный выбор, под чьи знамёна становиться. Но об этом всё-таки лучше поговорить там, за порталом. Согласен ли великий бог?

Óдин ничего не ответил. Гордо, не глядя на мага, шагнул в портал. За ним – дождавшийся хозяина Слейпнир. Следом, выразительно поведя плечами, – Ястир. Фенрир, недоверчиво косясь на чародея, тоже сунул нос в пламенную арку и пропал, как никогда его тут и не было.

Духи Асгарда, тени асов, послушно втянулись в огневеющий провал. Они исчезали один за другим, по-прежнему безмолвные, безразличные, напоминая скорее оживлённых чёрной магией мертвяков, чем пусть и бестелесных пока, но Древних Богов.

Последним в пламя межмировой тропы вступил сам Скьёльд. Драконы на бритом черепе извивались, словно живые. За спиной мага то место, где он устроил свой временный лагерь, молниеносно охватил пожар; волшебник явно не желал оставлять никаких следов.

Интерлюдия 3

Хедин, Познавший Тьму, застыл посреди круга полыхавших всеми цветами радуги кристаллов. Несколько концентрических колец, мечущиеся меж гранями пленённые огни; и в самом центре – сам Хедин, напряжённо вглядывающийся в прихотливую игру света и тени.

– Ведём бой, Аэтерос, – раздался приглушённый голос эльфа Ридаина, предводительствовавшего вместе с гномом Друнгаром, отрядом подмастерьев, отправленных наперерез Старому Хрофту.

– Волк атакует! – гаркнул и сам Друнгар; голос его раздался из другого кристалла.

Познавший Тьму криво усмехнулся. Руки крепче стиснули кристалл.

– Они удержатся? – тихонько спросила притаившаяся в уголке Сигрлинн. На плечи поверх струящегося белого платья чародейка накинула гномий кожушок. Он смешно сидел на ней, но волшебницу, похоже, это сейчас ничуть не волновало.

– Удержатся, Си. Сомнений нет.

Над головой Познавшего Тьму заплясали картины сражения – исполинский волк в окружении гномьих воителей, мерно шагающий Яргохор в тёмных доспехах, отражающий стрелу за стрелой, несущиеся им вслед руны Одина…

– Ого! – вздрогнула Сигрлинн. – Что-то не припомню за Старым Хрофтом подобных умений. Смотри, смотри – отрицание огня… вытеснение воздуха… летучая влага… Высшая рунная магия, до подобных вещей сам Мерлин доходил веками. Откуда это известно старику Одину? Кто ему помогает, кроме Дальних, кто может это знать?

– Хаос, – бросил Познавший Тьму. Руки его выпустили розоватый кристалл (тот так и остался висеть рядом с Хедином), пальцы словно играли на незримом клавесине, касаясь через пространство то одного, то другого из многоцветных каменных наконечников с такой быстротой и ловкостью, что едва успевал заметить глаз.

– Почему ты не хочешь, чтобы я помогла? – с обидой осведомилась Сигрлинн, явно продолжая какой-то спор. – Опять «равновесие», да?

– Примерно, – отрывисто бросил Хедин. – Я хочу, чтобы все, споспешествующие сейчас Старому Хрофту, показали себя. Хочу, чтобы они себя выдали. Управляющие заклятия, каналы, узлы, если таковые найдутся. Сам Хрофт – что Хрофт! Не он важен, а те, кто за ним.

– Он ведь принял помощь от Дальних… – напомнила не без яду Сигрлинн.

– Да, – неожиданно легко согласился Хедин. – Он принял помощь. И замечательно, что принял. Пусть покажут всё, на что способны! Чтобы нам, как говорится, два раза не вставать.

Волшебница недоверчиво покачала головой:

– Ты всегда так берёг своих подмастерьев, мой Хедин. Так берёг… а сейчас бросаешь их в самое пекло, как сказали бы верящие в Спасителя. Что случилось, друг мой?

Руки Познавшего Тьму не дрогнули и не замерли ни на миг. Слишком сложна и тонка сплетаемая ими сейчас сеть, чтобы отвлечься на чьи-то слова – даже если это слова самой Сигрлинн.

– В какой-то из бесчисленных «священных книг», что мне попадались ещё во время изгнания, – начал Хедин, – я видел и такое рассуждение смертных об «истинной божественности»: бога от «просто сильного мага» отличает способность жертвовать верящими в него.

– Так не похоже на тебя, – зябко вздрогнула Сигрлинн. – Только не говори мне, что и в самом деле уверовал в это!

– Почему же не похоже, Си? – Над головой Хедина медленно собирался словно рой крошечных светлячков, срывавшихся с наверший многоцветных кристаллов. – Я создавал Ночную Империю, забыла? В бой шли неисчислимые армии, мои ученики не прятали мечи в ножнах. Мне не виделось в этом чего-то необычного.

– Но ты изменился! – горячо заспорила волшебница. – Тот храм, куда ты меня водил… это не напоказ, это твоё истинное!

– Верно. Но верно и то, что говорила мне ты сама, – ради блага Упорядоченного я пожертвую всем, если нужно. Сейчас такой момент, что нужно. Если Дальние вступятся за Старого Хрофта всем, что у них есть, если их вновь удастся принудить к правильному бою, как в тот день, когда они штурмовали Хединсей, жертвы не будут напрасны – прости мне этот пафос.

Сигрлинн покачала головой, словно слова Хедина её ни в чём не убедили.

– Ты или защищаешь меня… – она помедлила, – или не доверяешь. Смотри у меня, Познавший! – Чародейка улыбнулась было, но улыбка тотчас погасла.

– Что за драмы, Си? – пожал плечами Хедин.

– Почему ты плетёшь эту паутину один? Почему не разрешаешь мне помогать?

– Потому что ты пока ещё не знаешь этой системы, – чуть отстранённо уронил Познавший Тьму. – Смотри и запоминай лучше, Си, а не придумывай какие-то ужасы.

Она покачала головой со смешанным чувством – и облегчения, и новой тревоги.

– Узнаю Старого Хедина. Ещё времён Джибулистана и Голубого Города. Самоуверенного, вечно в себе, в своих небывалых «системах». Но с чего это ты вдруг вспомнил себя прежнего и как порой говорил тогда?.. А «систему» твою я уже поняла, мне кажется. Но поняла бы ещё скорее, позволь ты мне…

– Уже всё, – перебил вдруг Познавший. – Смотри, Си!

Над кольцами кристаллов вспыхнула оранжевыми и желтоватыми огоньками тонкая сеть, и впрямь похожая на паутину, сотканная из тысяч волосяно-тонких линий, в свою очередь распадавшихся на цепочки искорок, каждая куда меньше булавочной головки.

Появившаяся картина завораживала – среди серых равнин вздымалась исполинская пирамида зелёноватых кристаллов, не касавшихся друг друга, зависавших друг над другом, словно их удерживали чьи-то незримые руки.

– Дальние… – услыхал Хедин шёпот Сигрлинн.

– Дальние. Собственной персоной, в огромных силах, – подтвердил Познавший Тьму.

– Хрофт принял их помощь… – повторила-простонала волшебница, словно не в силах принять случившееся.

– Забудь. – Видение поворачивалось. Хрофт, исполинский волк и Яргохор как раз скрывались в пламенеющем портале. – Отец Дружин покинул преддверие Соборного Духа. Я уже ощущаю покачнувшийся баланс.

Сигрлинн поднялась гибким, нечеловечески-слитным движением. Большие глаза горели.

– Ждать больше нельзя, Хедин. Дай мне отряд, я из этого старого болвана Хрофта дурь-то вышибу! Возомнил старик о себе невесть что, совсем из ума выжил!

– Нет нужды торопиться. – Лицо Хедина то и дело кривилось в гримасе боли, однако картина становилась всё отчётливее и обширнее. – Владыка Асгарда благоразумно скрылся, уводя с собой тени асов. Они нам с тобой, Си, не слишком интересны. А вот оставшиеся там Дальние…

Розовый кристалл, сжатый в сильной руке, поднялся к самым губам Познавшего Тьму.

Голос, мощный и звучный, произнёс лишь одно слово, после чего кристалл мгновенно покрылся густой сетью молочно-белых трещин и распался бесцветной тающей пылью.

– Атаковать!

* * *

– Наконец-то! – прорычал гном Друнгар, ожесточённо забивая в казённик бомбарды очередной заряд. – К повороту! Все вдруг!

Ридаин тоже выкрикнул что-то, но – по-эльфийски, на праязыке Перворождённых.

Маги – морматы, радужные змеи – были заняты сейчас стремительно угасающим порталом, именно его они упустить не имели права. Остальные бойцы отряда, гномы, эльфы, горстка людей, пара зеленокожих гоблинов развернулись к басовито гудящим зелёным кристаллам.

Это было грандиозно. Исполинские ряды кристаллов тянулись, насколько мог окинуть взор; иные части слагались из строго одинаковых многогранников, в других даже самый зоркий глаз не сыскал бы двух похожих. Все подмастерья Хедина владели в той или иной степени магией, все ощущали, словно жар на лицах, истекающую из чудовищной пирамиды мощь.

Дальние поистине казались страшным противником – но когда стоящие плечом к плечу с Аэтеросом могли растеряться или заколебаться при виде подобного?

Они атаковали. Не медля и не теряя ни мгновения. Серое нечто слегка пружинило под тяжёлыми башмаками гномов, изящными сандалиями эльфов-стрелков, под сапогами людей и гоблинов; и каждый из сподвижников великого Хедина, как они любили думать о себе, чувствовал устремлённый на них взгляд, холодный и чужой, словно великое множество глаз делило сейчас одно-единственное, ни в чём не отличающееся выражение.

Наверное, для них, скрывающихся под неправдоподобно гладкой поверхностью кристаллов, это оказалось неожиданным – во всяком случае, так хотелось думать бойцам Познавшего Тьму.

Они, воины Аэтероса, казалось, всего лишь перебирали ногами, бежали, словно в любом другом, самом обычном мире, – но зелёная пирамида, чудовищный конструкт, приближалась куда быстрее, чем мог бы доставить их самый стремительный бег.

И когда до загадочных зелёных исполинов остался ровно один полёт эльфийской стрелы, подмастерья Хедина остановились. Поднялись жерла гномьих бомбард, беззвучно, не скрипнув, натянулись тетивы эльфийских луков.

Первые стрелы ушли дружным роем, рядом с ними обманчиво медленно летели пущенные из гномьих бомбард огнешары. Разноцветные, словно на празднике, но далеко не столь же безобидные.

Наверное, в обычном мире воздвигнутый Дальними конструкт протянулся бы на десятки лиг; горстка подмастерьев Хедина, лишённая таранов, катапульт и осадных башен, казалась просто жалкой кучкой муравьёв, по глупости и неведению

бросившихся на случайно забредшего в их мирок гиганта.

Первые стрелы клюнули в несокрушимые блестящие бока смарагдов, и басовитое гудение прорезали высокие, нестерпимые ноты, словно кто-то вёл железом по гладкому стеклу.

Наконечники разбивались о грани кристаллов, ломались крепкие древки из заговорённого ясеня, белые перья, бессильно кружась, опускались вниз, словно от погибших на лету птиц. Торопясь догнать собратьев, грянул в смарагдовую плоть первый из гномьих огнешаров, лиловое пламя потекло вниз крупными каплями.

Над рядами наступающих мерным, неправдоподобно чётким шагом гномов хлопали серые кожистые крылья. Морматы, старые, даже древние, медленно поднимались всё выше и выше, серое ничто словно плавилось на их пути, блистающее гало предвещало рождение какого-то истребительного заклятия.

Смарагдовые кристаллы Дальних не дрогнули, не шелохнулись. Не появились их защитники, не соткалось даже знаменитого их отражающего заклятия, коим они надеялись отбить чары Познавшего Тьму, когда штурмовали Хединсей, его остров-крепость. Да и сами Дальние, надо признать, очень сильно изменились с тех незапамятных времён, особенно в части используемой магии.

От непосредственного участия в схватках они перешли к помощи тем, кто мог сражаться за них. И, надо признать, изрядно в этом преуспели.

– Шаг дер-жи! – командовали десятники, хотя гномы Аэтероса и без того шли так, что заставили бы съесть от зависти собственный хауберк любого из правителей Подгорного Племени, где знали толк в маршировке.

Рассыпавшиеся редкой цепью эльфы стреляли, стреляли и стреляли – на бегу; они щедро тратили стрелы, словно имея неисчерпаемые колчаны.

Расстояние неумолимо сокращалось, отряд подмастерьев Хедина – россыпь крошечных тёмных точек на сером фоне – сближался с новосотворённой твердыней Дальних, а те до сих пор так ничего и не предприняли в ответ.

* * *

– Чего они ждут?! – яростно прошипела Сигрлинн, сжимая кулаки. – Когда мы дрались с ними на Хединсее, такого не было!

– Они изменились, Си. Очень изменились. Никаких тебе молний, что можно разобрать на части и посмотреть, как там у

них всё устроено. Вообще почти полное отсутствие наступательных заклятий, заклятий уничтожения. Ты заметила?

Волшебница кивнула. Она зло смотрела исподлобья, на щёках играла тёмная краска гнева.

– Но у моего Хедина конечно же есть план и на этот случай?

Познавший Тьму позволил себе слегка усмехнуться.

– Разумеется, Си.

– Ты и это предусмотрел? – откровенно поразилась она. – Что появятся Дальние, что они попытаются соблазнить старика Хрофта, что он им поддастся? Ты хочешь сказать – ты рассчитывал именно на это?

– Нет конечно. – Он продолжал усмехаться, а руки его танцевали, по-прежнему плетя диковинную паутину. – Я просто старался предугадать, что сделают наши визави в ответ на столь вопиющее нарушение Равновесия. Они взломали врата Демогоргона…

– Или им их открыли, – бросила Сигрлинн.

– Или открыли, – не стал спорить Хедин. – Так или иначе, границы владений Соборного Духа взломаны. Асы покинули его домен, Весы заколебались. Дальние ринулись вперёд очертя голову, надеясь перехватить обратное движение коромысла, если можно так выразиться.

– И что сейчас должны сделать Ридаин с Друнгаром?

– Отхватить, что удастся. – Хедин напряжённо вглядывался в открывшуюся им картину.

– Не понимаю. – Она пожала плечами. – Твои ученики штурмуют нечто очень напоминающее крепость без защитников. Я бы уже остановилась, Хедин. Если на бастионах и у бойниц никого нет, это скорее всего ловушка.

– Я предвидел и это. – Хедин невозмутимо продолжал свои пассы. – Дальние всё-таки неимоверно самонадеянны. Их заклятия сложны, они балуются с самой основой материи, из которой сложено Сущее, но всё-таки самоуверенны до невозможности.

– Почему ты так решил?

– А разве ты сама не знаешь? Ты ж побывала у них в плену?

– Побывала. – Сигрлинн передёрнула плечами. – Я вообще много у кого побывала в плену. Больше не хочу.

– А помнишь Ледяную Бездну? Когда они притащили тебя навстречу войску Хагена и Хрофта? Что это, как не самоуверенность в крайней степени?

– Ага, но потом они поумнели. Отказались от этих нелепых форм, големов, автоматонов. Изменились.

– Измениться-то изменились, да только вот не поумнели, –

бросил Хедин раздражённо. – Всё то же самое. «Мы лучшие, мы самоглавнейшие, а вы все – брусчатка под нашими ногами, по коей мы и двигаемся к великой цели». Знакомо, Си, слишком знакомо…

– Дальние способны удивлять, – покачала она головой. – Кто бы мог подумать, что они сумеют договориться со Старым Хрофтом!

– Большого умения тут и не требовалось, – заметил Хедин. – Отец Дружин принял бы любую помощь. Он залез слишком глубоко, как медведь в дупло с сотами. Залезть-то залез, а обратно не вылезти.

– Дальние по-прежнему не отвечают. – Сигрлинн не отрывала взгляда от разворачивающегося перед ними сражения.

– Не отвечают-то они не отвечают, – с лёгкой, насмешливой надменностью бросил Познавший Тьму, – но погляди-ка на это!

Остриё одного из бесчисленных кристаллов словно развернулось веером, на фоне тёмно-синего, будто вечереющего, неба вспыхнули цепочки кроваво-алых рун. Сигрлинн сдавленно ахнула.

– Давненько ж я их не видела…

– Именно. С того самого момента, как Хединсей штурмовали Перворождённые вкупе с теми же самыми Дальними, не придумавшими ничего лучше какого-то дурацкого шара…

– Дурацкого! – фыркнула Сигрлинн. – Этот дурацкий шар чуть не отправил нас туда, откуда и Демогоргон не вдруг вытащит!

– Вытащит или не вытащит, а руны-то те же самые, – довольно улыбнулся Познавший Тьму.

– Некоторые вещи не меняются…

– И некоторые живущие тоже.

– Это ты про нас с тобой?

– И про нас тоже. Но вообще-то про Дальних. Сколько воды утекло – а те же основы, те же уловки, те же фокусы со временем и пространством… – Хедин покачал головой. – Баламутят Великую Реку, не дают покоя тамошним драконам…

– Не думаю, что Драконы Времени в особенной претензии. Чем они там заняты вообще? Добро б наблюдали, чтобы Река текла бы как положено, чинно, мерно, без завихрений, без водоворотов и заводей, где время вообще не движется… – Сигрлинн пыталась улыбаться, но глаза её неотрывно скользили по цепочкам ярко-красных символов. – Что ж, поздравляю, мой Познавший. Им на самом деле пришлось раскрыться. Слишком сильно вложились, пока ломали ворота Демогоргона. А они таки ломали. Смотри, вот эти группы, ещё вот эти – преобразование

Мер… нет, поменяли, гляди, сингулярность, переход времени в пространство и обратно… ого! «Из ничего в нечто», как сказали бы наши птицеглавики в школе…

Хедин только кивнул.

– Ловкий план, ничего не скажешь, – согласилась Сигрлинн. – Но своими учениками ты, друг мой, рискуешь сейчас без меры. Оттуда же и портал не так просто открыть, если что.

– Однако Старому Хрофту открыли.

– Открыли. И меня этот открывший занимает сейчас, пожалуй, даже больше, чем все Дальние, вместе взятые.

– О нём – позже, – отмахнулся Познавший Тьму. – Это у нашего братца Ракота манера кидаться разом на целую кучу противников. На арене получается, а вот тут?..

Цепочки алых рун вспыхивали всё быстрее. Десятки слагались в сотни, сотни – в тысячи, и конца им видно не было.

– Не хуже, чем у Читающих.

– Стараюсь не иметь с ними дела, Си.

– Твои подозрения не укрепились, но и не рассеялись?

– Всему своё время. Сеть мы закидываем широкую и мелкую, на самую разную рыбу.

– Новый Бог Хедин, Познавший Тьму, со своим верным Планом – сегодня и ежедневно, только на нашей ярмарке! – передразнила его Сигрлинн.

– Уж с каким есть, – хладнокровно заметил тот. – Дальние очень, очень смело роются под самыми фундаментами миров, Си. Докапываются до таких глубин, что «нечто» уже не отличишь от «ничто», они порождают одно другое. И зачем-то им ведь тоже нужны души. Исторгать их они пытались в той же приснопамятной Ледяной Бездне, помнишь? И только Орк со своим бессмертным «у нас нет души» дело и спас…

– Орка не помню, – фыркнула Сигрлинн. – Но сказано верно.

– Что за безумство у них на уме, иначе и не скажешь? – Хедин покачал головой.

– А что они говорили Эйвилль? Чем соблазняли? – напомнила Сигрлинн. – И её залог…

– Залог тут, – усмехнулся Хедин. – Неужто не заметила?

– Ого! – вгляделась Сигрлинн. – Растёшь, мой Хедин. Начинаю завидовать и напрашиваться в ученицы.

– Мы разбирали его по крупицам, рассчитывая на путеводную нить, вытягивали жилы заклятий… но Дальние хорошо хранят свои секреты. Однако – поскольку Эйвилль они, похоже, таки не обманули, их залог помог мне в этом. – Хедин кивком указал на вереницы алых рун.

– А обратно он им не вещает? – забеспокоилась волшебница.

– Едва ли, – покачал головой Хедин.

– Не бывает чар без следа и резонанса, – заметила Сигрлинн. – На чём и пановали Читающие.

– Постарался это всё закрыть. – Хедин наконец выпрямился, скрестив руки на груди, словно художник, любующийся своей работой. – Ну вот, нам осталось только наблюдать.

– А Старый Хрофт?

– Он никуда не денется.

– Хедин… – Сигрлинн покачала головой. – Ты совсем, что называется, заговорился. Убеждаешь меня, что всё в порядке. Хочешь сказать, что Старый Хрофт не предал? Что всё, им сделанное, сделано по твоему плану?

Хедин выразительно поднял брови.

– Ну так вот, я тебе скажу прямо и откровенно – это плохой план, мой Хедин. Очень плохой.

Познавший Тьму по-прежнему позволял себе лишь загадочную улыбку.

– И знаешь почему? Потому что Хрофт, вольно ли, невольно, – но опрокинул-таки твоё драгоценное равновесие. Если всё, чего он хотел, – было вернуть асов, ему следовало прийти к тебе и всё рассказать. С самого начала. Потому что иначе это и выходит предательство. Столкнуть Упорядоченное в Хаос, надеясь при этом урвать что-то своё!.. Поэтому не говори мне, что старик Один тебя не предал. Предал. Тебе может казаться, что всё идёт по плану, но я вижу, я чувствую – это не так.

– Си. – Познавший Тьму смотрел на неё умиротворяюще. – Предательство и верность – это такие вещи, что… Всё зависит от точки зрения. Старый Хрофт не спрашивал меня, что ему делать. Это верно. Но «предавать»… он просто делает, что считает нужным. А уж как другие станут трактовать его поступки…

– Вот и прекрасно, – перебила его чародейка. – Я и протрактую.

* * *

– Осторожнее! – прошипел Аррис в ухо друга-соперника Ульвейна.

– Сам знаю! – огрызнулся тот.

Как обычно, в разговорах между собой эльфы (даже принадлежа к Тёмной или Светлой ветвям) переходили на праязык Перворождённых.

Время исчезло для них в тот самый миг, как владыка Ракот

открыл им дорогу «вниз» по тёмной нити. Точнее, это старалось сознание, рисуя хоть сколько-нибудь привычную и понятную картину. Двигались ли Аррис с Ульвейном «вниз» или «вверх», «вправо» или «влево» – они не знали. Привычная им земная тяга, что не изменяла даже в просторах Межреальности, где тоже присутствовали «верх» с «низом», на сей раз вышучивала шутки.

Тёмные эльфы будто скользили сквозь слои Межреальности, представавшие их глазам как через залитое дождём стекло. Близко, а руки не протянешь. Видно, а всё дрожит, всё нечёткое, ничего не разглядеть, и это эльфам-то, с их знаменитой меткостью!

Вроде как можно брести вбок, переступать ногами, но мало-помалу начнёшь упираться в упругую незримую преграду. Аррис с Ульвейном быстро определили главный «ток» загадочной пуповины и просто пробирались вдоль него, омываемые потоками струящейся от Источника Мимира силы.

Здесь было нечего делать, не на кого охотиться, не от кого скрываться. Эльфы полагали, что двинутся вдоль загадочной нити, никак не внутри неё – но деться уже никуда не могли. Шли, покуда хватало сил, делали остановку. Осторожно доставали из походной сумы зачарованный водяной кубик, оборачивавшийся двумя здоровенными флягами, заедали походным сухарём и старались спать, несмотря ни на что.

Сперва они чередовались, отдыхая по очереди. Однако, кроме них, тут не было и не могло быть ни одного живого существа; все дозорные или поисковые заклятия показывали полную, абсолютную пустоту, и Аррис с Ульвейном пошли на немыслимое для учеников Аэтероса – перестали выставлять «ночную стражу».

Не разводили они и огня – текущая сквозь них сила ощущалась, словно ровный тёплый поток.

Сперва им казалось, что они должны спускаться «вниз», но вместо этого получалось, что они шли сквозь Межреальность, не будучи её частью, не в силах коснуться чего бы то ни было в ней. Не видели и не ощущали их и обитатели Междумирья, даже самые злобные, хищные и неутомимые.

– Осторожно, говорю ж тебе!

Ульвейн недовольно дёрнул плечом. Перед ним, поставленный на бронзовую низкую треногу, вращал лопастями странный аппаратик, больше всего похожий на игрушечную ветряную мельницу. Время от времени с концов крыльчатки срывались крошечные голубоватые молнии, быстро гаснувшие в упругом сером «основании», из чего слагались стенки полой внутри пуповины.

– Скорость потока по-прежнему растёт, – мрачно изрёк

наконец Ульвейн, глядя на крутящиеся всё быстрее крылья. – Вот уж не думал, что эта штуковина мне тут пригодится, забыл выложить, думал даже – лишнюю тяжесть таскать придётся…

– Да, угадал, – согласился Аррис. И сразу же: – Останавливай, говорю тебе, останавливай! Сила накапливается, сейчас вырвется наружу!

– Хорошо, хорошо. – Ульвейн потянулся рукой в перчатке и осторожно подвинул небольшой рычажок, остановив крылья своей маленькой «мельницы». Устройство продолжало потрескивать, сердито плюясь голубыми искрами, так что эльфу пришлось какое-то время держать его на вытянутой руке.

– Почти в полтора раза быстрее, чем когда мы начинали.

– Верно, Ульв. И что это значит?

– Если Сила подобна воде и поток постоянен – значит, сужается сама пуповина.

– Точно! А это, в свою очередь, значит, что мы приближается к устью!

– К устью потоки обычно расширяются, – заметил Ульвейн.

– Простые, может, и да; а это-то ведь непростой! К тому же, мнится мне, тянули его вовсе не от Источника.

– Да? Это почему?

– Неужто такое объяснять надо? – не удержавшись, съязвил Аррис. – Подобное заклятие не вдруг наложишь, эдакую пуповину не вдруг зачнёшь. Едва ли те, кто всё это устроил, рисковали долгим пребыванием возле Источника.

– Там же пусто!

– Мы не знаем, когда точно исчез Мимир. Да и вообще, я бы на месте похитителей Силы тут не задерживался бы ни в коем случае. Дело своё сделал – и назад, в берлогу, где бы она у них ни находилась. Нет, Ульв, я не я буду – не здесь его творили, тут только этому червю пасть закрепили.

– Думаешь, – аж вздрогнул Ульвейн, – мы внутри… мы и в самом деле у червя в желудке?

По лицу Арриса было видно, что он уже совсем собрался воскликнуть «что, мол, за чепуха?!» – но вовремя осёкся.

– У червя… Ульв, ты молодец!

Ульвейн отшатнулся:

– Не может быть… оно же неживое?

– Ты прав. – Аррис лихорадочно рылся в карманах своего заплечного мешка. – Нет, не взял с собой, проклятье… Существо, созданное из одной только магии. Пиявка, присосавшаяся к Источнику, впившаяся в него зубами. Мы зубов этих не видим, но, думаю, если поискать как следует, то найдём. Существо создали и умертвили – чтобы труднее было обнаружить, чтобы хранитель

Мимир ничего бы не заподозрил… И теперь эта пиявка-зомби сосёт и сосёт Силу из Источника – недаром Аэтерос беспокоится! Сколько я у него в учениках – ничего подобного не припоминаю.

– А я припоминаю, – медленно сказал Ульвейн. – Восстание Безумных Богов.

– Меня там не было, – покачал головой Аррис. – С ним же Долина Магов справлялась?

– Не вся Долина, но только лишь Гильдия Боевых Магов, – поправил друга Ульвейн. – Аэтерос считал, что они справятся сами, что наши там не нужны…

– А потом пришлось посылать всё равно, – кивнул Аррис. – Меня, правда, Аэтерос не отправил…

– Наших там мало было, – в свою очередь тоже кивнул Ульвейн. – Местных научить, помочь, если что, но самим ввязываться только в самом наикрайнейшем случае. Что же до этой твоей пиявки – придумано славно, не спорю, но что с того?

– Кто, – медленно проговорил Аррис, – кто во всём Упорядоченном способен на такое? Если считать, что с Безумными Богами мы покончили?

– Аэтерос, – пожал плечами Ульвейн.

– Очень смешно, – фыркнул Аррис.

– Ничуточки. Что, если это один из его планов? О котором мы ничего не знаем?

– И владыка Ракот не знает тоже?

– Владыка Ракот в особенности, – с холодком отозвался Ульвейн. – Мы ринулись исполнять его приказ, хотя на самом-то деле следовало дождаться слова Аэтероса.

– Гм… разумно, – признал Аррис, хоть и с известной неохотой. – Но не возвращаться же!

– Не возвращаться, – согласился его спутник. – Просто, если уж доберёмся до самого дна, не сразу кидаться разить направо и налево. Пока не убедимся, что это действительно стоит разить.

– Само собой, – пожал плечами Аррис. – Хорошо, кто ещё может сотворить подобное, кроме Аэтероса?

– Те, кто стоял за Безумными Богами. – Ульвейн не колебался.

– Ещё лучше, – слегка поморщился Аррис. – Знать бы ещё, кто за ними стоял. Тогда перебили именно что безумцев, поднявшихся недозволенно высоко благодаря магии крови, и…

– И не только, – перебил Ульвейн. – Их было много, брат, и разных. Иные только и могли, что убивать направо и налево, устраивать кровавые ритуалы, купаясь в дармовой, как им казалось, Силе. Иные соображали чуток получше, старались устроить в покорённых мирах что-то навроде империй и

королевств, а третьи… Третьи оставались в тени и первых, и вторых, но поклонялись не то Дальним, не то Хаосу, не то и тем, и тем вместе.

– Были там вроде и четвёртые, – напомнил Аррис.

– Угу, были, – кивнул его спутник. – Самые опасные, потому что никому не поклонялись и никого не боялись. Первые, случалось, сдавались; вторые дрались до конца; третьи пытались скрыться; четвёртые же норовили провести трансформу. Использовать кровь и смерть их собственных слуг, силу наших атак для последнего ритуала.

– Да, наши об этом упоминали. Но ведь все эти ритуалы окончились, скажем так, неудачей?

– В это хочется верить, – мрачно кивнул Ульвейн. – Потому что с ними, четвёртыми, пришлось повозиться.

– А если они были такие могущественные, эти Безумные Боги, как же тогда маги Долины так легко с ними справились?

– Легко? Ну ты и сказанёшь, брат Аррис, так разве что орки могут.

– А что не так с ними? Бравые ребята, и пить мастера, – усмехнулся эльф.

– Да всё с ними так, – отмахнулся Ульвейн. – Просто с чего ты взял, что победа нам досталась легко?

– Потому что ученики Аэтероса в бой по-настоящему так и не вступили, – пожал плечами Аррис. – Справилась Гильдия Боевых Магов. Не без потерь, но справилась.

– Там были наёмники со всего Упорядоченного. – Ульвейн глядел словно сквозь Арриса, погружаясь в воспоминания. – Рубаки, лихие сорвиголовы, иные – так очень даже неплохие маги. И то победа далась нам недёшево.

Аррис вновь передёрнул плечами. Перипетии давно подавленного мятежа, похоже, его волновали не слишком.

– Мы отвлеклись. Так кто из них использовал подобную пиявку?

– Четвёртые, – по-прежнему глубоко в воспоминаниях, глухо отозвался Ульвейн. – Не столь изощрённую, конечно, не столь протяжённую, куда более заметную, но принцип тот же самый. Но когда они тащили откуда-то Силу, гнали её к себе, а не закачивали невесть куда. Несколько таких пиявок нам пришлось перерубать, и, доложу я тебе, занятие не из приятных.

– Разливы Силы? – понимающе кивнул Аррис.

– Именно. И она моментально оборачивалась пламенем, стоило ей вырваться на свободу. Но тогда, повторюсь, справиться с ними было куда легче. И труба пониже, и дым пожиже, как говорится у людей. Здесь же… если такую пиявку перерубить,

пожар выйдет на пол-Упорядоченного.

– Не преувеличивай, – усомнился Аррис. – То есть ты думаешь, кто-то из Безумных Богов всё-таки ускользнул и сейчас принялся за старое?

– Объяснение ничуть не хуже других. – Казалось, Ульвейна несколько задело недоверие товарища.

– Только непонятно, чем оно нам поможет. Или этих Безумных как-то станет легче выследить?

– Чего уж тут следить – добраться до конца этой пуповины, и вся недолга.

– Предпочту оказаться там с нашим добрым полком, Ульв, а не в одиночку.

– Ха! Смешно сказать, но и я тоже. А толку?

– Толк в том, что не надо будет ни на кого кидаться очертя голову, когда до конца доберёмся.

– Не учи учёного, – буркнул Ульвейн. – Нам бы лишь добраться…

– Куда денемся? – философски возвёл глаза Аррис. – На нас никто не нападает, никаких тебе чудовищ, никаких козлоногих или там Дальних. Не говоря уж о быкоглавцах.

– Предпочёл бы их. Во всяком случае, с ними понятно, что делать.

* * *

Чёрный меч Ракоту пришлось закинуть на спину. Исполинский, широченный корень, сперва напоминавший крепостную стену, вскоре раздался до того, что даже названый брат Познавшего Тьму не видел его краёв, – упёрся в ровную коричневую стену, устремлявшуюся отвесно ввысь. Ракот достиг ствола.

Кривизны его тут было не заметить; подобно тому, как обитатель шарообразного мира видел лишь бесконечную, с его точки зрения, плоскость, так и Ракот Восставший видел лишь бесконечную прямую стену коричневатой коры, всю изрытую глубокими оврагами-расщелинами.

Здесь Древо представало до боли настоящим, реальным, более того, Оно и составляло всю открытую взорам реальность. Кора казалась окаменевшей; но едва коснувшись ладонью шершавой коричневой поверхности, Ракот аж вздрогнул – его словно пронзило раскалённой иглой.

По жилам Древа вместо соков текла чистая Сила. Та самая, что оживляла всё в Упорядоченном.

– Где ж мне тебя искать, Мимир… – вслух проговорил бывший Владыка Тьмы.

Мимир в приснопамятном видении поднимался вверх, шагая широкими, словно реки, ветвями Древа. Ракот присмотрелся – вдоль сходящихся вдали стен широкой трещины вверх вели узкие, едва заметные тропки. Тут хватало уступов, чтобы поставить ногу или где взяться рукой.

Конечно, заманчиво было бы просто воспарить, благо Силы тут хватало с преизлихом, однако Ракот вовремя остановил себя.

«Ты Бог, а не Истинный Маг, – напомнил он себе. – Ты слишком часто забывал об этом в прошлом».

И, отбросив сомнения, поставил ногу на первую из бесчисленных ступенек.

Он не думал сейчас, сколько же времени займёт подъём и как он вообще отыщет Мимира. Перед лицом живой силы, той самой воображаемой людьми «Гайи», следовало предстать именно Новым Богом, а не просто искусным чародеем, пусть даже и мнившим себя частью «великого предела меж Светом и Тьмой».

Он так не привык. Ладони стосковались по мечу, сердце – по честной схватке, по риску и азарту сражений. Ракот уважал хитроумные планы Хедина, но сам предпочитал открытый бой. В самом сражении он пускался на все и всяческие ухищрения: засады, ложные отступления, глубокие обходы и прочее, – но стремился именно к битве, искренне веруя, что один решающий бой спасёт больше людей, чем погубит долгое и изощрённое маневрирование.

Ракот поднимался. Узкая тропка вела круто вверх ломаными изгибами; от коры исходил запах жизни, словно Древо давало приют мириадам существ, что вроде бы должны были вредить ему, подобно жукам-короедам или иным насекомым, но вместо этого сливались с ним воедино. Древо было много, много большим, чем пресловутым «ясенем от земли до неба», большим, чем просто «столпом сущего».

Вперёд и вверх – лозунг, как нельзя лучше подходивший Ракоту Восставшему. Он знал, что всё делает правильно. Отступать или поворачивать назад нельзя. Он найдёт Мимира, он получит ответы.

Странно, Восставший не чувствовал сейчас ни голода, ни жажды. Под толстой корой струился могучий ток магии, и достаточно было коснуться ладонью необъятного ствола, чтобы ощутить немедленный прилив сил.

Истинным Магам знать об этом не полагалось. Кто-то очень умный или хитрый, а может, и то, и другое одновременно, наложил запрет на это знание. Первое Поколение? Утонувшее во

мгле забвения, в тумане легенд и сказок, сделавшееся «богами» в преданиях смертных? – кто знает. Тайна оказалась сокрыта, и, даже проведя несчётные века Новыми Богами, Хедин с Ракотом не догадывались об истинной природе «мирового ясеня».

Многое в людских мифах оказывалось причудливым отражением правды, как она сейчас виделась Ракоту. Древо действительно «соединяло миры», часть его лежала даже не здесь, в изнанке Упорядоченного, за игольным ушком, но в домене Демогоргона, в областях неживых, хотя магически это ничуть не напоминало многочисленные «царства мёртвых», что довелось повидать Ракоту во время его странствий, тех самых, под личиной черноволосого голубоглазого варвара.

Он поднимался неостановимо, неутомимо, с угрюмой решимостью. Они с братом Хедином просто обязаны были оказаться здесь уже давным-давно, выведать здешние тайны, обратить их на пользу Упорядоченному, тому настоящему Упорядоченному, где живут и умирают, где любят и страдают, где рождаются в муках и в муках же, бывает, отходят от земной юдоли. Он, именно он, Ракот Восставший, должен был отыскать сюда дорогу – ведь смог же, в конце концов, он вызвать Неназываемого! Смог, додумался, а принцип заклятия оказался почти тем же.

И потому он стискивал зубы и поднимался всё выше – так что подведший его к стволу корень уже почти утонул в сером тумане.

Для него Древо оставалось твердо́, вещественно. Потоки дикой магии, кативши́еся под корой – заключёнными в прочные границы древесных жил. Но, думал Ракот, оказавшегося здесь кого иного, с меньшими силами, первородная мощь вберёт в себя и… кто знает, чем это для него обернётся?

«Однако сколько ж мне ещё подниматься? Что делается тут со временем, как соотносится оно со временем «обычным»?» С каждым шагом всё сильнее становился соблазн опереться могучими крыльями на потоки необузданной, неукротимой силы, взлететь всё выше и вы…

Стоп. Какие крылья, Ракот Восставший?! Тебя рисовали с ними невежественные богомазы в храмах миров, покорных Ямерту и остальным; но ты-то прекрасно знаешь, что их у тебя никогда не было! Даже на пике собственной силы, повелевая Тьмой, ты ими не обзаводился. Крылья ни к чему тем, кто может парить и так, обратившись вихрем, или, как делал Ракот, выбирает для полёта могучих и устрашающих чудовищ, проносивших его на собственной спине над восторженными, ревущими перед битвой полками.

Восставший замер. Одна рука держится за выступ коры,

другая легла на эфес Чёрного меча. Что-то не так, очень сильно не так. Что – или кто? – внушает ему подобное? Почему ему видятся странные картины: охваченные огнём миры, и он сам, проносящийся над ними, и жутковатые кожистые крылья, на манер драконьих, снабжённые внушительными когтями, рассекают равно и воздух обычных пространств, и пустоту, что заполняет Межреальность?

О да, он видел это всё чётче и чётче, с каждым мгновением. Он – Ракот Восставший, в этом его долг. Будить застоялую кровь Упорядоченного, огнём и мечом нести необходимейшие, но забытые всеми изменения. Он восстал против косности и лени Молодых Богов, против всего, что лежало поперёк пути, что мешало познанию – так почему же он сейчас мирится с застоем куда худшим?

Х-ха! – заставил себя рассмеяться Ракот. «Продолжайте, продолжайте, – подумал он про себя. – Нехитрая игра ваша вся как на ладони. Соблазнить меня призрачной «властью», столкнуть с братом Хедином, на плечах наших ворваться в Обетованное, утвердить себя новым владыкой Упорядоченного… старо как мир! Может, это и подействовало бы на смертного, эльфа или даже гнома – но для меня подберите кое-что получше. Самое меньшее – правдоподобнее».

Он не сомневался, что есть некие могущественные «кто-то» – скажем, те же Дальние, – что воспользовались потоком Силы и пытаются взломать теперь его защиту, внушить глупые и наивные помыслы, что сгодились бы разве что для какого-нибудь младшего брата, обделённого старшими. Правда, это не объясняло, как те же воображаемые Дальние смогли вообще узнать, где он, и дотянуться.

Выше. Ещё выше. И ещё.

«Древо простёрлось над всем Упорядоченным – ты хочешь подняться к его вершине пешком? Даже Новому Богу такое не под силу, если он упрямо отказывается от собственной божественности».

Былой Владыка Мрака только сжимал зубы. Довольно хождений и рассуждений, он хотел боя, призывал его, жаждал. Там, где Ракот, – там война, говаривали служившие ему в те давным-давно минувшие годы, когда он только начинал задумываться о том, чтобы сделаться по-настоящему Восставшим.

Ему нужен след. Хватит уповать на предчувствия и ощущения, ему нужен след Мимира, чёткий и свежий. Неужто он, Новый Бог, не способен на такую малость?

А на что вообще способен Новый Бог?

– Каррр!

Иссиня-чёрный ворон, с размахом крыл, как у настоящего орла. Он словно соткался из ничего, возник из ниоткуда, и на Ракота Восставшего в упор взглянули страшные глаза – красные, о восьми бездонных зрачках каждый.

Ракот слегка поднял бровь, как бы в удивлении.

– Привет тебе, великий Дух.

– Каррр! – зло каркнула птица, сорвалась с выступа и в один миг растаяла в сгустившемся сером тумане.

Дух Познания не захотел говорить?..

Ракот хмуро глядел вслед странному гостю. Восемь зрачков – это, конечно, да. Но, с другой стороны, могущественный Столп Третьей Силы никогда не показывался просто так, без дела. И уж если показывался, говорил.

Чёрная птица с перьями, блистающими синевато-стальным отливом, не поведала ничего. Просто лишний раз дала понять Новому Богу, что даже ему не стоит надеяться, будто он понимает до конца суть идущей игры.

Впрочем, кому игра, а кому и смертельная битва.

– Если так хотите править, так брали б всё дело в свои руки… или лапы… или когти открыто и не дурили бы честно́му народу головы, – проворчал Ракот.

Ворон возник в тот миг, когда он, Восставший, задумался о божественности. Не к месту, не ко времени, но задумался.

– Устал я от твоего всезнания, Орлангур, – дал выход раздражению бывший Владыка Тьмы. – Надоело, могучий. Всё намёками да околичностями, оговорками да полусловием. Надоело, честное слово. Возьми меч и встань рядом. Или там, не знаю, воспари драконом. Это будет хорошо и правильно. А так…

Стоя на узком уступе над серой бездной и под серой же бесконечностью, Ракот с преувеличенной аккуратностью размял пальцы, словно уличный боец перед дракой. Ему нужен след Мимира.

Прошлый раз для этого потребовался сам залог Óдина и Источник Мудрости. Сейчас, стоя в изнанке Упорядоченного, прижимаясь спиной к загадочному Древу, ощущая всем существом неостановимый ток Силы под толстой корой, он не сомневался, что найдёт исчезнувшего ётуна куда быстрее и проще.

Старые добрые заклятия поиска, затверженные ещё в бытность Истинным Магом, – но нет, остановил сам себя Восставший. «Зачем они тебе? Сила свободно течёт сквозь тебя, Упорядоченное само выбрало тебя, несмотря на то, что Неназываемого призвал именно ты, а способ сдержать его нашёл твой названый брат.

Ты сдерживал себя все эти годы, века и тысячелетия, Восставший. Тебе казалось правильным ограничивать собственные силы, а не упиваться ими. Ты искал «равного боя», состязания в умении и мастерстве, а не в отпущенном тебе. Пришла пора забыть».

Короста привычных заклятий, въевшихся в него, не желала отваливаться, словно присохший к ране бинт. Он рванул, как рвал всегда, не думая о боли, что непременно явится следом, как начинал восстание, не думая о поражении.

Разумеется, боль не задержалась. Ракот Восставший, сейчас – высокий, плечистый человек с гордой гривой иссиня-чёрных волос, с извечным алым плащом за плечами – совсем по-человечески заскрежетал зубами, подчиняясь законам тела, которое себе избрал.

Избрал, в очередной раз добровольно ограничив себя.

Но божественность – это не всемогущество. Их было много, кто к этому стремился, и не только Безумные Боги. Все кончили одинаково или почти одинаково. В лучшем случае – безвестностью, бегством в отдалённые пределы Упорядоченного. В худшем – булькающей зеленоватой лужей под ногами чародеев, что из Гильдии Боевых Магов Долины.

Не всемогущество, нет… что-то иное, чему нет названия.

Ответственность? Да, её-то хоть отбавляй, особенно у брата Хедина. Но не только.

Сопричастность? Тоже да. И тоже «не только».

Отстранённость? Беспристрастность? Справедливость? Все те прекрасные слова, что придумали люди?

Нет. Всё это внешнее. Как себя оценивают другие, более слабые.

– Карр!

– Вернулся, – мрачно заметил Ракот, глядя на чёрную птицу о восьми зрачках. – Решил-таки поговорить?

Ворон устроился на остром выступе, склонив голову, посмотрел на Ракота красным, как раскалённая сталь, оком.

– Под бдительным, так сказать, присмотром, – скривился Ракот. – Ну, смотри, за погляд денег у нас не берут, как у людей говорится.

– Вперёд и вверх, Р-ракот! – глухо каркнул ворон. Голос был низкий и хриплый, однако не казался «мужским». Скорее, он ощущался бесполым.

Восставший не ответил. Вперёд и вверх, да, как положено богу. Не заступнику, не создателю, не губителю и не подателю. Всё это – лишь черты, которыми его наделяют младшие, обделённые могуществом существа.

Бог не слуга. Но он и не хозяин.

Может быть, просто страж, как думали они с названым братом?

Нет, сам себе ответил Ракот. Пробовали, не получилось.

Определение из одних только отрицаний. Так легко сказать, что «не ты», и невозможно назвать, что ты есть.

Они с Хедином отмахнулись от этого. Просто отмахнулись, потому что «когда горит дом, нет времени, чтобы…».

Это очень удобное оправдание.

Ракот смотрел на ворона, тот – на Ракота. Смотрел неотрывно, всеми восемью зрачками.

– Богом нельзя сделать, – медленно сказал Восставший. – Им можно только стать, но не потому, что удалось измыслить какой-то хитрый план.

Ворон склонил голову набок, но промолчал.

– Даже если тебя «выбрало Упорядоченное», ты всё равно не бог. Даже если ты победил всех соперников, если поднялся на самую вершину – всё равно не бог. Даже если тебе поклоняются, словно богу, и называют таковым.

Ворон глядел одобрительно. Бывший Владыка Тьмы не сомневался, что Третья Сила, оба великих брата, Орлангур с Демогоргоном, слышат сейчас каждое его слово.

– Бог – тот, чьё существование даёт возможность жить другим. Кто создаёт жизнь, кто её защищает не одними лишь заклятиями; бог тот, одно имя которого заставляет расточаться врагов, тех, для кого жизнь – это просто сытный обед.

Ворон кивнул – совершенно по-человечески.

– Вперёд и вверх, Ракот!

Восставший покачал головой:

– Не сразу, птица.

От шершавой коры шло тепло. Сила ощущалась всем естеством, Ракот словно сам становился ветвью великого Древа, щедро делившегося с ним собственными животворными соками.

Восставший не прибегал к испытанным заклинаниям. Вместо этого он звал, он тянулся к Мимиру всеми помыслами, зная, что древний ётун где-то здесь, рядом, в изнанке мира.

Ворон каркнул, взмахнул крылами, и Ракот словно понёсся ввысь вместе с чернокрылой птицей.

Ветви сливались, кора Древа обратилась в сплошной коричневатый ковёр. В сером сиянии мелькнуло нечто вроде золотой тропы, перечеркнувшей небосвод; мелькнуло и тотчас угасло, поглощённое клубящимися серыми облаками.

Но даже краткий миг, пока взор Ракота скользил вдоль золотого отблеска, отозвался в нём острой ледяной болью, словно

от исполинской иглы, вонзившейся в темя.

Что-то крылось там, на этой тропе, нечто запретное даже для него.

И едва боль отхлынула, Восставший увидел Мимира. Старый ётун стоял на широкой, словно торговый тракт, ветви, положив одну руку на ствол; взгляд его был устремлён в серую даль, и не требовалось особенных усилий, чтобы понять, во что именно вглядывается хранитель Источника Мудрости.

Там поблёскивала золотом загадочная тропа, тропа, вдоль которой Восставшему не получалось скользнуть даже взглядом.

Вперёд и вверх!

Боль словно пришпорила Восставшего, он нёсся вверх огненным болидом, презрев все «законы естества», что влекут пламенные метеоры к мирам, а не от них, подчиняясь законам тяготения. Скорость возрастала, необъятный и неохватный ствол Древа обернулся коричневой равниной, различить детали которой не мог даже орлиный взор Ракота.

Чем быстрее он мчался, тем более жгучей, горячей, обжигающей становилась Сила. Она врывалась в телесную оболочку Восставшего, и кровь в его жилах вспыхивала. Пожалуй, как никогда, сейчас напоминал он именно того, кем пугали детей в доброй половине миров Упорядоченного, миров, остававшихся во время его восстания под властью Молодых Богов. Потоки огня вокруг, пламенный плащ, тело, почти исчезнувшее в пляске алого, золотистого, оранжевого, багрового; да, истинный Восставший, Губитель Миров и Страшный Враг Сущего. Всё с больших букв, для занесения на скрижали.

Ракоту казалось: ствол Древа словно бы отдаляется от него, а сам он будто поднимается выше над коричневатой равниной. Над ним раскидывалась неоглядная крыша призрачных ветвей; где-то там, опережая его, скрывается Мимир.

Хотя Ракот и несся теперь подобно урагану, взор его, наполняясь щедро льющейся силой, замечал, что они с Вороном – не единственные живые, оказавшиеся в этих местах.

Двуногие и двурукие создания, с раздутыми головами, подобными бочонкам, на которых жутко и нелепо шевелились венцы длинных щупалец. Они ползали туда-сюда, щупальца их двигались, касаясь призрачных побегов, и даже Ракот не мог понять, заботятся они так о Древе, или же, напротив, вредят, подобно жукам-короедам или жрущим листы гусеницам.

Их было множество, они бросались в глаза, и Ракот взирал на них с удивлением – откуда взялось этакое убожество? Как-никак, это домен Соборного Духа, во всяком случае, нечто очень к нему близкое.

Конечно, ни Ракот, ни Хедин никогда здесь не бывали. Но… почему-то бывшему Владыке Тьмы казалось, что уж где-где, а тут такому уродству не место. Может, потому что владения Демогоргона так разительно отличались от прочих «царств мёртвых», куда доводилось заглядывать Восставшему?

Ворон взмахивал крылами, держался рядом.

Жалкие. Уродливые. Тощие, больше всего напоминавшие обтянутые обугленной кожей костяки.

Но было в них и что-то ещё. Чужое, вплетённое в поток Силы, словно частички песка и глины, уносимые изначально чистым течением.

В этих существах – нет, Ракот не ошибся! – крылся Хаос. Чистый Хаос, смешанный с привычной плотью Упорядоченного.

Как? Откуда? Почему?

Они не казались опасными, совсем. Медленные и неуклюжие, шарили себе чёрными головными щупальцами по призрачно-серым листам, напоминая чем-то головоногих, кальмаров в особенности. Никакого оружия на виду, да и одежды тоже. Звери?

Иных обитателей изнанки Ракот не замечал.

Зато всё яснее и яснее становился виден старый ётун. Мимир не двигался, по-прежнему застыв на развилке ветвей. И его взгляд был устремлен на золотое сверкание в серых небесах, запретное для Ракота.

Нагая коричневая равнина – лишённый ветвей ствол Древа – кончилась. Вокруг Ракота сгустился настоящий лес, необозримое, протянувшееся на немереные лиги пространство ветвей и листьев, и огромных, подобных слившимся холмам, и малых, тонких, что едва разглядишь.

Он не замедлялся. Не отставал и ворон.

Время исчезло. Оно не остановилось, его просто не стало, словно Восставший вырвался из увлекающего всё и вся в Упорядоченном потока Великой Реки. Её драконы изумлённо таращились ему вслед; и уже нельзя было сказать, что Ракот «мчится» или «несётся»; тому же Мимиру, застывшему на широченной ветви Древа, показалось бы, что Ракот вообще появился на долю мгновения в нескольких местах разом.

Материя и пространство послушно расступались перед Восставшим. Это было настоящее могущество, настоящая сила; это было… по-настоящему божественно.

Но никуда не уходило и другое, холодное и острое, осознание, что и все подобные полёты-переходы-перемещения в огненных облаках – не более чем проявления начал куда более всеобщих, лежащих в основании Сущего. Упорядоченное покоилось на них, они определяли, почему красное – это именно

красное, а не синее, а тяжелое – именно тяжёлое, а не лёгкое. Пространство заданностей, недоступных из пределов привычного всем Упорядоченного даже божественному взору.

У Ракота не хватало слов. Эх, братца Хедина б сюда, он бы разобрался…

Однако он чётко видел старого ётуна. Видел его, похоже, и Ворон, достойный именно заглавной буквы.

«Земля», откуда Ракот начинал подъём, давно исчезла в серой мгле. Не осталось ничего в мире, одно лишь исполинское Древо, восьмизрачковый Ворон да древний великан, свидетель всех эпох Хьёрварда.

Да ещё и странные головоногие создания, пропитанные Хаосом, невесть как очутившиеся здесь. Но про них Ракот пока что не думал.

Он застыл в странном здешнем воздухе, завис, ни на что не опираясь, с наслаждением ощущая бушующую в жилах силу. Как он жил без неё доселе? И как станет жить после? Как вообще вышло так, что он даже не подозревал о подобном месте, хотя додумался, как вызвать в наш мир Неназываемого?

В конце концов, никому ведь и никогда не удавалось ничего подобного…

Эта сила должна стать их, их с братом! Вдвоём они смогут повергнуть всех, перестать скармливать пустоту Неназываемому, навсегда изгнать его обратно – сквозь то же игольное ушко; сгинут козлоногие, а за ними падут все прочие твари-стервятники, слетевшиеся делить живое тело Упорядоченного. Дальние, слуги Хаоса, Спаситель. Дойдёт очередь и до мелкой рыбёшки, до по-прежнему валандающихся где-то в глубинах Сущего Ямерта и его родственничков; и последышей Безумных Богов, как бы они себя ни прозвали; и наследников милейшего Архимага Игнациуса, слишком хитрого для своего поста, но не достаточно, как оказалось, умного.

Эта сила должна служить Упорядоченному. Хватит затыкать дырки, латать прорехи и заделывать пробоины. Они покончат со всеми бедами разом, навсегда, навечно.

Надо только понять, как вытащить эту силищу «за игольное ушко».

Мимир наконец соизволил заметить возникшего перед ним в облаках пламени Ракота.

Ворон, со внезапной и невесть откуда взявшейся деликатностью, скрылся. оставив их вдвоем.

Старый ётун не изменял себе. Огромный двуручный топор и додревний плащ, когда-то тёмно-зелёный, а сейчас совершенно выцветший и обтрёпанный по краям. Кое-где виднелись

наложенные грубой мужской рукой заплаты – у Мимира никогда не было жены.

– Привет тебе, страж Источника! – крикнул Ракот. Конечно, не ему, Новому Богу, надлежало здороваться первым, но Мимир всегда стоял особняком. В конце концов, он был один такой.

– И тебе привет, юный Ракот, – невозмутимо отозвался великан, словно встретились они где-нибудь в Ётунхейме былых эпох, на перекрёстке дорог, и теперь осталось только решить, где в округе варят лучший эль.

– Почему ты оставил Источник, Мимир? – Ракот вещал, по-прежнему неподвижно зависнув без опоры под ногами. – Без твоего догляда он болен, он осквернён, неведомая и злобная сила присосалась к нему, тёмная паутина ведёт в такую глубь, что даже я не сразу доберусь; тебе ведомо, что от трёх Источников зависит прочность клетки Неназываемого, падёт она – и всё обречено; почему же ты ушёл, никому не сказавши ни слова?!

Ётун не дрогнул, не повёл и бровью.

– Оглянись вокруг, юный Ракот. Тогда, быть может, поймёшь.

– Оставь эти загадки! – не на шутку взъярился Восставший. – Не до них! Упорядоченное выбрало меня… нас с братом Хедином, нам его хранить – так что давай ответ! И не думай, ты ведь не мне что-то там рассказываешь, а всему Сущему!

– Скромность никогда не числилась среди твоих добродетелей, молодой маг, – ухмыльнулся ётун.

– Мимир! Я не для того пробивался сюда, не для того тебя преследовал, чтобы теперь перекидываться пустыми словами. Ты хранил Упорядоченное столько веков, хранил Источник, хранил его магию – что случилось теперь?

– Что случилось… – Мимир перекинул топор из одной руки в другую легко, словно пёрышко. – Нет больше Источника.

Ракот чуть не поперхнулся.

– Как это – «нет»?! – вырвалось у него.

– А вот так и нет, – задумчиво глядя куда-то мимо Восставшего, обронил старый ётун. – Одна шелуха осталась, как от пустого ореха. Выели вы с Хедином сердцевинку-то, как есть и выели. Всё на своего Неназываемого спустили.

– Ничего мы не «спускали». «Спускают» – это когда золото, скажем, тратят попусту, на гулянки и прочее. А нам и впрямь надо было останавливать Неназываемого. Каким угодно способом.

– Это верно, это правильно. Это вы с Хедином любите – «каким угодно способом».

– Пустая болтовня, Мимир. Неназываемый был и остаётся неуязвим. Сражаться с ним самим – нельзя, просто нечем.

Оставалось только отгородиться. И к тому же за все эти тысячи лет ничего с Источником плохого не…

Ракот осёкся.

– Вот именно, – спокойно сказал Мимир. – Качали вы из него, качали, он дно и показал. А по сухому кто только не пролезет!

– Чепуха! – вскинулся Ракот. – Магия Источника жива, она никуда не делась, ничего он не пересох и не иссяк! Не нужно этих подобий, Мимир, тебе доверен был не лесной ключ, не деревенский колодец, не просто родник!

– Магия-то как раз и делась, – вздохнул Мимир. – Не может в Упорядоченном столько силы тратиться на какое-то одно дело, даже почитаемое богами наиважнейшим.

– Кто тебе это сказал? – не поддавался Ракот.

– Я Хранитель или кто?

– Сейчас ты, ётун, именно «или кто», – холодно бросил Ракот. – Бьюсь я с тобой, бьюсь, гнался за тобой аж через изнанку Упорядоченного, думал, хоть здесь с тобой поговорим как должно, как подобает, а вместо этого… – Он махнул рукой. – Другой бы уже давно предложил тебе на мечах помериться, а я всё словеса тут с тобой разговариваю. Правда, уже и сам не знаю зачем.

– Ты у Источника был?

– Только что оттуда.

– И что ты там видел, Новый Бог?

Ракот замешкался, но только на мгновение. В бытность свою Восставшим он запомнил крепко-накрепко – не пытайся лгать, рано или поздно запутаешься. Те, кто пошёл за тобой, потому что им по сердцу твоя правда, – никогда не изменят. Ну, или, во всяком случае, не раньше, чем ты сам.

– Источник цел. Магия изливается из него по-прежнему. Оковы Неназываемого – крепки, как и были. Иначе не пытался бы он нащупать дорогу посредством своих козлоногих.

– И больше ничего?

– Я ведь тебе уже сказал. – Ракот гордо вскинул голову. – Тёмная нить, пуповина, оттягивающая силу куда-то прочь от Источника.

– И больше, повторяю, ничего?

– Больше ничего, – пришлось сознаться Восставшему. – Но, по-моему, и этого достаточно. Почему ты ушёл, Мимир? Только не повторяй эти глупости о пустом орехе и «растраченной силе»! А если станешь – будь любезен, поделись способом, как бы *ты* остановил Неназываемого. И почему, коль тебе такой способ ведом, ты молчал все эти годы?

– Источник, – скрестил руки на груди старый ётун, – он

живой. Это не просто дырка, из которой что-то там льётся.

– Хватит пустых слов! – Ракот ещё сдерживался, но уже едва-едва. Мимир оставил стражу, покинул величайшее сокровище, доверенное ему… кем, кстати?

– Неназываемый пожирал не только «пустое пространство», юный Ракот. Об этом вы с Хедином не подумали. Он вбирал в себя также и магию, без которой никакого «пространства» в Упорядоченном не существует. Пока вы его не сковали, он поглотил и великое множество душ, он гонялся за ними, чуть ли не специально. Чуял поживу… Откуда, по-твоему, взялись козлоногие? Как он сумел их сотворить, если не из тех несчастных, что стали его добычей?

– Оставь эти материи нам с братом. Как поведал мне Хедин, ты в своё время пытался помешать ему, и…

– Пытался! – рявкнул великан. – Да, тогда требовалось спасать Упорядоченное. Пылающий дом надо тушить, как есть, чем есть, без рассуждений. Но потом… Нельзя всё время пускать встречные палы. В конце концов не останется чему гореть.

– У кого ты научился этим речам? – с неприязнью бросил Ракот. – Подобными сравнениями мы все любили баловаться в бытность магами, на гулянках и празднествах в Замке Всех Древних. Какое это значение имеет сейчас? Почему ты оставил Источник на произвол судьбы? Ты отрёкся от долга Хранителя? Тогда скажи об этом прямо!

– Я не отрекался, – покачал косматой седой головой старый ётун. – Но Источник болен, это верно. Я ищу средства его спасти. И не только его – Кипящий Котёл и Урд также.

– Ищешь средство здесь?! – поразился Ракот. – Что можно сыскать здесь, в изнанке Упорядоченного?

– Скорее уж в царстве нерождённых, – хмыкнул Мимир. – В домене Демогоргона, если напрямик. Однако именно отсюда тянутся корни ко всем трём источникам, тут они сливаются воедино…

– Ну да, ну да, – нетерпеливо перебил Восставший, – знаю, знаю, Мимир! Знаю давным-давно. Поведай мне что-нибудь новое, хорошо?

– Ты гневаешься, юный Ракот, и совершенно напрасно. Когда я встал на стражу подле Источника Мудрости, когда воля Древних отделила меня от племени асов так же, как отделила от племени гримтурсенов, когда время утратило власть надо мной, подобно тому, как не властвовало оно над Одином и его роднёй, я думал так же, как и ты сейчас. Как думал Хедин, творя своё заклятие, остановившее Неназываемого.

– Как же? – скривился Ракот. Нарочито неторопливая речь

древнего великана выводила из себя.

– Что магия неисчерпаема. Что она пребудет всегда. Что Источник вечен. – Ётун вздохнул. – Я ошибался.

– Магия. Никуда. Не. Делась! – Ракот едва заставил себя проговорить фразу раздельно, словно глухому или глупому. – Она здесь. Всегда была, всегда будет. Это кровь Упорядоченного, а Источники – сердца. Хватит вилять, Мимир, хватит играть словами. Скажи толком, что случилось!

– Тебе приходилось видеть, как осушают топи, юный Ракот? Без магии, простыми орудиями?

– Разумеется, – пожал плечами Восставший.

– Огораживают брёвнами или дамбой, – не обращая внимания на гнев Владыки Мрака, продолжал Мимир. – Опускают жёрло винтового насоса, мулы ходят по кругу, приводя его в движение. Вода и всё прочее поднимается наверх, льётся в подведённый жёлоб…

– Всё так. Что дальше? – Ракот почти рычал.

– Долгое время вода льётся и льётся. Кажется, так будет всегда, особенно если болото глубоко, а винт не слишком широк. Вода будет литься, но болото – становиться всё мельче и мельче. Пока не пересохнет совсем. Неужели это так трудно понять, юный Ракот? Ты и другие видите только льющуюся воду. Я вижу то, куда ведут Источники.

– И что же? – Кулаки Восставшего сжались.

– Магия иссякает. Урд, Кипящий Котёл и мой – родники её, делают, что могут. Вы до сих пор ничего не заметили, но я вижу; словно в сильнейшую засуху, подземные воды истончаются. А кто-то ещё и отводит немалую толику себе.

– Магия – это не вода в болоте, ётун. – Ракоту не удалось полностью скрыть пренебрежения в голосе. – Источники – не насос. Всё замкнуто в великую цепь, в великий круг, движимый тем первотолчком, что задал Творец. Механики могут создавать формулы для малых вещей, подчиняющихся законам их миров, – но магия Творца подобному не подвластна.

– Ты привык верить в это, юный Ракот? Или ты знаешь это наверняка? Скажи мне, старому ётуну, никогда не учившемуся никакому чародейству.

– Здесь не место вести споры, – отмахнулся Владыка Мрака. – Ты не захотел ответить мне добром, Мимир. Ты спрятался за стеной пустых слов и ложных подобий. Сложнейший мир, Упорядоченное, ты уподобляешь простому колодцу, прекрасно понимая, что это не так. Я не вижу доказательств, что «магия иссякает». А ты не стремишься сделать меня своим сторонником.

Ётун усмехнулся, покачал головой.

– «Сделать своим сторонником…» Достойно Хедина. Ваш союз пошёл тебе на пользу, Восставший, ты научился говорить, не только лишь размахивать мечом.

– Когда я размахивал мечом, гримтурсен, когда мои рати катились через Упорядоченное, ни один из моих воинов не ступил в ближние пределы твоего владения. Мы чтили твою стражу и твой высокий чин Хранителя.

– Не имеет значения, – отмахнулся ётун. – Прошлое давно стало ветром, стихшим в вершинах сосен.

– Ты отказываешься говорить? – напрямик спросил Ракот. – Ты отказываешься доказать свою правоту, сделать так, чтобы мы с Хедином помогли бы тебе?

– Я ничего не буду вам доказывать, потому что помочь вы всё равно не сможете, – равнодушно сказал Мимир. – Изысканные слова и речи, изощрённая магия – время всего этого проходит, Ракот. Вы сделаетесь историей, преданием, летописью, сказкой для тех, кто станет… – Он осёкся. – Кто станет жить во время, когда сама магия сделается сказкой. Во всём Упорядоченном.

Ярость полыхала в груди Ракота ясным, чистым белым огнём. Сносить насмешки старого великана было уже невыносимо.

– Ты сам не знаешь, о чём толкуешь, Мимир. – Восставший презрительно взглянул прямо в глаза старому ётуну. – Магия даёт жизнь всему Упорядоченному, следовательно…

– Тогда как живут те миры, что закрыты от её великого потока? – перебил Хранитель. – Сильнейшие чародеи беспомощны там, словно новорождённые, если только не притащат с собой могущественные артефакты, способные запасать силу. Однако там живут смертные, Ракот. Жизнь их коротка, полна страданий, но они живут. Без магии. Как?

– Подобный вопрос смутил бы разве что приготовишку – ученика из числа учеников моих учеников. Там есть души. И у разумных, и у тех, кто не, – у растений, зверей, птиц, рыб. Даже у навозных мух, комаров, оводов и слепней. Недаром столько племён в закрытых мирах, неосознанно понимая, что к чему, почитают зверей как своих предков.

А что есть душа, как не зародыш магии, как не носитель первотолчка, дарованного Творцом? Недаром лишённые души орки не могут рождаться в закрытых мирах, могут лишь спускаться в них, да и то не слишком надолго. К тому же магия там есть всё равно, хоть и немного. Подобно тому, как даже океанская среда содержит то, чем могут дышать рыбы, прокачивая воду сквозь жабры. Это всё, что ты можешь сказать, мудрый Мимир? Тогда, пожалуй, нам лучше расстаться. Ты решил, что можешь потратить одному тебе ведомое время в этих

пределах, но мне подобная роскошь недоступна.

– Торопишься в очередной раз «спасать мир», да, юный Ракот?

– Тороплюсь покончить, среди прочего, и с той пуповиной, о которой ты упорно не желаешь ничего слушать, Мимир.

– Чего тут особенного? – пожал могучими плечами великан. – Источник старается как может, доставляя вам привычное. Он не приказчик в лавке, никому ничего не отмеряет. Как магия будет поделена – значения уже не имеет. Она всё равно излилась бы в Упорядоченное. Ну, а если кто-то решил устроиться поудобнее и отвести некую толику для своих собственных целей – уже дело ваше с Хедином, а не моё. В конце концов, кого выбрало Упорядоченное? Вот и старайтесь.

– Ты пожалеешь, – не сдержавшись, бросил на прощание Ракот.

– Пожалею, пожалею, – усмехнулся в спину ему ётун. – А ты, помимо всего прочего, подумай – что за золотая тропа пролегла через эти пределы? Что за чёрные твари ползают тут по ветвям, откуда они взялись, куда исчезают и откуда в них частицы Хаоса?

– Подумаю всенепременно в первой же пивной, – раздражённо посулил Ракот.

Он был вне себя. Мимир откровенно потешался над ним весь разговор, а он, Новый Бог Упорядоченного, только и мог, что скрежетать зубами.

– Зря, – сказал Мимир беззлобно. – Если у кого-то и просить помощи, так это у Третьей Силы. Не зря же магия перерождается в её владениях, закрытых почти для всех. Да, юный Ракот! Пока я не забыл, по старости да по немощи, – приглядись к корням Древа. Сдаётся мне, не всё с ними так, как ты привык думать.

Восставший не ответил. Словно разрывая незримые путы, он вновь устремился вверх, туда, где ожидал увидеть, наконец, саму вершину Древа.

В конце концов, должна ж сыскаться хоть какая-то польза от этого его похода.

И уж конечно, он не станет спускаться сейчас к корням – что, уже какой-то выживший из ума старый ётун может им помыкать и отдавать приказания?!

Глава IV
Воплощение

– Равнины Иды, великий бог Óдин. Твои родные места. Как и было обещано.

– Ты сдержал своё слово, чародей Скьёльд.

– Иначе и быть не могло, владыка Асгарда. Правда – наше сильнейшее оружие. Мы не нуждаемся во лжи, могучий.

Старый Хрофт лишь пожал плечами.

«Да, странный чародей с вытатуированными на черепе перевившимися драконами не солгал. И портал у него вышел действительно на славу, мгновенный, надёжный – никакой дрожи, никакого колебания слагавшей его силы. Никакой «дороги через Межреальность». Один шаг – и всё.

Да, Скьёльд, ты и тебе подобные поднялись высоко».

– Печально тут, однако… – Огромный Фенрир шумно принюхивался. – Пепел, владыка Óдин, пепел, и больше ничего.

– Это неважно. – Óдин похлопал по шее соскучившегося Слейпнира. Белый тигр Барра тихонько взмявкивал, припадая на передние лапы, ходил от Старого Хрофта к Яргохору с Фенриром и обратно, словно отыскивая Райну. – Да, здесь нет ничего, кроме пепла; ты прав, племянник. У нас за спиной – призраки. И моих сородичей, и нашего Асгарда. Моё дело – возродить всё. Сделать, как было.

– Как было, уже не случится, – заметил Яргохор, окидывая взглядом унылые бесконечные равнины, покрытые седым пеплом. – Быть может, ты и возродишь Асгард, бог Óдин… хоть я и не ведаю, как… может, вернёшь к жизни асов… но что ты сделаешь с миром, с Хьёрвардом, где давным-давно обосновались другие хозяева?

– Пусть это останется только моей заботой, – отрезал Отец Дружин. – Мне нужно, чтобы всё было в порядке, когда вернётся Райна.

– Поистине, великий бог, она, должно быть, исключительная чародейка, чтобы самой выбраться из тех бездн, куда добровольно отправилась…

– Я бы на твоём месте не сомневался в Райне, волшебник Скьёльд.

– Ничуть, ничуть, – поспешил оправдаться тот. – Я лишь скромно хочу сказать, что помочь ей спастись уже не смогу – всё, доступное мне, оно тут, на нашей стороне портала.

– Благодарю за помощь, но мы справимся, – невозмутимо

сказал Óдин. Слейпнир положил голову ему на плечо. – Справимся, приятель, ведь верно? – спросил он восьминогого скакуна. – Не можем не справиться. Просто не можем.

– Готов способствовать всем доступным мне арсеналом, – поклонился чародей.

– Не сомневаюсь. – Óдин поднёс ладонь козырьком ко лбу, сощурился по давней привычке. – Да, это было здесь. Поистине, твои познания и впрямь очень обширны, Скьёльд. Ты вывел нас именно туда, где высился Асгард.

– И все тени асов тоже здесь, – словно желающий выслужиться лакей, поспешно добавил волшебник. – Никто не потерялся, никто не пропал.

– Мне нечем вознаградить тебя вот прямо сейчас, Скьёльд, но не сомневайся…

– О, ничуть, ничуть, великий бог! Я знаю, вы, древние, ненавидите оставаться, как вы считаете, «в долгу». Желая услужить великому Óдину, я со всей скромностию приму то, чем ему окажется благоугодно меня пожаловать.

Яргохор молча покачал головой. Показные раболепие и угодничество человека, похоже, претили ему так же, как и Óдину.

– Тогда мы начнём, – буднично сказал Отец Богов. – Незачем тянуть. Если ученики моего доброго друга Хедина доберутся до нас, предпочту говорить с ними уже из собственного тронного зала.

Фенрир только помотал лохматой волчьей башкой, мол, рад бы помочь, да толку от меня тут мало.

– Трепещу в ожидании лицезрения столь великой, небывалой волшбы. – Казалось, Скьёльд собрался простереться ниц перед Óдином. – Этот мир ещё не знал ничего подобного. Да что там Хьёрвард! Такого не знало и всё Упорядоченное!

– Потребуется кой-какая мелочь, – небрежно заметил Отец Дружин. – Так, сущая ерунда. Жертвенный… гурт.

– Гурт? – облизнулся Фенрир. – Эт-то хорошо…

– Э-э, но как же так? Великий бог Óдин рёк, что помощь ему не нужна; однако я нигде не вижу означенного гурта. Надо открыть порталы, надо перегнать стада…

– Ничего этого не надо, Скьёльд. Не суетись. Или ты решил, что я, Отец Богов, стану размахивать тут мясницким ножом, словно какой-нибудь дикий шаман с южных джунглей?

– Нет, но…

– Нам поможет Яргохор.

– Яргохор? – удивился Водитель Мёртвых. – Но… бог Óдин… я провожал души в Хель и никогда не имел никакого касательства к наделению упокоившихся новой плотью!

– А вот мой друг Познавший Тьму такое касательство имел, – невозмутимо заметил Óдин. – Ещё пока не успел сделаться Новым Богом, и когда ему пришлось сражаться с Лишёнными Тел.

– Помню… – проронил Яргохор. – Жаркое было дело, волны катились через столько миров…

– Даже Дети Демогоргона поучаствовали, – продолжал Óдин. – Но всё равно, один из духов злобы прорвался-таки в Хьёрвард. Никакие заклятия остановить его уже не смогли, и тогда Познавший Тьму сделал одну вещь, которую сам называл несложной, как сейчас помню – «не из разряда Высших»[2].

– Какую же? – полюбопытствовал Яргохор.

– «Очень простую», – усмехнулся Óдин, явно передразнивая «своего друга Хедина». – Дал этому духу тело, и тот расшибся о прибрежные скалы.

– Ого! А потом?

– А потом, Ястир, завалил труп гранитными плитами и испепелил плоть. Призрак оказался заперт.

– И Познавший Тьму проделал всё это, что называется, на бегу? – недоверчиво переспросил Водитель Мёртвых. – Заклятие не из разряда Высших? Откуда он взял плоть для духа?

– Истинные Маги владели многими странными чарами, – проворчал Старый Хрофт. – Чарами, недоступными даже для нас, Древних Богов.

– И ты намерен это повторить?

– Не в точности, Ястир. Да и нужна не просто абы какая плоть, что проделал тогда Хедин. Асы должны вернуться такими же, как жили.

Шлем Водителя Мёртвых лишь качнулся.

– Ты задумал небывалое, великий бог.

– По-моему, я уже давно свершаю «небывалое», – усмехнулся Отец Дружин. – Нет, нам нужна магия крови.

– Угу, – немедля согласился Фенрир.

– Жертвоприношения? Чтобы возродить Древних?

– Чтобы вернуть им телесную форму, Ястир. Они уже возродились, когда покинули предел Демогоргона.

Из-под высокого серого шлема вырвалось нечто похожее на вздох.

– Поистине, я слишком долго пробыл Яргохором. Не представляю, как такое вообще может быть. И не думаю, что подобное сумел бы проделать даже сам Ямерт на пике могущества.

– Ему не приходилось терять в один день всю родню. – Старый Хрофт погладил Слейпнира, похлопал его по шее, что-то шепнул на ухо, и восьминогий чудесный жеребец легко взмыл

вверх.

– Отойдите подальше, вы все! – распорядился Óдин, сбрасывая плащ и поддёргивая рукава, словно простой лесоруб, берущийся за работу.

Фенрир, словно послушный пёс, повиновался тотчас; Яргохор чуть помедлил, но тоже подчинился. Скьёльд же, однако, остался стоять, где стоял.

– Ты не справишься без меня, великий бог, – негромко проговорил он, и на нагом черепе шевельнулись вытатуированные драконы.

Старый Хрофт криво улыбнулся:

– Ты так уверен, человек?

– Да. – Маг твёрдо взглянул в глаза Древнему Богу. – Попытаешься, это несомненно. Но потерпишь неудачу.

– Потому что ты постараешься, чтобы я потерпел? Чтобы доказать, будто незаменим?

– Нет. – Голос Скьёльда упал до шёпота. – Потому что по-настоящему Равновесие ты нарушишь именно сейчас, могучий Óдин. Вывести призраков из страны мёртвых – это случалось. Да-да, случалось. Вспомни предания. Да, домен Соборного Духа – не ваши залы Хель. Но тем не менее; а вот вернуть душам плоть, тем более плоть, над которой не властно время… Задачка для бога, великий Óдин, но решить её без нас, людей, не получится.

– Ты слишком самонадеян, маг.

– Ничуть, великий бог. Не забывай, что мы, люди, смертны. Телесная гибель – наш главный враг. Нам просто нужно больше времени, чтобы достичь желаемого. Так что насчёт возрождения плоти – это не к богам, это к нам.

– И что же ты посоветуешь? – Óдин по-прежнему усмехался.

– Тебе нужна не просто магия крови, великий бог. Но гекатомбы жертв, причём человеческих. Пойдут, впрочем, и гномы, и эльфы, и половинчики…

– И орки?

– Орки нет. У них нет души.

– Ты говоришь как знающий, – заметил Óдин. – Приходилось уже проделывать подобное?

– Понимаю, к чему клонит великий бог. – Скьёльд не отводил глаза. – Нет, я не устраивал истребления сородичей ради своей магии. Животных в жертву приносил, да. А вот людей – нет.

– Но ты твёрдо уверен, что я, владыка Асгарда, Отец Богов, Ас Воронов, не справлюсь?

– Твёрдо уверен. Тебе нужно, чтобы великая река часов и дней струилась бы сквозь сотворённую тобою плоть возрождённых асов, а для этого надо уметь заклинать Драконов

Времени.

– И ты, человече, считаешь, я не справлюсь?

– У тебя в руках альвийский меч, великий бог. Заёмная сила от безумной Оружейницы, известной далеко за пределами Хьёрварда.

– И что? – исподлобья взглянул Отец Дружин.

– Если даже такое продолжение руки воина, как меч, сработано для тебя чужими альвами, пропитано их силой, то дело твоё плохо, великий бог.

«Великий бог» звучало уже почти как откровенная насмешка.

– Асы издревле пользовались оружием, не ими выкованным. – Старый Хрофт пожал плечами. – Молот Мьёлльнир для моего старшего сына Тора сделали гномы. Не вижу, почему бы мне самому не пользоваться клинком, выкованным альвами, вернее, одной альвийкой. А кто шил мой плащ, ты случайно не знаешь, всеведущий маг?

– Плащ твой значения не имеет, великий бог. А вот меч очень даже да. Я чувствую в нём древнюю силу, вашу исконную силу; но от альвов там очень, очень много. Даже слишком много, я б сказал. Смотри, как бы они не начали приказывать этому мечу в обход твоей собственной воли.

– Не беспокойся, – остановил разглагольствования мага Старый Хрофт. – И – лучше тебе удалиться. Ты оказал мне важные услуги, чародей Скьёльд, не хочу, чтобы тебя зацепило. Моё заклятие – для бога, не для человека.

Скьёльд растянул губы в подобии улыбки, более смахивавшей на оскал.

– Люди рано или поздно превзойдут богов. Помяни моё слово, вечный Óдин. Не смею более навязывать свою помощь, хотя, говорю вновь и вновь, готов содействвать всем и во всём.

Старый Хрофт лишь дёрнул щекой:

– Отойдите, все, дальше, ещё дальше!

Яргохор, Скьёльд и Фенрир безмолвно подчинились.

* * *

Валькирия Райна знала, что сама она сейчас – в доме Трактирщика, одного из аспектов самого Соборного Духа. Всё казалось настоящим, всамделишным – её тело, одежда, оружие. Может, и впрямь воительница перенеслась во владения Демогоргона как была, в истинной плоти; а может, здесь только её дух. Здесь ни в чём нельзя быть уверенной. Сознанию её казалось – она растянулась на неширокой лежанке в тихой и

тёплой трактирной комнатке. И не просто растянулась, а спит и видит сон – воспаряя над сказочной землёй, выглядевшей почти как настоящая, с озерцами и перелесками, ручьями и холмами.

Теперь Райна чётко видела великое Древо.

Оно было всюду и надо всем. Призрачное – и вещественное, всё сразу. Ветви, распростёршиеся над небесами, звёздами и мирами. Корни, протянувшиеся к Источникам Магии.

Силы, боги, чудовища. Орёл и Дракон. Нечто над ними, куда ведёт золотая тропа, охраняемая странными стражами, вынесшими ей строгий вердикт – «не готова»; правда, она всё равно прошла.

Нет, куда лучше быть просто Райной, вдруг невесть откуда явилась непрошеная мысль.

Воительницей Райной, сражавшейся плечом к плечу с обычными парнями и девчатами, смеявшейся их неуклюжим шуткам у костра и пившей с ними скверное пиво в корчмах, тавернах и на постоялых дворах.

…А потом выносившей их из самой гущи сечи. Лечившей, выхаживавшей, но куда чаще – просто хоронившей. Она учила всех, учила щедро, однако ведь у них не было за плечами веков и веков сражений…

Они потом приходили сюда, в этот трактир, вдруг подумала она, забывая о Древе и прочем. Ну, или не в этот точно, но в его подобие – их ведь множество, и сам Трактирщик – един во множестве лиц.

Её друзья, соратники, собратья. Множество тех, кто полёг на поле брани, кто умер от ран, зачастую – у неё на руках; и множество тех, кто прожил долгую по меркам людей, или гномов, или орков жизнь – но кто всё равно пришёл сюда, к Трактирщику, кто вспоминал, сидя за этим столом, её, воительницу Райну, кто жалел о не сказанных ей в своё время словах…

Валькирия вдруг ощутила, что краснеет. Точнее, это её сознание решило, что сейчас следует покраснеть.

Рядом с ней не было спутника. Валькирии сражаются, они не предаются телесным забавам и тем более не дают пресловутой любви овладеть ими. Сигдрива позволила – и какой кровью это кончилось?..

Но сейчас, несомая крыльями «сна во сне» к великому Древу, туда, где ей надлежало отыскать душу собственной матери, Райна не могла не думать о всех, с кем сражалась и кто очутился здесь, в пределах Демогоргона. Все ли угодили сюда? Или кто-то достался Спасителю? Или попал в иные «залы Хель», в царства мёртвых из своих родных миров?

Она не знала. Но чем дальше, тем сильнее становилось неотвязное желание узнать. В памяти Райны всплывали лица, мужские и женские, лица боевых товарищей; да, сейчас, особенно после слов Трактирщика, она понимала, что многие из них любили её. Многие тосковали по ней, многие мечтали бы позвать за собой – но никто так и не решился. Высокая, статная воительница Райна, что играючи вышибала меч из рук даже самых бывалых рубак, не подпускала к себе никого.

Кто знает, может, она и была не права.

Дерево наплывало поистине великое. Валькирия совсем уже потерялась, не зная, где она сейчас, что может и грозит ли ей что-то – состояние, для воительницы совершенно невозможное, даже немыслимое. Сейчас у неё словно не стало тела, тело оставалось… там, позади.

Неосознанно она стремилась туда, где видела призрачный двойник Асгарда, откуда началось возвращение асов. Ещё она искала золотую тропу, но её видно нигде не было.

Да, поток демонов захлестнул высокие стены Валгаллы, отражение Асгарда в домене Соборного Духа пало точно так же, как пал Асгард истинный; но валькирия просто обязана была найти хотя бы останки. Свой поиск она начнёт оттуда.

Никаких признаков, однако. Насколько хватало даже её нынешнего «магического» взора – одни лишь серые ветви, бесцветные, словно тень всех дерев всех миров, сколько ни есть.

И если она видела призрак Асгарда – то где подобные же ему обиталища других Древних Богов, павших наравне с асами и асиньями? Валькирия хорошо помнила дорогу сюда, жуткие видения – последние мгновения таких же, как её отец Óдин, изначальных владык самых разных миров Упорядоченного.

Где все остальные дворцы и храмы, залы героев и пиршественные чертоги? Где гордые троны и вознесённые к небу шпили?

Или ей дано видеть лишь Асгард, а остальное от неё закрыто?

– Вставай, валькирия.

Великое Древо вдруг заслонило лицо Трактирщика, склонившегося над воительницей.

– Ночь пройдёт, утро присоветует. Ночь прошла. Тебе пора в дорогу.

Трактирщик выглядел точно так же, как вчера – если тут вообще было «вчера», равно как и «сегодня», и «завтра».

– Тебе пора, – повторил Трактирщик. – Сядь и подкрепись.

– Зачем? – попыталась пошутить валькирия. – Тело ведь моё всё равно не здесь.

Хозяин покачал головой:

– Тебе всё равно станет легче, вот увидишь.

Он оказался прав. Свежий хлеб, только что из печки; прозрачный мёд, копчёный олений окорок – всё, как любила Рандгрид, ещё пока была маленькой девочкой и жила с матерью.

Пока её не забрал Óдин…

Долго собираться воительнице не пришлось. Однако она не могла не заметить, что одежда её чиста, видавшие виды сапоги – отдраены до блеска, словно только что куплены.

– Мать следует почитать, – наставительно сказал Трактирщик, видя недоумение валькирии. – Негоже являться к ней в дорожной пыли, в стоптанной обувке и с дырками на подошвах. Ты поняла, куда тебе идти?

– Нет, – покачала головой воительница. – Я видела падение призрачного Асгарда… хотела бы найти его останки.

– Что ж с тобой делать, дочь Óдина, – с деланной строгостью развёл руками Трактирщик. – Помогу тебе и здесь. Сказки помнишь? Как царский сын или там купеческая дочь приходят к лесной ведьме, та даёт им разные задания, а потом вручает клубочек и напутствует, дескать, куда клубочек покатится, туда и ты ступай?

– Помню, как не помнить. Весемир рассказывал… ой, ну, один товарищ мой былой…

– Знаю его, как не знать, – усмехнулся Трактирщик. – Мне он, помнится, тоже долго истории сказывал. И, кстати, тебя тоже поминал. Нравилась ты ему, скажем так.

– Какая теперь разница? – Райна опустила взгляд. – Я валькирия. Меня можно убить, но время надо мной не властно. Какой смысл любить смертных? Они уйдут, а я останусь…

– Твои дети понесут дальше твой дар, – негромко сказал хозяин. – Подумай над этим, Рандгрид, дочь Óдина.

– Я должна стать прародительницей рода бессмертных, что ли? – фыркнула воительница. – И мой дар, как ты говоришь, сохранится в поколениях? Так не бывает. Даже у эльфов, что мнят себя «Перворождёнными».

– Те, кто и впрямь Перворождённые, так и не достались голодному времени. Другие попали под его власть, но жизнь их долга, очень долга. Можно… успеть многое, если ты понимаешь, о чём я.

– Наверное, пойму, – пожала плечами валькирия. – Скажи, великий, почему я видела только Асгард? Остальные жилища павших богов скрыты от меня?

– Можно сказать и так, – кивнул Трактирщик. – Приходящий сюда видит самое для себя важное. У меня за столом говорят о несказанном. И говорящие знают, что я передам, передам их

слова кому следует. Так и с Асгардом. Ты явилась сюда за асами, Рандгрид, не за кем-то ещё.

– Но почему я тогда не вижу своей матери?

– Когда ты прорывалась в мои пределы, за тобой стояла могущественная магия. Даже я не знаю, как Одину удалось создать такие чары, не иначе ему кто-то поспособствовал. Сейчас же ты идёшь одна, лишь по зову сердца. Не жди величественных видений, что могли бы поддержать тебя. Следуй туда, куда тебя потянет более всего. Во владениях Соборного Духа нет более надёжного поводыря.

– Про золотую тропу… – заикнулась было воительница, но Трактирщик лишь покачал головой.

– Иные тайны ты можешь раскрыть лишь сама, Райна. Равновесие имеет власть надо всем и всеми в Упорядоченном, хотя надо мной – и в меньшей степени, чем над Восставшим и Познавшим Тьму.

– Хорошо, – склонила голову воительница. – Тогда прощай, хозяин! Спасибо тебе за кров, за хлеб и соль. За мёд в особенности.

– Это твой мёд, – улыбнулся Трактирщик. – Самый лучший мёд из твоих воспоминаний. Это ты поставила его на стол, Райна. И это я должен благодарить тебя, потому что мёд и впрямь хорош.

– Ничего-то у вас не поймёшь, в ваших странах мёртвых… – махнула рукой воительница. – Не поймёшь, всамделишное тут у вас всё или понарошку, только кажется.

– Здесь, у нас, что кажется – то и есть всамделишное. – Хозяин положил Райне руку на плечо. – На прощание помогу тебе, как та лесная ведьма, с которой разговор наш начался, да в сторону ушёл. Ступай прямо ко Древу. Увидишь всё… как настоящее. Там тебе и «остатки Асгарда» найдутся, – коль и впрямь нужны тебе окажутся, в чём не уверен – и многое другое, и мать тебя позовёт.

– Прямо так и позовёт?

– Не веришь? – усмехнулся Трактирщик. – Позовёт. Не сомневайся. Ступай, валькирия. Мы ещё встретимся.

– Постараюсь, чтобы не слишком скоро, – буркнула Райна. – Нам с отцом ещё восстанавливать Асгард!

– Нет, – покачал головой Трактирщик. – Мы увидимся с тобой до твоего… не после твоего последнего часа. Можешь мне поверить.

– Ну, если ты хочешь сказать, что на обратном пути мы с мамой остановимся у тебя перекусить…

Трактирщик рассмеялся. И слегка подтолкнул Райну в спину.

…Перед ней расстилался самый обычный северный пейзаж. Лес, кое-где пробившиеся сквозь кроны деревьев серые, мшистые скалы. Трактир давно остался позади. За спиной Райны поднималось всё выше и выше нечто очень похожее на солнце, наконец-то проглянувшее сквозь вечно серые тучи; валькирия шла словно бы на север – туда, где горизонт закрывало великое Древо.

Оно в очередной раз изменило вид. Серый цвет исчез, уступив живым коричневатому и густо-зелёному. Древо, конечно, по-прежнему казалось исполинским и уходящим за облака, но отнюдь не «простирающимся надо всем Упорядоченным». Райна даже смогла бы припомнить мир или два, где тоже росли подобные гиганты. Однако чем ближе она оказывалась, чем выше поднималась крона над горизонтом, тем сильнее ощущала воительница всё убыстряющийся ток силы. Словно набирающая разбег вода, сжатая скальной теснины, незримая магия устремлялась ко Древу со всех сторон.

Вокруг же Райны царил девственный пустой северный лес, каким она привыкла его видеть на каменистых кручах Ётунхейма, когда сам мир был ещё молод. Привычные, с детства знакомые деревья, сосны да ели, кустики брусники, мшистые холмики, изредка – говорливые ручьи. Здесь царило лето, было тепло, но – валькирия шагала посреди полного, зловещего безмолвия, если не считать лёгкого шума ветра.

Кроме растений, вокруг неё не было ни одного живого существа. Ни птиц, ни мелкого зверья, ни даже докучливой мошки.

Ничего.

Словно весь этот лес нарисовали специально для неё.

Но если воля Демогоргона может явить множества живых деревьев, почему исключение сделано только для них? Или всё это нужно, чтобы валькирия ни на миг не забывала – это не владения живых, это страна мёртвых, и она тут – лишь случайная гостья?

Она не успела даже как следует обдумать это, когда земля под ногами незаметно уступила место широченному, словно палуба корабля, корню, что мог бы запросто прозываться «отцом всех корней». Великое Древо было совсем близко, а Райна даже не поняла толком, как оказалась возле него настолько быстро – разве что расстояния здесь, во владениях Соборного Духа, полностью подчинялись его воле.

Теперь Райна шла в гору – корень поднимался всё выше и становился всё шире; вот валькирия уже вровень с вершинами обычных сосен, вот они уже остались внизу; впереди замаячил исполинский ствол, когда внизу, у основания высоченного корня,

что шёл через лес подобно гигантскому спящему змею, вдруг раздались голоса.

…В царстве Демогоргона нет различия языков, подумала Райна. Для неё звучал родной, самый первый язык, единый для Древних Богов Асгарда и для людей молодого Хьёрварда, язык её матери. Голоса были и мужские, и женские, и детские, и зрелые, и шамкающие, старческие.

– Поливай, поливай!..

– Вода вышла, сейчас принесём, уже пошли…

– Дупло видишь? Заделать надо.

– Оттуда червяка ещё не выковыряли, дымарь унесли…

– Так погоните кого!

Райна замерла на полушаге. Осторожно опустила ногу, словно боясь спугнуть говоривших. Подошла ко краю корня и взглянула вниз.

С десяток людей в простой одежде, какую надевали бонды Восточного Хьёрварда, выходя работать в поле, возились у основания корня. Потрескивая, горел небольшой костерок, на треноге побулькивал котёл, весь покрытый чёрными потёками, словно от вара. Мужчины с топорами и ломами в руках что-то сосредоточенно рубили на самом корне, женщины стояли наготове с длинными щипцами, несколько ребятишек – мальчиков и девочек лет семи-восьми – подтаскивали дрова к костру под надзором седой старухи.

– Есть! – выкрикнул один из мужчин, проворно отскакивая в сторону.

Статная молодка в кузнечных рукавицах сделала молниеносное движение щипцами. Раздалось какое-то скворчание и скрежет, словно множество когтей разом упёрлось в дерево.

– Давай, давай! – разом завопило несколько голосов; ещё две пары щипцов пришли на помощь первым, женщины дружно потянули – и из невидимой сверху для Райны дыры вырвалось нечто вроде длинной многоножки, яростно щёлкавшей внушительными жвалами.

Дети заверещали – но исключительно от восторга. Мужчины, побросав топоры, присоединились к женщинам, извивающуюся тварь – длиной в добрых два человеческих роста и толщиной в обхват – выволокли на чистое место.

– Не рубить, не рубить! – покрикивала старушка, но остальные, похоже, и так отлично знали, что делать.

Шустрая и тоненькая девочка с масляным фонарём ловко скользнула в дырку и тотчас вынырнула обратно:

– Нет яиц?

– Не, не успела отложить ещё! – бодро отрапортовала

разведчица.

Плечистый мужчина одобрительно кивнул:

– Заделывайте, пока свежее, быстрее зарастёт!

– Да никто и не медлит, Драган, тебе лишь бы командовать!..

В чёрный котёл окунулись столь же чёрные, видавшие виды черпаки. Горячий, парящий вар полился в дупло, и корень под ногами Райны ощутимо вздрогнул, но не от боли, а словно бы от удовольствия.

Чёрная тварь меж тем продолжала извиваться в железных захватах. Никто тем не менее рубить её не спешил; напротив, все поглядывали на старуху, что отложила длинную клюку и потёрла руки, словно они успели озябнуть.

– Держите крепче, не как в прошлый раз, – прошамкала она.

– Да хватит уж нас винить, мать Омета, слышали мы уже это, – беззлобно отмахнулся один из мужчин. – Делай своё дело, не тяни уж, работы сегодня ещё много!

Старуха простёрла руки над извивающейся чёрной многоножкой, и Райну вдруг словно опалило – меж ладоней матери Ометы вспыхнуло настоящее солнце, яркое и радостное. Чёрное блестящее тело многоножки мгновенно посерело, чешуи рассыпались невесомым пеплом, и миг спустя от твари не осталось вообще ничего, прах развеяло налетевшим ветерком.

Хаос вырвался на свободу.

Райна даже зажмурилась – многоножка была именно что тварью Хаоса, несла в себе его зерно, сейчас получившее волю, но бессильное отныне вредить Древу если не навсегда, то, во всяком случае, на достаточно долгое время.

– Учитесь, пока я жива, – прокаркала мать Омета, явно очень довольная собой.

Шутку встретили дружным смехом. Хохотали все, даже маленькие дети.

– Пока я жива! Ох, мать, ну и сказанула!

Старуха самодовольно подбоченилась.

– Именно, что «пока я жива»! Пока я с вами тут, во Древо не ушла, дурачки вы мои смехотливые!

– Да ты, мать Омета, уж сколько времени всё грозишься, да никак никуда не уходишь, – утирая выступившие от смеха слёзы, проговорила одна из молодок, опуская не нужные более щипцы.

Старуха только задрала подбородок.

– Костёр гасите, – распорядился один из мужчин. – Гасите да пошли дальше, ещё добрую дюжину дырок заделать надо.

Команда дружно принялась подбирать разбросанные тут и там снасти. Костёр зашипел, окутываясь белым паром; котёл с чёрным варом взяли на плечи двое мужчин; недлинной вереницей

люди двинулись прочь от Райны, вдоль исполинского корня, как вдоль стены.

Валькирию они так и не заметили.

Что это было? Не об этом ли «увидишь всё, как настоящее», говорил Трактирщик?

Люди, старые и молодые, заботящиеся о Древе так, словно и оно, и они сами – живые. Понимающие при этом, кто они и где находятся, иначе не смеялись бы так над непритязательной шуткой матери Ометы. Кто они такие, откуда здесь взялись? Куда делся серый мир Демогоргонова домена, почему тут всё словно в обычной жизни? Иллюзия?

Мёртвые заботятся о Древе, заставляющем магию могучим потоком струиться сквозь всё Сущее, давая жизнь тем, кто неизбежно присоединится к ним, рано или поздно. Мёртвые ловят тварей, или созданных Хаосом, или пропитавшихся им, подпавших под его власть, – Райна невольно вновь вспомнила области, через которые пролегла их дорога ко владениям Соборного Духа, области, где Хаос, казалось, подмял и подчинил себе саму плоть Упорядоченного.

Люди ушли в сторону, противоположную той, куда направлялась Райна, и вскоре лес поглотил их голоса.

* * *

Бог Óдин, владыка Асгарда, Ас Воронов, Отец Дружин, Старый Хрофт, стоял на засыпанной пеплом равнине. Здесь, именно здесь когда-то возвышался его чертог, здесь была на краткий миг возрождена Валгалла, воссоздана из праха. Сейчас от того чародейства осталась лишь резонирующая в потоках магии память заклинания, эфирный след.

Старый Хрофт оглянулся. Они послушно держались поодаль – Яргохор, Фенрир, тени асов. Все ждут. Где-то неподалёку наверняка притаилась и Гулльвейг; не зря же бросила, что у неё молот Тора.

Что ж, вы хотели увидеть, что такое Древний Бог? Вы увидите.

Пепел отдал свою память. Очертания Валгаллы, других чертогов Асгарда дрожали – незримые, готовые вернуться, обрести плоть. Казалось, нет такой силы в Упорядоченном, что смогла бы воссоздать сожжённое, вернуть обратно давным-давно павшее; но время уже обратилось вспять.

Óдин начертал первую руну. Начертал прямо в пепле, сведёнными щепотью тремя пальцами правой руки. Росчерк,

другой, третий – руна означала начало, зарождение великой работы.

Вторая руна последовала за первой. Первая тем временем наливалась голубым пламенем, языки огня плясали над линиями, и потоки Силы дрогнули, послушно меняя курс.

Сделать предстояло ещё очень, очень многое – настоящий Асгард, из камня и брёвен, из честной плоти скал, из тел древних дубов ещё родится; сейчас же, как дом, где предстоит возродиться асам, сгодится и тень прошлого.

Третья руна, четвёртая… Этих рун не знала Лаувейя; этих рун не видел и он сам, когда висел, пронзённый копьём, постигая тайные знаки. Это были руны нового мира, дарованные, подсказанные – можно называть как угодно; но даже если они окажутся предательскими, дело своё они сделают.

«А дальше мы станем говорить с сильными мира сего уже совсем по-другому».

Шесть рун горели голубым, огонь потрескивал, словно там пылали самые настоящие дрова. Сила стягивалась к равнинам Иды, и Один знал, что руны эти он сможет использовать только один раз – начертания утратят значение и смысл.

Условие разумное, но ему хватит и одной попытки.

Тут и там над землёй стали подниматься одиночные облачка-столбики пепла. Прах обретал подобие жизни, настоящей она никогда не станет, но этого и не требовалось.

Подобно тому как Старый Хрофт возрождал пепельный Асгард, когда рядом с ним стояла Райна, перед Отцом Богов вновь стали подниматься изукрашенные стены; явилась крыша, выложенная бесчисленными щитами. Валгалла рождалась вновь, но, конечно, это была не настоящая Валгалла. Так некромант поднимает мертвяка из могилы; Одину это нужно было для того же, для чего служит литейщику модель.

Память старого пепла пригодилась вновь. Один раз он уже оживал на время, подчиняясь чарам Старого Хрофта; сегодня ему пришёл черёд сослужить последнюю службу.

Вот сложилась Валгалла, вот появились чертоги Тора, залы Фрейи, покои кроткой Идун; своей чередой поднимались жилища Локи и Йорд, Браги и Ньёрда, Скаги и Бальдра. Асгард вставал, точно живой, пепел послушно принимал форму камня и дерева, золота и стали – но то была лишь форма, прах оставался прахом.

По лицу Отца Богов тёк пот, движения сделались замедленными и затруднёнными, он словно плыл, пробиваясь через густую болотную жижу. На руках вздулись бугры мускулов, наполнились кровью тугие вены, оплетая плоть Старого Хрофта, подобно змеям. Отец Дружин словно пытался оторвать от земли

невидимый, но неимоверно тяжкий груз.

Яргохор, Фенрир и Скьёльд глядели на Древнего Бога в немом благоговении.

С пальцев Одина сорвалась первая капля тёмной крови, туго ударила во взвихрившийся пепел; от неё во все стороны побежали багровые змейки, постепенно угасая и замирая, оставляя на своём пути прах, спёкшийся в серое блестящее стекло.

Ястир молча сделал шаг назад, затем ещё и ещё. Фенрир оскалился и зарычал, Скьёльд остался стоять, но костяшки на судорожно сжатых его кулаках побелели.

Перед ними поднимался Асгард, поднимался уже не тенью, но почти как настоящий, наделённый цветом и полнотой – однако именно что «почти». Это всё равно была лишь тень истинного Асгарда, сложённого из крепчайших костей Земли и всё равно не устоявшего пред яростью Молодых Богов.

Вниз от локтей Старого Хрофта теперь бежало сразу несколько кровяных ручейков. Низ плаща потемнел, кровь промочила его насквозь, однако Асгард сложился весь, если не считать священного ясеня Иггдрасиля.

Огненные змейки меж тем обратили почти весь пепел под ногами Отца Дружин в сплошное блестящее зеркало, правда, тусклое и мутное.

Наконец последняя руна угасла, а сам Один тяжело опустился на одно колено, низко склонив голову.

Переглянувшись, Ястир, Скьёльд и Фенрир разом бросились к нему.

Огромный волк-исполин опередил всех, однако он только и смог сделать, что слегка толкнуть владыку Асгарда носом, да так, что тот опрокинулся, не ожидая подобного.

– Отойди, волк, – не шибко вежливо бросил Скьёльд, падая рядом с Одином на колени так, словно ему подрубили ноги.

– Я… справлюсь, – прохрипел Отец Богов, отталкивая протянутую руку. – Я… поднимусь!

И он действительно поднялся. Кровь с рук уже не капала, однако шатало Старого Хрофта так, словно он влил в себя целый бочонок хмельного эля.

Перед ними стоял Асгард, Асгард Возрождённый. Уже не пепельно-серая тень, уже почти живой двойник настоящего.

Плечи Одина развернулись, глаза вспыхнули.

– Глядите все! – каркнул он хрипло. – Смотрите и не говорите, что не видели! Вот он, Асгард! Его прообраз, каким он станет совсем скоро, когда преображённый пепел заменят камень, брёвна, сталь и злато. Мы созовём гномов. Все, кто помнит древние клятвы, явятся нам на помощь. Асгард будет стоять! На

века!

Фенрир грозно взрыкнул, словно соглашаясь. Скьёльд склонил голову, и только Яргохор остался невозмутим.

– Можно восстановить стены и крыши, великий бог. Но что делать с тенями асов? Ты вывел их из страны мёртвых и хочешь дать им плоть, но как?.. Не в общих словах, на деле?

– Не… сомневайся, – по-прежнему хрипло отозвался Óдин. – Очень скоро… увидишь… сам.

Он сплюнул – сгустком тёмной крови.

* * *

Валькирия Райна шагала по исполинскому корню великого Древа. Путь её, впрочем, заканчивался – прямо перед нею вздымался неоглядный ствол, вблизи похожий просто на бесконечную коричневую стену.

«Мать тебя позовёт», – сказал на прощание Трактирщик. Что ж, пока никакого зова не прозвучало. Корень слился со стволом, и валькирия не колебалась – надо идти вверх.

Райна задрала голову – гладкая стена тянулась, насколько мог окинуть глаз, и там, на страшной высоте, распускалась бесчисленными ветвями.

Воительница решительно поставила ногу на уступ коры, подтянулась – и начала подъём.

Трактирщик обещал, что здесь всё станет «настоящим», и не обманул.

…Немало времени прошло, пока Райна добралась до нижних ветвей. Широченные, словно крепостные стены или переброшенные гномьими умельцами мосты через бездонные пропасти, они отходили от ствола, теряясь где-то в смутной бесконечности.

Валькирия тяжело дышала. Она поднялась на страшную высоту, и лишь то, что она, Дева Битвы, привыкла сызмальства носиться под облаками, удержало её от падения.

«Эх, мне б сейчас моего крылатого коня, на каком мчалась к Валгалле…»Что теперь? Ещё выше? Как долго? Нужны ли будут ей еда и питьё, если уж тут всё должно быть «настоящим»?

Она ещё стояла и осматривалась, когда вдруг ожил альвийский меч, резко толкнувшись в ножнах.

Из-под ветви вылезало странного и неприятного вида чёрное существо, ростом с человека, но обликом напоминавшее морское головоногое – с пучком тёмных извивающихся щупалец на голове и парой круглых, словно блюдца, немигающих глаз, прикрытых

чем-то вроде прозрачной брони.

По бокам у существа торчала пара крошечных скрюченных ручек, словно поражённых неведомой хворью. Передвигалось оно подобно гусенице, хотя к телу его прижаты были причудливо сложенные ноги.

Оно замерло, тупо уставясь на Райну ничего не выражающим рыбьим взором.

Альвийский меч вырвался из ножен, воительнице почти не пришлось прикладывать усилия.

Раскрылась щель безгубого рта. «Ршша-плюк-шплют-плют», услыхала Райна. Щупальца на голове создания зашевелились, потянулись к валькирии – без угрозы, скорее как к досадному препятствию.

Воительница отступила на шаг к вящему неудовольствию меча, так и подрагивавшего в жажде схватки. Мельком Райна подумала, что Оружейница вложила-таки в него слишком уж много самостоятельности – ей приходилось удерживать собственную руку.

Чёрные щупальца почти коснулись лезвия, но, словно передумав, втянулись обратно. Существо потеряло интерес к Райне, развернулось, и – шшшрх, шшшрх, шшшрх – повлеклось прочь по широкой ветви.

Валькирия неосознанно двинулась следом, только сейчас заметив, что в присутствии чёрного создания всё вокруг неё сделалось ещё чётче, красочнее, вещественнее. Лица касался тёплый ветерок; воздух наполнился запахами молодой листвы; Райна словно очутилась вдруг в весеннем лесу.

Не обращая на неё внимания, головоногое ползло всё дальше и дальше, поворачиваясь то вправо, то влево и будто бы что-то отыскивая. Потом вдруг всё передёрнулось от хвоста до кончиков непрестанно шевелящихся щупалец и решительно свернуло на один из отростков, где, как видела теперь Райна, распускались свежие, травянисто-зелёные листья.

Они двигались довольно долго – головоногое ползком, Райна быстрым шагом, – пока не добрались наконец до самих листов. Они оказались под стать великому Древу – из каждого получился бы настоящий плащ для валькирии. Свежие и чистые, налитые соками и силой, такими листья бывают только поздней весной, на крутых скалах Рёдульсфьёлля, что в Восточном Хьёрварде.

Создание остановилось, нагнуло голову, и щупальца его принялись быстро ощупывать лист, оглаживать края, прослеживать каждую его прожилку, точно выискивая скрытый изъян.

Райна наблюдала затаив дыхание, понимая, что она,

наверное, первая из не-мёртвых, кому довелось узреть это таинство.

Покончив с одним листом, существо переползло к другому, за ним – к следующему. На четвёртом, однако, оно задержалось. Щупальца пробегали по одному и тому же месту раз за разом, замирали, принимались нажимать, ощупывать, оглаживать, словно мастер-шлифовщик, обнаруживший на идеальной как будто бы поверхности незримый для обычного глаза изъян.

Потом существо замерло, и миг спустя щупальца его стремительно, словно разящие копья, рванулись вперёд, вонзаясь в изумрудную плоть листа, пробивая его насквозь. Существо припало к нему, рот его раскрылся, челюсти задвигались – лист с хрустом исчезал в его глотке.

Альвийский меч сам собой рванулся, взлетая для удара, так, что Райне пришлось вцепиться левой рукой в собственное запястье. Она здесь не для того, чтобы судить и карать.

Лист задрожал, затрясся – ну точно живое существо в предсмертных ужасе и муке. Райна не сдержала гримасу боли. Страдания того, что выглядело сейчас как лист, ощущались, словно её собственные.

«Погоди, погоди, – горячо прошептала она мечу, почему-то уверенная, что он её и услышит, и поймёт. – Я должна понять, я не могу разить тут почём зря. Мы не в смерти и не в жизни, мы в точке перелома, на самой середине балансира весов, и от каждого моего взмаха может зависеть куда больше, чем кажется».

Мечу, похоже, это не слишком понравилось, однако он подчинился, дрожь прекратилась.

Покончив с листом, существо удовлетворённо рыгнуло – ну точь-в-точь перепивший пива селянин! – и поползло дальше. Пустой черенок листа печально поник; но потом дёрнулся раз, другой, и на конце его стала набухать изумрудно-солнечная капля, трепещущая, просвечивающая и мало-помалу начинающая светиться сама. Это чем-то походило на истечение весеннего сока, залечивающего надрез на коре, только куда скорее.

Заворожённая, Райна неотрывно глядела, как растёт и набухает сияющая капля, как всё сильнее и радостнее становится её сияние. Зелёное и золотое пламена сливались, вспыхивали крохотные радуги, и капля всё увеличивалась и увеличивалась, сделавшись уже величиной с добрый мешок, в какие мельники ссыпают ещё тёплую муку из-под жерновов.

И в какой-то миг под блистающей оболочкой Райна разглядела туманные очертания человеческой фигуры.

Женщина – нет, девушка, нет, подросток, нет, просто ребёнок лет семи – образы менялись стремительно, задержавшись,

наконец, на последнем.

Лицо её – девочки с волосами цвета воронова крыла, с закрытыми глазами, чуть приоткрытыми губами, высокими скулами – приближалось, росло, тело словно бы таяло; спящая – а она именно спала, и едва заметно подрагивали ресницы – затаилась в колыбели.

Райна замерла, не в силах оторвать взгляда. Вот у девочки вырвалось что-то вроде вздоха, губы раскрылись чуть шире, и она вновь начала меняться, лицо стремительно становилось лицом младенца, которому только предстояло родиться.

Валькирия забыла про меч, забыла обо всём – и впервые за долгие долгие века жизни, над которой не было властно само время, она вдруг подумала о дочери.

О такой же дочери, которую родила её мать Сигрун богу Одину…

– Гшш-хлюш-хлюшшш!

Чёрное создание кинулось на изумрудно-золотую колыбель. Чёрные щупальца взмыли, ударили, но на сей раз их встретила сталь альвийского меча.

– Нет! – выкрикнула Райна, давая волю гневу.

Взмах, удар, что должен был снести голову отвратительному созданию, – однако пропал даром. Чёрные щупальца отдёрнулись с быстротой молнии, а в следующий миг существо крутанулось, хвост подсёк валькирии ноги. Райна повалилась, откатившись. По голени вверх к колену и дальше, по бедру, разливался ледяной холод.

Существо скользнуло к ней, стремительно, бесшумно, и на валькирию словно упала чёрная сеть, щупальца оплели запястья, захлестнули горло, полезли в лицо, словно норовя выдавить глаза.

Воительница взвыла от ярости и не сдерживаемого уже ничем гнева. Омерзение от коснувшихся её отростков, холодных и скользких, казалось, вливалось в мышцы, словно чистая незамутнённая магия.

Альвийский меч свистнул, и рассечённая чёрная плоть зашипела, тёмная кровь вскипела, запузырилась на краях раскрывающейся раны. Хватка ослабла, и Райна, поневоле опираясь на локоть правой, сжимавшей меч руки, ударила кулаком левой, целя прямо в нависающий над ней холодный и немигающий глаз.

Закрывавшая глаз прозрачная роговая оболочка лопнула с треском, глазное яблоко расплескалось, словно гнилой плод. Задыхаясь от бешенства и давно не испытываемой жажды убивать, убивать во что бы то ни стало, Райна била и била, превращая

голову чёрного создания в кровавое месиво и не замечая собственных сбитых костяшек.

Тварь отшатнулась, судорожно размахивая щупальцами, и Райна ударила последний раз, как умела, мечом, чтобы уже наверняка. Альвийская сталь прошла насквозь через голову создания, и чёрное тело, корчась, забилось у ног валькирии.

Не обращая на него более внимания, Райна бросилась к тому месту, где только что покачивалась-вызревала на черенке изумрудно-солнечная «почка», зародыш чего-то совершенно нового – и замерла, видя на её месте новый лист. Великое Древо не заметило потери. Оно отрастило иное взамен утраченного; но что-то и исчезло навсегда, не воплотилось, сгинуло безвозвратно.

Девочка с волосами цвета воронова крыла не родится, вдруг поняла Райна. Не родится уже никогда. Вместо неё в мир явится кто-то другой, кто-то иной займёт её место, но вот её самой, такой, какой она явилась Райне, – уже не будет.

Валькирия заскрежетала зубами. Боль потери казалась непереносимой.

«Да что ты, – хотела сказать она себе, – ты сражалась в бесчисленных войнах, ты билась на стенах осаждённых городов, ты прорывалась сквозь кольцо врагов по горящим улицам с горсткой последних товарищей, прорывалась, зная, что за твоей спиной во множестве умирают такие же вот девочки и мальчики, ты никогда не была сентиментальна – «сильному жить!» – так что ж расклеилась, размякла теперь?»

Она замерла, тщетно всматриваясь в зелёную поверхность большого, словно одеяло, листа. Радостно-зелёного, свежего, здорового. Нет, никаких следов.

Воительница со злобой поглядела на валяющийся труп головоногого чудовища. Что оно делает здесь, в домене Великого Духа? Не с такими ли боролись те люди, что вылавливали здоровенных червей-короедов там, у подножия Древа?

Райна, преодолевая отвращение, склонилась над осклизлыми останками. Тут тоже что-то было не так. Существо не нападало на неё, Райну, пока та не атаковала первой. Не слишком похоже на изначального хищника. Непохоже также, что головоногое хоть сколько-то страшилось бы Райны.

Остриё альвийского меча коснулось тёмной блестящей кожи существа. Нахмурившись, Райна нажала на эфес – клинок легко погрузился, не встречая сопротивления.

Существо несло в себе Хаос. Точно так же, как и те «червяки». Крохотные частицы Хаоса полнили его кровь, скользили в жилах, затаились в глазах. Хаос чувствовал себя весьма привольно в домене могучего Демогоргона, куда вольготнее, чем думалось

валькирии.

Как это случилось? Как он пробрался сюда, как проскользнул? – Райна привычно думала о Хаосе «он», словно о едином, живом, цельном противнике, боге или чудовище, хотя в действительности никакого «единого Хаоса», наделённого единой же волей, не было.

Валькирия выпрямилась. Демогоргону, великому Орлу – как ни назови – пригодилось бы куда больше таких вот людей, что недавно встретившийся Райне отряд.

Правда, едва ли он бы так просто справился с головоногим. Их медлительность, неуклюжесть сейчас представали просто маской.

Тёмная кровь больше не текла, мёртвое тело замерло бесформенной грудой; Райна стояла над ним, замерев, ощущая, как Хаос окутывает, обволакивает её подобно тому, как обволакивал на дороге мёртвых богов. И с каждым мгновением Райна всё яснее и отчётливее начинала ощущать течение. Течение незримой Силы – наверное, именно частички Хаоса помогли почувствовать её, как пляшущие песчинки указывают на место, где с озёрного дна бьют скрытые ключи.

Сила струилась куда-то вверх, ко скрытой вершине Древа. Незримый поток попытался увлечь за собой и Райну, она невольно повела плечами, точно сбрасывая накинутую на них паутину.

Теперь, заметив этот поток, валькирия невольно вглядывалась в него, пытаясь уловить, ощутить – не глазами, не ушами и не кожей, но тем таинственным, что делало внучку ётуна-великана Хримвальди именно Девой Битвы, а не просто дочерью женщины по имени Сигрун.

Поток струится вверх вечным движением, подобно тому, как вода поднимается по тончайшим жилам корней и стволов. Великое Древо живёт этим? Или это нужно ему не только для жизни? Или – если уж она, Райна, оказалась сейчас в царстве иллюзий и всё выглядит совсем не так, как на самом деле, – для чего-то совершенно иного? Может, это «Древо» в действительности – совсем даже и не Древо?

Только теперь, убив загадочное, носящее в себе Хаос существо, Райна стала замечать и ещё какие-то смутные тени, едва заметные, на самой границе видимого – они медленно скользили вверх, уносимые всё тем же потоком.

Валькирия с трудом могла различить их очертания – но все они казались странно изломанными, исковерканными, неправильными, каких не бывает в суровой, но справедливой природе, и какие чаще всего создаются прихотью злого ума,

способного вдобавок манипулировать Силой.

Так течение реки неспешно уносит с собой сухие листья, сучья, тела насекомых, трупики мелких зверюшек. Река не желает им зла, она просто несёт их на своих плечах, от устья до самого истока.

Райне не пришло в голову ничего лучше, как последовать за этим потоком.

* * *

Асгард высился пред Старым Хрофтом, точь-в-точь такой, каким помнил его Отец Дружин, до мельчайшей детали. Прах и пепел цепко хранили память и теперь отдали её всю, до последней капли. Асгард сиял прежними огнями, былая его слава словно воскресла вновь, и Один слышал, как за спиной хрипло рыкнул Фенрир, тоже, как и сам Ас Воронов, захваченный воспоминаниями.

Первое дело сделано, ещё два впереди. Одно по сравнению с другим кажется почти ничего не значащим – возродить стены и башни Асгарда в дереве, камне, стали и золоте; второе – вернуть тела всем павшим асам.

Руны сделали своё дело и ушли. Сотворённые и вычерченные для одного-единственного чародейства, они больше ни на что не будут способны. Отец Дружин пошёл очень на многое, чтобы заполучить их, и расплачиваться придётся совсем скоро; но с этими заимодавцами он, скажем так, найдёт способ договориться.

С тенями асов так уже не получится, одними лишь росчерками рун, черпающих силу во сколь угодно опасных и неверных источниках, ему уже не обойтись. Водитель Мёртвых, Фенрир да и Райна могли сколько угодно допрашивать его, подступаться с одним и тем же вопросом – мол, как? Как он вернёт тела бесплотным теням?

Но такое, как известно, без особого труда проделал Познавший Тьму, когда его же собственные сородичи штурмовали крепость мятежного мага. Правда, то тело, данное алчному духу, и не должно было прожить хоть сколько-нибудь долго, его участь была – разбиться о гранит Хединсея; Старому Хрофту, конечно, требовалось совершенно иное.

Но пока – пока он просто стоял и любовался Асгардом. Асгардом Возрождённым, что очень скоро вернёт себе настоящие, возведённые из честного камня стены.

И тогда всё станет по-другому. Совсем, совсем по-другому.

У каждого своя игра. Даже лучшие друзья порой имеют

интересы, отличающиеся, как день от ночи, а свет от тьмы. Они не лучше и не хуже, эти интересы, просто они… разные.

Старый Хрофт обернулся к Скьёльду.

– Готов ли ты и дальше помогать мне, маг?

Чародей с вытатуированными на черепе драконами лишь молча кивнул.

– И ты по-прежнему не станешь задавать вопросов?

– Богу не задают вопросов, когда он становится истинным богом, как ты сейчас, великий Óдин, – хрипло ответил волшебник. – Бог сам скажет верному всё, что нужно.

– Какие-то у вас, нынешних, всё-таки неправильные боги, – поморщился Старый Хрофт. – У нас всё не так было. Нас вопрошали, к нам шли, шли с поклонением, но и с вопросами. Начиная от самых простых и жизненных – каким выдастся лето, когда что лучше сеять – и кончая самыми страшными, вечными. И мы отвечали, как могли, чтобы, с одной стороны, не оставить вопрошающего во тьме, а с другой – чтобы люди не сделались нашим тягловым скотом, бездумным и бессловесным, во всём полагающимся лишь на нашу волю и мысль. Мы давали ответы, частенько – уклончивые и загадочные, но давали.

Скьёльд покачал головой:

– Да не сочтёт великий Ас слова мои недозволимой дерзостью, но… разве поражение на Боргильдовом Поле не значит, что этот путь оказался неверен?

– А разве падение Ямерта не значит, – парировал Óдин, – что в конце концов мы всё равно одолели?

– Это, – упрямо ответил чародей, – не совсем так. Да простит меня могучий Ас Воронов, – добавил он поспешно.

– Не совсем так? А как же?

– Победили молодые маги, Истинные Маги, Хедин и Ракот, Познавший Тьму и Восставший. Без них не было бы и твоего возвращения, великий Ас, да не разгневаешься ты на горькую правду.

– На правду не гневаются, – помолчав, сказал Отец Богов. – Ты прав, чародей Скьёльд. Да, именно Ракот первым начал мятеж. Он потерпел неудачу, но Хедин последовал за ним – чтобы освободить друга и чтобы занять иное, более подобающее им с Восставшим место в Упорядоченном, освободиться от власти Молодых Богов. Ты прав в этом. Ты не прав в другом – кто научил молодого мага Хедина думать так, что восстание для него стало вообще возможным? Кто показал ему дорогу, кто вывел на верный путь?

Скьёльд снова покачал головой:

– Великому Асу Воронов нет нужды что-то доказывать

ничтожному смертному, его верному слуге.

– Не унижайся, маг, у тебя это плохо получается, – фыркнул Один. – Ты не мой слуга. Ты решил помочь справедливому делу, и за то я тебе признателен. Ты и твои сородичи всегда будут желанными гостями в Валгалле. Но ты не понимаешь. Именно я заронил в душу Познавшего Тьму зёрна сомнений. Именно я научил его думать, а не просто верить. Он стал тем, кем стал, благодаря мне!

– Да, великий бог, – смиренно склонил голову Скьёльд. – Замечу лишь, что он скверно отблагодарил тебя за всё твоё добро, коль уж сейчас, столько эонов после падения Ямерта, высокие залы Асов так и не восстановлены, и тебе помогаю я, ничтожный, а не вся мощь Новых Богов Упорядоченного.

– Откуда я знаю, что ты не тайный слуга Хедина? – пожал плечами Один. – Мне это не важно, поверь. Познавший Тьму – мой друг, и воевать с ним по-настоящему нам не придётся, не устаю это повторять.

– Боюсь, ты ошибаешься, Ас Воронов, – покачал головой Скьёльд. – Тебе лишь кажется, что Хедин – твой друг. На самом же деле он ничем не отличается от Ямерта. Точно так же, как и Молодые Боги, Боги Новые просто хранят то, что есть, судорожно затыкая дыры и латая прорехи. Они не понимают, куда надо двигаться. У них нет стратегии. Они не видят будущего Упорядоченного, не желают замечать грозных пророчеств, и, рано или поздно, им за это придётся расплачиваться. Кто-то бросит им вызов, кто-то встанет на их пути. И я верю, что ты это уже сделал, Отец Богов.

Хрофт лишь неопределённо отмахнулся.

– Довольно слов, Скьёльд. Нам надо передать послание гномам. Подгорный Народ крепко хранит раз данные клятвы; ручаюсь, они смогут заполнить пустоту этих пока ещё не настоящих стен ничуть не хуже, чем в своё время Фазольт и Фафнер.

– Я могу, – вызвался Фенрир. – У меня это быстро. Одна нога… то есть лапа… там, другая уже здесь будет!

– Хорошо, племянник, – улыбнулся Старый Хрофт. – Ты, Ястир! Согласен ли ты тоже помочь мне?

– Странный вопрос, великий Ас. – В голосе бывшего Водителя Мёртвых скользнуло нечто наподобие усмешки. – Разве не встал я всем существом своим на твою сторону? Разве не связал свою участь с твоею?

– Хорошо, – кивнул Хрофт. – Тени асов освобождены Райной, но, боюсь, так просто связь с миром мёртвых не разрубить. Недаром даже мы, хозяева Валгаллы, в пору нашего полного

владычества над этим миром, не могли своей волей сделать кого-то бессмертным или вернуть душу из залов Хель. Руны могущественны, но кое в чём могут оказаться бессильны и они. Сможешь ли ты вновь пройти Чёрным Трактом, Ястир?

– Ястир не сможет, а вот Яргохор вполне себе пройдёт. – Былой сородич Ямерта вскинул видавший виды серый меч. – Что нужно добыть в тех краях?

– Когда я даровал дочери Локи власть над страной мертвецов, – медленно сказал Óдин, – я сам не знал мощь этого моего слова. Не ведал пределов той власти, что вручена подземному трону. Хель мертва и уже вернуть раз вручённое не сможет. Но ты, Водитель Мёртвых, поставленный Молодыми Богами меж двух миров, сможешь отыскать тропку к тому, что по-прежнему делает залы Хель тем, что они есть.

Ястир с сомнением покачал головой:

– Великий бог, я бессчётное число раз проходил Чёрным Трактом, бессчётное число раз спускался в Хель. Мне трудно уразуметь, что именно ты имеешь в виду и что я должен там отыскать. Быть может, нам следует отправиться туда вместе?

– Нет, – решительно отрубил Старый Хрофт. – Я никогда не был богом мёртвых, никогда не имел над ними власти. Вернее, пока имел – сам того не ведая, вручил её всю, без остатка, в руки Хель. Я не смогу помочь тебе там. Тебе придётся вновь сделаться Яргохором, друг мой, пусть и на короткое время.

– Я готов. – Ястир не колебался. – Что ж, постараюсь… хотя это больше походит на загадку из сказки, пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что…

– Ну, куда идти-то – вполне понятно, – заметил Скьёльд.

– Залы Хель обширны, – возразил Водитель Мёртвых. – К тому же там… должен быть непорядок. Души-то неприкаянны!

– Я уверен, что мой друг Хедин не оставил это без внимания. – Хрофт остался невозмутим. – Пусть это тебя не заботит, Ястир. Отправляйся немедля и возвращайся как можно скорее.

– С чем возвращаться? – не выдержал Ястир. – Может, там есть какой-нибудь скипетр подземного царства, или там корона Хель, или хоть что-то подобное? Что можно и впрямь найти и принести?

– Ну ты и шутник, Ястир, – усмехнулся Отец Дружин. – Разумеется, там нет никакого скипетра. И короны тоже нет. Хель оказалась первой, чья власть… не зависела от всяких там колец, молотов, щитов или копий. Даже таких, как мой Гунгнир. Единственное, чем смогу тебе помочь… разыщи трон, на котором восседала дочь Локи. Побудь там. Задержись, осмотрись. Пусть то

место само подскажет тебе, что способно окончательно разорвать путы души, вернувшейся из владений Демогоргона. Я сделаю всё, чтобы справиться с этим, если потребуется, и без твоего подвига, но… Если только тебе удастся отыскать… – Он покачал головой.

– Соборный Дух ведь никогда не имел отношения к царству Хель, так? – встрял Скьёльд, словно запамятовав о собственных словах, что богу, мол, не задают вопросов.

– Не имел, – подтвердил Один. – Залы Хель – наша работа, работа асов.

– Что ж, – пожал плечами Ястир. – Это уже лучше. Я не замедлю, великий бог. Заодно и… погляжу, не прислали ли Новые Боги кого мне на замену.

– Но всё-таки, может ли помочь великому богу Óдину скромный волшебник в моём лице? – осведомился Скьёльд. – Я помню изречённое тобой, великий бог, но дерзаю…

– Гм, я подумал и решил, что да, ты таки-сможешь мне помочь, и притом более всех, – без тени насмешки отозвался Старый Хрофт, и глаза чародея едва заметно сузились, словно он всё равно подозревал какой-то подвох. – Скоро сюда пожалуют гномы. Они большие мастера, но ещё бóльшие любители доброго эля. Без какового им никакая работа не в радость, даже возрождение Асгарда.

Глаза Скьёльда остались непроницаемы, голос – ровен и чуть суховат.

– Великий бог Óдин желает, дабы его верный слуга построил бы здесь пивоварню?

– Это уж как у тебя получится, – развёл руками Отец Богов. – Но доброе пиво на пустом месте не заваришь, лучше уж что-нибудь проверенное чтобы шло, из Восточного Хьёрварда.

– Желание великого бога будет исполнено, – поклонился Скьёльд.

Один фыркнул в густые усы.

– Всё кланяешься, Скьёльд? Всё стараешься меня убедить в собственном смирении? Брось, я уже говорил, у тебя такие вещи плохо получаются. Такие, как ты, жестоковыйные, поклоны класть да льстить не умеют. Не старайся. Тебе с роднёй нужно кое-что, и хорошо. Когда кому-то что-то нужно, с ним можно говорить. Можно торговаться, сделки заключать, по рукам ударить, слово исполнить. Плохо, когда никому ничего не нужно – как тогда понять, к чему они дело поведут?

– Да, нам кое-что нужно, – негромко ответил Скьёльд, глядя прямо в глаза Старому Хрофту. – Я счастлив, что великий бог понимает это.

– Чего ж тут не понять? – пожал плечами Отец Богов. – Но об

этом потолкуем после. Сейчас вот надо с пивом уладить.

– Мы способны помочь и бóльшим, владыка Асгарда.

– Очень может статься, что и поможете. Но всему своё время, Скьёльд. Слишком ты нетерпелив для… смертного, ставшего бессмертным.

– Мы не бессмертны, – запротестовал чародей. – Мы лишь научились обманывать смерть, отдалять её. Истинное бессмертие – удел богов, ну и истинных Перворождённых, а так-то…

– Не стоит играть словами, Скьёльд, – пожал плечами Отец Богов. – Истинное бессмертие, не истинное… Ты прожил уже множество человеческих жизней, вот о чём я. Пора бы и научиться терпению. Не спеши. Вы поможете, обещаю. И скорее, чем думаете.

– Но пока что нужно доставить пивка мастеровым? – Маг не смог спрятать насмешки.

– Именно, – невозмутимо кивнул Óдин. – Доставить пивка мастеровым, как только они сами тут появятся.

– А не думает ли великий бог, – сощурился Скьёльд, – что посылать, гм, волка-исполина передавать гномам волю возрождающего свою былую мощь Óдина – не лучшее дело?

– Гм, не ты ли меня уверял, Скьёльд, что «с богами не спорят»?

– Помилуй, великий Óдин, кто ж спорит с Асом Воронов? Ты послал Фенрира, такова твоя воля и так она пребудет, но… твой смиренный слуга, тщась как можно лучше услужить гос…

– Скьёльд. Прекрати. – В голосе Старого Хрофта слышались былые сила и власть.

– Повинуюсь. – Маг прикусил язык.

– Займись пивом, – бросил Отец Дружин с плохо скрываемым презрением; против ожиданий, Скьёльд истово закивал:

– Да, великий бог. Немедленно. Незамедлительно. Сейчас же…

Они все скрылись – Фенрир, Яргохор, волшебник Скьёльд.

Óдин остался один пред новосотворённым Асгардом – таким же точно, как в миг своего падения.

Или, вернее, почти таким же.

За ним не вздымался священный Иггдрасиль.

Всё, всё могла возродить рунная магия Старого Хрофта, но не Древо, что, согласно людской вере, скрепляло воедино небо и землю.

Губы Отца Богов скривились в ядовитой усмешке.

Он тоже вернётся, Иггдрасиль. Семя его будет посажено на месте прежнего – когда настанет время.

А пока…

Он обернулся к сбившимся вместе теням асов, напоминавшим сейчас туманный занавес, спустившийся на землю. Отыскал взглядом Тора – руки неукротимого сына Йорд покорно сложены на груди, веки сомкнуты.

– Ты станешь первым.

* * *

Райна продолжала восхождение. Она помнила обещание Трактирщика – «ты встретишь свою мать», но сейчас уже не слишком в это верила. Откуда возьмётся душа её матери здесь, на страшной высоте? – но и остановиться валькирия уже не могла. Вверх и вперёд! – что может быть естественнее для Девы Битвы?

И она поднималась. Поднималась, ощущая тёплый поток магии, касавшийся её щёк, видя то тут, то там ползающие тёмные тени головоногих, народа, убитого ею. Всё гуще становился поток призрачных останков, теперь она могла разглядеть детали – право же, слишком отвратные, чтобы описывать их подробно.

Их несло, несло, но время от времени поток вдруг отделялся от основного течения, и костяки скрывались в том, что со стороны могло бы показаться «дуплом», а на самом деле – чёрным провалом в… в ничто? Нет, бездны и Хаоса там не чувствовалось, однако Райна по здравому размышлению решила не приближаться. Саму валькирию всё сильнее захватывал восторг, восторг ожидания небывалой тайны, и теперь она уже не вспоминала ту золотую тропу с вратами и бородатых архонтов с их нелепыми посохами; всё это казалось теперь далёким, чуждым, несущественным.

Вершина Древа всё ближе и ближе. Ближе и ближе, порой валькирии чудилось, что ветви кончаются, расступаются и ей открывается небо – истинное небо, то самое «небо», куда «уходили праведные» в стольких сказках разных миров, что ей доводилось слышать.

Сейчас она даже не думала о головоногих, просто отмечала для себя очередной, проплывающий на расстоянии вытянутой руки костяк; вершина Древа притягивала, вытесняя всё, заполняя мысли и сознание валькирии.

Добраться. Подняться. Выпрямиться во весь рост, стоя над всеми мирами, какие только были, есть и будут, окинуть их взглядом, обозреть всё… и не спрашивать себя зачем.

Просто быть на вершине.

Время остановилось для Райны. Всё тоньше и тоньше становились ветви вокруг, всё прозрачнее листва; и настал миг,

когда мягко нёсшая её вверх сила вдруг ослабла, осторожно, с поистине материнской заботой опустив на нетолстую ветвь. Казалось немыслимым, но необъятный и необозримый ствол Древа истончился здесь до самого обычного, и над головой валькирии упиралась в незримый свод острая, словно шип, вершина.

Нет, здесь не дули срывающие голову ветры, не озарял какой-то особенный свет, и даже серое небо над Райной не стало ближе.

Не стало.

Но…

Валькирия зажмурилась, запрокидывая голову. Здесь, на страшной высоте, высоко над туманами мира, она вдруг вновь ощутила давным-давно забытое, тот чистый восторг, что охватывал Деву Битвы, вырывавшуюся из ворот Асгарда на верном скакуне.

Восторг юности, открытости и чистоты.

Дева Битвы помогает героям. Она не судит, не рядит, а герой для неё тот, кто храбро сражается, кто не щадит себя и презирает смерть.

Участь её высока и прекрасна – вести героя к вратам Валгаллы, от отчаяния, ужаса и боли – к величайшему его триумфу. От горя – к радости; от потерь – к обретениям; от старой жизни – к жизни новой и почти что вечной. Почти – потому что всех ждала конечная гибель Рагнарёка, однако это казалось настолько далёким, что юная валькирия Рандгрид об этом не задумывалась. Совершенно.

Потом это ушло, ушло навсегда. Ушло, когда над Боргильдовым Полем сгустилась тишина, когда затихли стоны умиравших.

Оно ушло, и вместе с ним ушла валькирия Рандгрид, Разбивающая Щиты. Так родилась Райна, наёмница; и валькирия, даже после встречи с отцом, не могла вновь ощутить именно этого чувства, этого дивного порыва в груди, окрылённости, невесомости, всемогущества.

Здесь, на вершине Мирового Древа, валькирия вновь стала собой.

Трактирщик, асы, Асгард и даже отец с матерью – могут чуть-чуть подождать. Совсем немного, самую малость, пока она постоит тут, на вершине, вдыхая полной грудью, пусть даже и сама она меж жизнью и смертью, и владения Соборного Духа – самое настоящее царство мёртвых.

Она стояла и стояла, то зажмуриваясь, то вновь открывая глаза. Дивные видения словно сами впитывались сквозь веки, вплывали в глаза, властно вступали в сознание. Взор Райны

проникал всё дальше и дальше, охватывая разом и близкое, и дальнее, вырываясь на простор Упорядоченного, оставляя позади смутные серые области, где они со спутниками недавно прорывались с боем; она вновь видела и дорогу мёртвых богов, видела и то место, где они оставили выведенные из Хьёрварда души; видела мёртвый мир, где они встретили Фенрира, – видела весь их путь.

Перед ней словно раскатили многоцветный бархат, с щедро рассыпанными по нему каменьями: опалами и яхонтами, бирюзой и агатом, рубином и смарагдом, хризолитом и халцедоном, адамантом и синим сапфиром.

Бархат уходил в бесконечность… за которой, однако, угадывался и великий предел. Предел, за которым кончалось всё, приведённое к порядку, всё, подчинённое закону, и где за огнистой полосой начинались владения Хаоса.

Даже мимолётно касаться их взглядом было мучительно, и Райна поспешно отвела глаза. Тем более что цветистый ковёр Упорядоченного послушно развёртывался перед ней, капельки огоньков словно вырастали, оказываясь скоплениями живых миров, и плоских, и имеющих вид шара. Она видела их скопления и цепочки, видела одиноко мерцающие искорки, видела всё буйство Межреальности; глаза её словно обрели волшебную способность во всех деталях различать всё, на что обращались.

Это было по-настоящему божественно. Всё, всё лежало у её ног, всё Упорядоченное до самого дальнего края; и валькирии казалось, что в сущем уже не остаётся ни тайн, ни секретов, ибо никакой тайне не остаться сокрытой, когда она, Райна, стоит здесь, на вершине Мирового Древа, обозревая, словно истинный Творец, свои владения.

Восторг, горячий и всепоглощающий, затопил воительницу. Цель достигнута, ничего большего уже не нужно и никогда нужно не будет. Достаточно замереть здесь, меж миром и небом, меж рождением и смертью, чувствовать струящийся сквозь тебя вечный поток Силы и наблюдать, просто смотреть на вечно изменчивую ткань Упорядоченного, вспоминая собственные метания там, в тварных мирах, со снисходительной усмешкой, как взрослый вспоминает собственные детские игры.

Она добилась всего, она достигла цели, она воплотилась, сделавшись той, кем единственно и достойно сделаться живому существу, неважно, смертному или бессмертному.

Осталось только внимать и вбирать.

Отец?.. Что-то такое там, да, смутное. Мать? Ну да, ну да, Райна вроде б направлялась сюда… или нет?

Нет конечно же. Что значит всё мирское и суетное пред этой

картиной? Пред миллиардами миллиардов судеб, что могут развернуться перед ней? И, кто знает, может, она сумеет не только взирать, но и менять?

Сила, тёплая Сила вливается в вены, мягко распространяясь по всему телу. Валькирия забыла о высоте и времени, она бессмертна и неуязвима, и таковой пребудет вовеки.

Интерлюдия 4

Путь по тёмной пуповине начинал казаться Аррису и Ульвейну поистине бесконечным. По их собственному счёту, по счёту дней Обетованного, которым пользовались подмастерья Хедина, уже миновало добрых две недели. Эльфы не испытывали нужды ни в еде, ни в питье, всего – благодаря магии – взято было с преизлихом. Если что им и грозило – так это помереть со скуки, ибо сражаться тут оказалось совершенно не с кем, как и разгадывать какие бы то ни было секреты и тайны. Они по-прежнему шли словно по тоннелю, мягкому, но очень прочному, не дававшему им удалиться хоть сколько-нибудь далеко от оси потока.

Скорость течения Силы всё нарастала, хотя теперь уже не так быстро – магическое русло сужалось по-прежнему.

Эльфы почти не говорили. Ими обоими овладевала странная и глухая тоска, точно не выполняли они особо важное, небывалое, никому ещё не выпадавшее задание самого повелителя Ракота, а тащились чистить орочьи отхожие места.

– Ещё немного, и стану словно какой-нибудь гном, – простонал наконец Ульвейн. – Словно гном, перебравший эля, или – что там у них ещё? – гномояда, и теперь только и ждущий повода помахать кулаками. Дожили, нечего сказать!

– Да уж, о быкоглавцах вспоминаю с нежностью, – буркнул Аррис.

Тёмный эльф сидел скрестив ноги и закрыв глаза. Последнее время он впадал в это состояние всё чаще и чаще, после того как они с Ульвейном, как заведено, «возглашали хвалу Аэтеросу», готовясь отойти ко сну.

Спутник Арриса, всё замечая, однако, не задавал товарищу вопросов. Эльфы строго хранили право каждого на известные странности – ровно до того момента, пока они не начинали мешать другим.

Аррис же упрямо и упорно, несмотря ни на что, пытался повторить тот путь, на который они ступили с Гелеррой – перед самым исчезновением гарпии. Он пытался пройти дальше, встать на загадочный золотой луч, что озарял Аэтероса в их видении, и всякий раз терпел неудачу.

Видение повторялось раз за разом. Всё так же стоял на утёсе одинокий Хедин, Познавший Тьму, всё так же тянулся, исчезая в поднебесье, загадочный луч. Аррису приходилось признать, что вдвоём с Гелеррой всё получалось куда проще. Сейчас же он лишь тратил силы в бесплодных попытках, но не давал себе ни

отчаяться, ни даже впасть в раздражение.

Познать Познавшего, и никакие «пиявки-зомби», присосавшиеся к Источнику Мимира, его не остановят. Гелерра рано или поздно найдётся – адата слишком хороша, чтобы просто так сгинуть, – и они двинутся дальше уже вдвоём, чтобы преподнести в один прекрасный день всем, вставшим под знамёна Аэтероса, этот поистине божественный подарок.

– Быкоглавцы… – мечтательно протянул Ульвейн, старательно не замечая позы и отрешённости спутника. – Милые, славные ребята. Честное слово, поставил бы им пива. Или чего покрепче – что они там пьют?

Аррис не ответил, да его товарищ и не ждал ответа. Ульвейн тоже устроился поудобнее, привалившись к незримой, но упругой и неразрывной стене канала – или, если правильны их догадки о «пиявке-зомби», к стенке её желудка.

Друг сам всё скажет, когда захочет.

…«Наутро», когда они двинулись в путь, ток магии внезапно ускорился. Долгие дни он оставался постоянен, возрастая лишь самую малость, – а тут вдруг властно толкнул в спины, словно ему надоело это дерзкое вторжение.

Стены кишки сходились. Вскоре уже можно было коснуться их, просто стоя в середине и раскинув руки.

– Наконец-то! – прошипел Ульвейн. Эльф повёл плечами, сжал и разжал кулаки. – А то уж думал, никогда не доберёмся!

– Добрались бы. Рано или поздно. – Аррис вышел из всегдашней своей задумчивости. – Но поразмяться бы и впрямь неплохо…

– Повелитель Ракот дал на этот счёт исчерпывающий приказ, – усмехнулся Ульвейн.

– Разумеется! И мы его, само собой, не нарушим! – подхватил Аррис. – Но, сам понимаешь, мало ли что может случиться и пойти не так…

«Не так» всё пошло очень и очень скоро.

Напор силы в спину, доселе хоть и весьма ощутимый, но беспокоивший не более обычного, пусть и крепкого, ветра, – стал нарастать и нарастать, нарастать стремительно.

Так, что очень скоро эльфы уже не могли держаться на ногах.

Вокруг пуповины быстро сгущалась темнота, окружающее тонуло в серых тенях; Межреальность пугливо, словно лань, отступала перед торжествующим мраком, густым, глубоким, непроглядным.

Впереди тоже сдвинулась темнота, закрыла дорогу, встала заслоном, словно разбойник в проулке. Ульвейн оскалился, одну стрелу наложил на тетиву, другую взял в зубы, Аррис потянул из

ножен тонкий клинок, изукрашенный голубоватыми рунами.

Ученикам Аэтероса не привыкать идти грудью на затаившуюся тьму.

Во всяком случае, они очень любили так о себе думать.

– Сжимается! – крикнул Ульвейн.

Стены прохода сходились всё теснее, вот они уже упёрлись эльфам в плечи, так, что приходилось протискиваться боком. Волной плеснулся в груди ужас – а что, если они так и застрянут здесь? Застрянут и не смогут двинуться?

Ульвейну пришлось опустить лук, Аррис с трудом всунул меч обратно в ножны; тонкие пальцы тёмного эльфа сплетались и расплетались, готовясь пустить в ход магию – благо её тут было с преизлихом.

Поток Силы сделался обжигающим, он рвал волосы, горячей бритвой проходился по щекам; свет померк окончательно, эльфов поглотила полная и абсолютная тьма. Исчез даже просвет у них за спинами; мрак одержал окончательную победу.

– Всё, – крикнул Ульвейн, ворочаясь и что-то ощупывая перед собой. – Всё, некуда дальше уже! Стена!

Аррис прошипел эльфийское проклятье.

– Где у этой пиявки, э-э-э, задница? – как сказал бы Арбаз…

– Портал, Ульв, портал!

– Какой ещё портал?!

– Альвийский!

– Чего? – Ульвейн в тот миг совершенно серьёзно подумал, что друг-соперник помешался.

– Альвийский! Аэтерос рассказывал – альвики пытались создать такое, чтобы странствовать по Альвланду, «не теряя времени».

– И что? У них же ничего не вышло?

– У них – нет, а у нас, глядишь, и получится! Заклятия-то, скорее всего, правильные были, просто силы не хватало. А тут…

– Понял! Ну, брат, ну, голова!..

– Да-да, «как сказал бы Арбаз». Погоди, надо попытаться прощупать, свободное ли пространство тут за стеной…

– Скорее, Арри! Сжимается!..

Стены и в самом деле сдавили их ещё сильнее – словно какой-то великан с обеих сторон сжал исполинскими ручищами кишку пуповины.

Ах, как пьяняще-легко творились тут заклятия! Чары строились словно сами собой, поток Силы прощал ошибки, небрежности и спешку, великодушно похлопывая по плечу, мол, давайте, давайте, а лоск дома наводить станете.

Пустота. За стенами мрака была пустота, уверенно

утверждали заклятия, не находя, от чего отразиться.

– Шшшкорее! – прошипел Ульвейн; его сдавило уже всерьёз.

Аррис, как мог, упирался плечами, пытаясь отвоевать хоть сколько-то пространства для жеста. Здесь не вычертишь магическую фигуру, не проведёшь ритуал, здесь можно лишь работать с потоком чистой Силы – жестом. Мыслеформы доступной эльфу прочности такой ураган дикой магии порвёт в клочья, как паруса в шторм.

– Есть!

Арриса скрутила судорога жестокой боли, раскалённые иглы вонзились в тело, однако давящие тиски ослабли, а прямо перед эльфами запылало колышущееся овальное окно портала. Альвийские чары сработали, сработали, несмотря на спешку, срезанные углы и небрежные сопряжения. Нигде больше это бы не выгорело, но здесь накатывающий девятый вал свободной магии подхватил утлую лодчонку заклятий Арриса, перенося её через все камни с рифами.

Обдирая бока, Аррис рванулся к раскрывшейся двери. Оттуда хлынула волна яростного жара, словно от кузнечного горна, но выбирать уже не приходилось.

– Аааааргх!

Прикрывая лицо согнутым локтем, Аррис нырнул в портал, следом за Ульвейном…

Жар и темнота, сквозь которую едва пробивается мутно-жёлтый свет. Качающиеся пятна фонарей. Запах горячего железа, смазки, гари и нелепого, совершенно не вяжущегося со всем остальным – благоухания роз.

– Уффффф… – Ульвейн выпрямился рядом с Аррисом, растирая шею и плечи. – Хуже, чем в объятиях кракена. Чуть не задушило, спали меня Ямерт… Так, и где ж это мы?

Мрак рассеивался. Вернее, он лишь чуть-чуть отступил, отполз в стороны, затаился по углам.

Аррис и Ульвейн оказались в просторном зале, полутёмном, освещённом дюжиной светилен, закреплённых по стенам; желтовато-зелёный нездоровый свет разливался по грубо склёпанным вместе железным листам, заменявшим пол. Тем же тёмным железом были выложены и стены, и потолок.

– Пахнет, словно у гномов в кузне, – шёпотом заметил Аррис, вновь вытаскивая меч.

Ульвейн покачал головой:

– Кузня тут точно есть, и какие-то машины – осадные, наверное, – тут и в самом деле ладят. Но есть и ещё что-то… не могу понять… не уловить… – Он раздражённо скривился, не в силах подобрать слова.

– Смотри, – толкнул его Аррис.

Там, где только что угасло сияние спасшего им жизнь портала, из мрака проступали скупо освещённые странными лампами детали какого-то явно магического устройства поистине циклопических размеров.

Кристаллы всех цветов радуги в зажимах чёрного металла, оплетённые проводами и трубками, горелки со странным голубоватым пламенем. Огромные поршни медленно поднимались и опускались в стеклянных цилиндрах, перегоняя клубы пара – желтоватого, зеленоватого, алого.

Дрожали тонкие струйки огня на тщательно вырисованных и прикрытых стеклянными колпаками магических фигурах, на первый взгляд казавшихся мешаниной изломанных линий, совершенно не похожих на строгие симметричные многолучевые звёзды из арсенала учеников Аэтероса; горели огни под мрачного вида алхимическими колбами, пар поднимался по змеевикам, охлаждаясь, капли перегнанного стекали в иные сосуды, зубчатые передачи и шкивы приводили в движение механические клешни, из дозаторов капли падали на дымящиеся, изъеденные камни.

И всё это тянулось на десятки, если не на сотни локтей, теряясь в темноте, куда уже не достигал свет мрачных ламп.

Оба эльфа дружно поморщились – милую сердцу гномов машинерию, вплоть до ветряных или водяных мельниц, Перворождённые не жаловали.

Ту самую «пуповину» они не видели. Она исчезала где-то среди цилиндров, горелок, колб и реторт.

– Безумный алхимик… – прошипел Ульвейн. – Безумный алхимик такое только устроить мог…

– Вот сейчас и узнаем, кто тут заправляет, – в тон ему отозвался Аррис.

По всем канонам легенд и преданий, им надлежало сейчас оказаться в самом сердце мрачной вражьей крепости, где на чёрном троне восседал чёрный же властелин; порой это так и оказывалось, кое-кто из Безумных Богов во время приснопамятного восстания обустроил свои владения именно в этом стиле.

Прямо перед ними в стене из железных листов виднелась дверь; за нею угадывался скупо освещённый коридор, ведущий вдоль чудовищной магическо-алхимической машинерии.

Пусто, тихо, не снуют вокруг никакие подручные главного злодея, да и самого злодея не ощущается.

Аррис и Ульвейн крадучись пробирались по безлюдному коридору, стены его были всё так же склёпаны из грубо прокованных чёрных железных плит. Ещё одна дверь вывела их в

следующий зал, ничем не отличавшийся от первого. Те же стены слева, та же магическая машинерия справа.

И – никого.

Дверей наружу – чем бы это «наружу» ни оказалось – тоже не встретилось.

– По кругу идём, – проговорил Аррис.

– Угу. По о-очень большому, но кругу, – согласился Ульвейн.

– Значит…

– Надо к середине. – Спутник Арриса махнул рукой, указывая прямо на жуткое переплетение стеклянных труб, жаровен, цилиндров с поршнями, магических фигур и прочего.

Друзья остановились.

Да, увиденное завораживало. Кто-то, не жалея ни сил, ни времени, возвёл колоссальную машину, колоссальный магический конструкт, но вот зачем и для чего? Что она делала с невиданным потоком Силы, отведённой прямо из Источника Мимира?

– Интересно, – Аррис присел на корточки, вглядываясь в мешанину трубок, проводов и приводных валов, – для чего им потребовалось лезть именно в Источник? В Упорядоченном немало мест, где потоки силы весьма, скажем прямо, значительны. Давно известны чары, позволяющие собирать и концентрировать магию, этим в зачатках владели даже шаманы в совершенно диких племенах.

– Скорее всего, торопятся, – пожал плечами Ульвейн. – На такое медленное собирание нужна уйма времени.

– Источников всего три, Ульв. Заметить там такое…

– Не смог никто, – перебил Ульвейн. – Потребовался сам повелитель Ракот. Где при этом был Мимир – одному Ямерту ведомо. Может, спал или упился крепким элем. Нет, Арри, всё задумано очень правильно. Все так привыкли, что Источники – под надёжной охраной, что к ним не подступиться, что с ними ничего не сделать… и вот, пожалуйста.

– Если б «они» – кто б это ни оказался – устроили себе логово в укромном уголке Упорядоченного и тихо копили б себе силу, их бы не заметил никто и никогда, – не согласился Аррис. – Ведь Безумных Богов тоже не замечали, пока у них не случилось, как говорится, головокружения от успехов.

– Безумные Боги по сравнению с этим – тьфу, плюнуть и растереть, как сказали б наши друзья-гномы. Арри, ты что, не видишь? Есть такая сила, такая мощь, которую по капле не собрать.

– Почему это? Запруди даже малую речку, и скоро у тебя будет хороший такой мельничий пруд, жернова вертеть…

– А если, – надвинулся на друга Ульвейн, – если нужно не жернова? Или такой тяжести, что обычного водяного колеса не хватит? Если нужно гигантское? И запруди ты хоть все реки одного мира, всё равно не заставишь его провернуться?

Аррис недовольно дёрнул плечом, продолжая рассматривать бесконечные ряды разнообразнейшей машинерии.

– Тут и за год не разберёшься, к чему это, – проворчал он, очевидно, признавая правоту товарища. – Может, и в самом деле… очень, очень много нужно было им этой силы, силы, сжатой до предела, чтобы быстрее… вот только что должно случиться «быстрее»?

– Вот и узнаем.

– Угу. Если нам позволят тут долго ползать.

* * *

Ракот Восставший ощутил чужое присутствие резко, мгновенно, одним болезненным толчком. Словно плот, спокойно плывший по ровной речной глади, налетел на подводную корягу, коварно выставившую к поверхности загребущие руки-корни.

Здесь, совсем близко к вершине Древа, он ощущал малейшие изменения и колебания в потоках Силы особенно остро. Позади осталось то, что казалось лигами, и лигами распростёршихся очень далеко ветвей, однако постепенно они исчезали, ствол Древа утончался, обернувшись наконец невообразимо острой иглой, наподобие той, что использовал сам Ракот, отправляясь в эти края.

Поток возносившей Восставшего силы не иссякал. Древо жило ею, направляло её ток, сила струилась по каждой его ветви, давала расти каждому листку. Здесь заканчивался путь и возносимых этим потоком костяков – последние из них втягивались в едва заметные трещины и разломы коры, да так, что Восставший готов был поклясться, что видел, как трещины эти специально раскрывались, словно губы, чтобы поглотить очередной скелет.

Ракот только и мог, что качать головой, – он понимал, что перед ним грандиозная, величайшая иллюзия, невероятный и невообразимый обман, но пробиться к истине, к тому, что крылось за этими картинками, не мог даже он, Новый Бог Упорядоченного.

От его глаз не укрылись ни ползавшие по ветвям головоногие существа, бывшие, как он понял, чем-то сродни обычным гусеницам-листоедам, но всё-таки не совсем простыми – жрали

они не всё подряд, а что-то придирчиво выбирали.

Видел он и подхваченные потоком призрачные костяки. Видел, как изменяет их Сила, превращая во что-то совершенно новое, исполненное злобы и ненависти к живому, но не мог понять – для чего?

Сейчас, впрочем, это всё отступило. На самой вершине Древа Ракота кто-то ждал, и Восставший невольно сжался, готовясь к любому исходу.

Окажется ли это хитроумный Орлангур? Или сам Демогоргон снизойдёт наконец для прямого разговора?

…Однако на вершине, касаясь одной рукой тонкого здесь ствола, на прогибающейся ветви, стояла девушка, плотно зажмурив глаза.

Высокая и статная, настоящая богатырка, в полном вооружении – кольчуга, круглый щит, длинный меч у пояса. Из-под шлема выбивались светлые волосы воительницы; доспехи её казались чуть ли не нарочито простыми, видавшими виды.

Отличался только меч. От него за версту разило альвийскими чарами, а альвиков Ракот Восставший, надо сказать, недолюбливал. Уж слишком хитры, уж слишком себе на уме; если и помогают тебе – значит, наверняка имеют свою собственную выгоду.

Впрочем, чтобы узнать незнакомку, Ракоту не потребовалось много усилий, особенно здесь, на вершине великого Древа. Текучая Сила словно высветляла сущность каждого сердца и каждого существа.

Перед Восставшим была валькирия, дочь древнего бога Одина и смертной женщины, Дева Битвы.

Та самая, которую Старый Хрофт нашёл после схватки на Утонувшем Крабе и с которой скрылся от Новых Богов на долгое время.

Что она тут делает? Как оказалась? Как проникла так глубоко в царство смерти?

Восставший мягко ступил на соседнюю ветвь.

И, как и Райна до этого, замер, окидывая взглядом всё открывшееся ему Упорядоченное.

Как и перед ней, пред Ракотом развернулось дивное полотно, расшитое сверкающими каменьями миров, полыхающее огнями бездонных провалов, радующее вечно изменяющимися равнинами Межреальности.

Но, в отличие от Райны, Восставший лишь кивнул с лёгкой печалью.

Да, Сущее прекрасно, но он, Ракот, здесь не просто так.

Собственно говоря, сама валькирия, даже и с альвийским

мечом, не была столь уж важна. Её стоит расспросить, но у Восставшего было дело поважнее. Разговор с Мимиром закончился ничем, и Ракоту предстояло самостоятельно получить ответы на всё, с чем он явился во владения Соборного Духа.

Валькирия стояла замерев, не замечая Ракота, целиком и полностью уйдя в какое-то непонятное никому, кроме неё самой, видение.

Восставший подождал какое-то время, а затем перешагнул, встал на ту же ветвь, что и Райна, и осторожно тронул воительницу за плечо.

* * *

Знай об этом Хедин, Познавший Тьму, он, наверное, удивился бы, что взору стоявших на вершине Мирового Древа открыто всё Упорядоченное, кроме, как ни странно, ближнего преддверия владений Великого Духа, где сейчас и кипела битва – отряд подмастерьев Хедина атаковал исполинский конструкт, возведённый Дальними, тот самый, что открыл дорогу Райне в пределы Демогоргона и который позволил ей вывести оттуда тени асов.

Зелёные кристаллы осыпал сейчас град белооперённых эльфийских стрел, следом за ними торопились огнешары, вырвавшиеся из гномьих бомбард; творения Дальних пока что держались крепко, не поддаваясь, однако из глубины их поднимались к поверхности смарагдовые сполохи.

Сам Познавший Тьму замер в кольце своих собственных кристаллов, возведённых словно в ответ на творения Дальних. Мол, подобное побеждаю подобным, высшую степень порядка – высшей же степенью.

Сигрлинн застыла подле него, неотрывно глядя на быстро мелькающие руки Нового Бога. Нечасто Хедин прибегал к магии жеста, словно вспомнив незабвенные времена славы их Поколения.

– Ты их вскрываешь, – проговорила волшебница с редким в её устах восхищением. – Им некуда деваться, слишком многое вложили в эту пирамиду, слишком много нагнали своих каменюк.

Хедин молча кивнул.

– Я слежу, всё запечатлено, – продолжала волшебница. – Но как же ловко, как они глубоко запрятались!.. Из нас никто так далеко не забирался, разве что Мерлин…

– Ещё Ракот, – отрывисто бросил Познавший Тьму. – Когда искал своё «абсолютное оружие», а нашёл Неназываемого.

– И где-то там же Дальние… – проронила Сигрлинн. – Да, ради одного этого стоило всё это устроить. И…

– Что «и»?

– И чтобы понять, что старик Óдин тебя предал.

– Ты опять? Он же просто хотел…

– Я знаю! – запальчиво перебила чародейка. – Знаю, говорено уже! Правда в том, что сейчас он – вместе с Дальними, помогает им, а они – помогают ему. И кто знает, сумеем мы удержать всё это вместе, или… – Она вдруг оборвала сама себя, а пальцы её замелькали чуть ли не быстрее, чем у Познавшего Тьму. – Отвечают! Отвечают! Смотри, смотри, откуда Сила идёт! Ого, какой поток! Даже не поток, нет… что это? Зарождение? Из ничего?

– Не из ничего, – поправил Познавший Тьму. – С изнанки Упорядоченного.

– Красивое словечко, вот только… – Сигрлинн наморщила лоб, всматриваясь в последовательности символов и рун, вспыхивающих с частотой праздничных шутих.

– Оттуда, где Ничто обретает иную форму, – бросил Хедин. – Неудивительно, что мы никогда не могли по-настоящему зацепить их. Только то, что оказывалось… манифестировано у нас.

– А зачем им Хрофт? При такой-то мощи?

Хедин промолчал, лицо его нахмурилось.

– Они сманили его, они вернули ему асов. – Руки Сигрлинн опустились, она больше не следовала за прихотливыми извивами заклинаний. – Он предал тебя – да, предал, не спорь! Но что дальше? Что они смогут с ним сделать? Накачать силой до предела и отправить против тебя? Но… зачем такая сложность? Попытка обойти Равновесие? Найти кого-то с… – Голос её вдруг сделался сухим и жестяным, словно она испугалась собственных слов: – Кого-то, у кого есть причина враждовать с тобой? Причина тебя ненавидеть… с-справедливая п-причина?

– Ты побледнела. – Познавший Тьму глядел на свои кристаллы, только на них одних. – Тебя это пугает?

– Пугает, что я побледнела? – попыталась было отшутиться чародейка, но вдруг, не выдержав, сжала кулаки, лицо её исказилось. – Да! – с неожиданной яростью прошипела она. – Да, мой дорогой Хедин, пугает! Эта проклятая «справедливая причина»… и пугает куда больше, чем когда те же Дальние сумели… меня… гррр! – Она зарычала. – Меня пугает, что я не понимаю, ни что ты задумал, ни почему не говоришь мне об этом ни слова. Хрофт предал тебя – ты лишь качаешь головой и улыбаешься! Если думаешь, что это выходит «загадочно» или

«многозначительно», должна сказать со всей прямотой – нет! Глупо это выходит, Хедин, просто глупо, и всё тут! Чего ты молчишь, что за секреты?! Решил, что они от меня, э-э, ускользнут куда-то? Я кому-то проболтаюсь? Или… – глаза её совсем сузились, – я изменю, как Хрофт?!

– Спокойно, Си. – Познавший Тьму словно и не слышал гнева волшебницы. – Дальние показали себя, показали, как никогда не показывали прежде. Залог Эйвилль… едва ли они могли предвидеть, как мы с ним обойдёмся.

– Хе-дин! Ты оглох? Или ослеп? Или разом поглупел? Или всё перечисленное вместе?!

– Чуть позже, Си. Хорошо? Лишь чуть-чуточку позже…

В кристаллах длилась и длилась дикая пляска рун. Любой из народа Читающих умер бы от зависти при едином взгляде на происходящее.

* * *

– Ну, и что теперь? – Аррис обессиленно привалился к железной стене. Эльф дышал тяжело, с хрипотцой, словно с усилием проталкивая здешний воздух сквозь лёгкие.

– Надо возвращаться. – Ульвейн лежал рядом, прямо на полу, словно выброшенный на берег штормовой волной, отдав все силы борьбе с морем. – Больше мы тут ничего не узнаем.

– Да. – Аррис потёр тыльной стороной ладони сухие трескающие губы. – Умельцы ладили. Не нам с тобой чета, как ни прискорбно.

– Угу, – согласился его спутник. – Ходили мы тут с тобой, ходили, ничего не выходили.

– И ни одно из заклятий познания не сработало.

– Аэтеросу будет о-очень интересно про всё это узнать, – со злой досадой протянул Ульвейн. – Кто-то сумел создать нечто закрытое даже от его чар!..

– Просто потому, что мы – не Аэтерос, – возразил Аррис.

– Вспомни хоть один раз, когда эти заклятия не срабатывали, друг.

– Гм… – Аррис насупился. Друг Ульвейн был совершенно прав. Даже Безумные Боги не смогли создать защиты против Аэтероса. Конечно, оставались Дальние… но это, как говорится, особый случай.

– Мы не стали ничего тут рубить, взрывать или жечь, – продолжал Ульвейн. – Первое правило Аэтероса – если не можешь представить себе последствий, не начинай. Все замеры, что мы

могли сделать, сделаны. Надо возвращаться.

– Ты знаешь как? Сможешь войти обратно в пуповину? – Аррис старался сдержать гнев, но получалось это у него плохо.

– Повелитель Ракот явно считал, что мы на это способны.

– Повелитель Ракот! – Аррис хотел сплюнуть по-гномьи, но вовремя остановился. Нельзя оставлять следы, особенно такие. – Повелитель Ракот не думает ни о ком, кроме лишь себя и своей славы. У нас в роду помнят его Восстание; его безжалостность, как он шёл к от одной победы к другой по трупам тех, что встали под его знамёна!

– Брось, Арри, – усмехнулся Ульвейн. – Мы все любим Аэтероса. Но не переходи грань, мой тебе дружеский совет.

Аррис лишь ещё больше насупился.

– Аэтерос стоит один, – тихо проговорил он, глядя на железную стену прямо перед ним. – Держит на плечах всё Упорядоченное, не даёт ему сорваться в ничто и хаос. А все остальные… все эти «Силы», все эти «великие сущности» только и делают, что в лучшем случае пакостят по-мелкому! Даже Ракот. Он ведь Бог, Новый Бог, изначально – по идее – равный Аэтеросу. А чем кончилось?

– Думаешь, – выразительно повёл рукой вокруг себя Ульвейн, даже приподнявшись для этого на локте, – здесь подходящее место для таких споров? Я понимаю, ты злишься, Аррис. Поверь, я – тоже. Все эти коридоры… мы ведь так и не нашли выхода. Ни обычного, ни замаскированного.

– Или наши чары сплоховали и тут, – буркнул Аррис.

– Я бы скорее поверил, что сюда открывают порталы, – сдержанно проговорил Ульвейн, не желая спорить с раздражённым другом. – Потому что отсюда нет не только выхода. Куда девается вся вливаемая сила Источника? Что с ней происходит?

– Кто-то превзошёл нас в понимании природы Силы. – Аррис, похоже, окончательно нырнул в глубины меланхолии.

– Хватит, друг мой, – резко бросил Ульвейн. – На тебя это не похоже. Надо решать – или мы уйдём тихо, или оставим тут кой-какой гостинец. Чтобы творцы всего этого чуда повозились бы потом, восстанавливая всё, как было.

– Я против, – сразу отозвался Аррис. – Если нашего вторжения не заметили – тем лучше.

– Согласен, – кивнул Ульвейн. – Если же заметили и ничего не предприняли – значит, считают, что мы ничего тут учинить не сможем.

– Вернуться к Аэтеросу с известиями куда важнее, чем что-то тут «учинять», – согласился Аррис. – Осталось только решить –

как нам отсюда выбираться.

– Ничего особого не придумаешь – тем же путём, что и сюда, – вздохнул Ульвейн. – Против течения.

– Ничего. Лишь бы оказаться в Упорядоченном, где угодно, – приободрился Аррис.

– Тогда пошли.

Нескончаемыми коридорами, что вели вдоль всё той же надоевшей уже магической машинерии, эльфы возвращались «обратно» – к тому месту, где им удалось вырваться из давящих объятий тёмной пуповины.

Они ничего не опасались. Соблюдали всегдашнюю осторожность, да – но не опасались. За все дни, что они провели в железном чреве неведомого монстра (гномам, Арбазу с Креггером, тут бы точно понравилось!), им не встретилось ничего живого. Мёртвого, впрочем, не встретилось тоже. Равно как и дозорных заклятий. Хозяева этого места, похоже, пребывали в полной уверенности, что вне их воли тут никто и ничто появиться не сможет.

– Здесь. – Аррис остановился.

– Ага, здесь. – Ульвейн отозвался, просто чтобы отозваться, железные стены и потолок монстра давили, и справляться с этим привыкшему к просторам эльфу было нелегко, даже если он – ученик самого Аэтероса.

– Если кому-то захочется нас остановить, самое время, – пробормотал Аррис, разминая тонкие пальцы. – Чувствуешь, какой поток?

Поток ощущался. Сжатая до игольной тонкости струя Силы покидала протянувшуюся от самого Источника Мимира пуповину, вливаясь в недра железного чудовища. Колебания ощущались совершенно чётко и явственно, несмотря на все барьеры и преграды. Поймать ритм этих колебаний, расшатать стены здешней реальности и войти обратно в тёмный поток – ничего иного Аррису и Ульвейну не оставалось.

Толчок силы, выбивающийся из постоянного и мерного биения хлещущего сквозь пуповину потока, они ощутили разом. И так же разом схватились за оружие.

Хозяева решили-таки показать себя.

Да, портал, как и подозревал Ульвейн. И не один – сразу три.

Из двух рванулись хорошо знакомые подмастерьям Аэтероса быкоглавцы, закованные с головы до ног в тяжёлую броню, явно в подражание гномам. Из третьего – вывалилась сразу дюжина коротышек, донельзя похожих на соплеменников приснопамятной чародейки Орши, взятой в плен ещё тогда, в Хьёрварде.

У них уже были наготове заклятия.

Стрела Ульвейна мелькнула первой, белые перья на лету обращались в секущие лезвия призрачного пламени. Оголовок вспыхнул багряным, пробил грудь самого храброго быкоглавца, пронзил насквозь массивное тело, вырвался из спины, ударил в латы следующего бойца, и полёт его оборвался лишь в броне четвёртого по счёту четырёхрукого воина.

Аррис, напротив, выхватил длинный и тонкий меч, в левой руке эльфа появился кинжал, но отнюдь не для обороны: острия двух клинков заплясали, сталь отражала, поворачивала и направляла дармовую здесь магию, и рухнувшие было на Ульвейна с двух сторон массивные топоры быкоглавцев бессильно отскочили от прикрывшей эльфа незримой стены.

– Маги! – выкрикнул Аррис; Ульвейну не требовалось лишних пояснений.

Белые лопасти огня разворачивались за пущенной эльфийской стрелой, их лезвия резали с равной лёгкостью воздух, сталь и плоть. Успев сделать один полный оборот до того, как врезаться в стену, стрела оставила на своём пути жуткое кровавое месиво, из которого торчали острые срезы белых костей, рассечённые без единого, даже самого мелкого скола.

– Назад, глупцы! – рявкнул Ульвейн на языке быкоглавцев. Слов подмастерья Познавшего Тьму успели выучить не так много, и всё по большей части – насчёт драки, сражений, оружия, доспехов, ну и ещё еды.

Слова «любовь» у бедолаг не было совсем. Точнее, его не употребляли воины, рвавшиеся навстречу собственной смерти, как на праздник.

«Порталы, надо закрыть порталы!» – Аррис лихорадочно искал управляющие заклятия. Они должны быть, не могут не быть – при такой-то мощи! Искать – и в то же время держать щит над Ульвейном, – тёмный эльф ощущал, как его собственное сознание смывается, затопленное потоками силы, которые он, не сдерживаясь, сам пустил в себя.

Маг-функция, маг, сделавшийся придатком собственного заклинания – или заклинаний, как сейчас. Это как прыжок в бездну – вот только что ты стоишь себе на обрыве, любуясь открывшейся тебе беспредельностью, и вот ты уже летишь вниз, и ужас смешивается с верой в собственные чары, что не дадут, не позволят тебе разбиться.

Но против них сейчас оказались не просто туповатые, хоть и сильные быкоглавцы, не просто колдуны из дикого мира, сами по себе (и на себе) оттачивавшие убийственные чары. За быкоголовыми бойцами, за маленькими чародеями, сородичами Орши, стояла ещё чья-то воля – хозяев этого места.

Холодная рука потянулась к горлу Арриса, бесплотная и незримая. Её, в отличие от стали, защита остановить не могла. Колдуны в коричневых плащах не тратили время на воплощённое, вроде огня, льда или молний. Невидимая сила пыталась остановить сердце эльфа, пресечь его дыхание – приказывала ему умереть, лишь немногим не доходя до истинной некромантии.

– Врёшь, не возьмёшь! – только и прохрипел Аррис. Защищавшая Ульвейна сфера сгустилась, подёрнулась молочно-белыми прожилками, так напоминавшими вены на собственной ладони эльфа. Холодная рука на его горле чуть разжалась, потом ещё чуть-чуть; отодвинулась – Аррису казалось, он видит судорожно дёргающиеся костлявые пальцы.

– Врё!.. – И подавился, потому что ледяной кулак врезался ему в подбородок, пробивая защиту.

Нет, он не пропустил удара, враг не сумел обмануть его ловким финтом – просто очередное заклятие коротышек прорвалось сквозь все поставленные Аррисом заслоны.

От подбородка по щекам рванулись тысячи льдистых многоножек, боль… – Боль он опередил, успел задавить неистовую гадину прежде, чем та вгрызлась ему в сознание.

Учеников Аэтероса взять не так просто, особенно рядом с таким кладезем силы.

Третья стрела Ульвейна сорвалась с тетивы, готовая обратить всё на своём пути в бесформенную кашу из мышц, кожи и костей, но вместо этого вдруг рухнула на железный пол, извиваясь и шипя. Наконечник сделался головой змеи, пасть раскрылась, с пары тонких, но игольчато-острых клыков сорвались капли яда.

Одна из высших трансформаций, едва ли мыслимая где-то ещё.

– Аррргх! – Ульвейн вдавил каблук сапога в железную плиту, раздробив череп созданию, миг назад бывшему его собственным смертельным оружием.

«Долго нам не продержаться», – вдруг с холодной чёткостью понял Аррис. Нужно было погасить порталы – потому что сквозь них один за другим возникали новые и новые быкоглавцы с коротышками-магами.

Ульвейн, однако, отступил лишь на один шаг, а с его тетивы одна за другой сорвались три стрелы. Одну коротышкам удалось сжечь в полёте – ценой полудюжины своих, оказавшихся слишком близко ко вспышке, другая смела четвёрку быкоглавцев, а третья взорвалась в распахнутом устье портала.

Аррис едва устоял на ногах, в его защитную сферу словно ударил стенобойный таран. На месте портала взвихрилось пламя, ярко-рыжее, жгучее, словно там вспыхнула целая пирамида

смолистых дров.

– Давай! – Рот Арриса заполнило кровью, однако чары его держались, и Ульвейн, странно скривившись, тем не менее вновь натягивал тетиву.

Один портал погас, два других оставались, но вспышка уполовинила число атакующих, и эльфы приободрились.

– Мы тут с тобой год простоим! – каркнул Ульвейн, не оборачиваясь.

Ещё одна стрела обратила в огненное торнадо второй портал, против учеников Аэтероса осталось лишь трое быкоглавцев и столько же коротышек-магов – сущая ерунда, как показалось подмастерьям; но в этот миг последний из оставшихся порталов вдруг вздулся, стал стремительно распухать, арка поднялась, достигнув потолка, бока портала поползли в стороны, упираясь в железные стены; из него рванулся настоящий поток причудливых созданий, больше всего похожих на закованных в броню осьминогов. Они напоминали морматов, давно и верно служивших Познавшему Тьму, однако не имели крыльев и носили доспехи.

Стрела Ульвейна, распуская белые огненные лезвия, скользнула им навстречу, но октопусы с какой-то невероятной скоростью свернулись в сверкающий сталью клубок.

Горящее алым остриё врезалось в него и раскололось, рассыпавшись множеством багряных осколков, точно стеклянная безделушка. Шар из переплетённых щупалец тоже не остался невредим, закованные в кольчатую броню отростки опадали чёрными дымящимися угольями, но своё дело они сделали.

Портал остался цел и невредим, сквозь него уже торопились новые быкоглавцы, новые маги-коротышки, и друзья-эльфы попятились.

– Арри! Открыть сможешь?! – Ульвейн послал ещё одну стрелу, и клубок щупалец подался назад, покрытый гарью и копотью.

Понятно, что он имел в виду – сможет ли Аррис отворить им ход обратно в пуповину, ставшую вдруг единственной надеждой на спасение.

Отпечатки того их портала, конечно, давно стёрлись – ученики Аэтероса отнюдь не стремились оставлять лишних следов. Но то, как именно они его открыли, деться никуда не могло.

– Смогу! – крикнул Аррис другу, и в тот же миг его меч нырнул к полу, отсекая прорвавшееся сквозь защитную сферу щупальце. Оно уже горело, броня задымилась и легко растрескалась под ударом эльфийского острия, однако за первым

отростком последовало три новых.

– Откры…! – Вся масса бронированных осьминогов рванулась, наваливаясь на отпорную сферу Арриса, и защитные чары не выдержали.

Но за спинами эльфов уже раскрывался их собственный портал, низкий, дрожащий, но – портал. Они должны вернуться с вестями, а не геройски погибнуть. Конечно, ученики Аэтероса продержались бы ещё долго, но суть в том, чтобы сделать дело и не погибнуть, – так всегда учил мудрый Хедин, Познавший Тьму.

– Ульв!.. – Аррис пятился, прикрывая друга, но Ульвейн отчего-то не сделал и самого мелкого шага назад.

– Ульв! Портал! Я открыл!..

– Уходи! – гаркнул в ответ Ульвейн.

И, молниеносно повернувшись, толкнул Арриса в грудь так, что тот спиной вперёд полетел прямо в раскрывшееся сияние.

Миг – и Аррис оказался в полной темноте пуповины. Один.

* * *

Ракот коснулся плеча замершей в трансе воительницы. Коснулся уверенно и властно, в полном сознании своего права. В конце концов, он – Новый Бог, он здесь не просто так; а вот что тут делает валькирия, Дева Битвы, – ещё предстояло узнать.

Валькирия не пошевелилась. Глаза её оставались закрыты, губы едва заметно шевелились, она пребывала словно в молитвенном экстазе. Ресницы Девы Битвы вздрагивали, как и веки, будто она неотрывно следила взглядом за чем-то одной ей видимым. Руку Восставшего воительница словно и не заметила.

Ракот нахмурился, сильнее сжал плечо валькирии.

Ничего.

Глаза Восставшего сузились от гнева. Что-то ухватило и удерживало воительницу, что-то сильнее его собственной воли.

– Смотри… – вдруг блаженно проговорила валькирия, не открывая глаз. – Смотри… как красиво…

Она говорила на древнем языке Восточного Хьёрварда, словно не сомневалась, что слушающий её непременно поймёт.

Массивная и широкая ладонь Ракота сомкнулась на эфесе Чёрного Меча.

– Смотри… смотри вверх. Золотой луч… золотая дорога… я не видела… не понимала…

– Очнись, дщерь Одина! – загремел Восставший, но губы валькирии лишь едва дрогнули в улыбке.

– Посмотри со мной, – мягко попросила она. – Подойди

ближе… ещё ближе… стань… у меня за спиной… стань теснее…

Плечи валькирии доверчиво и без колебаний опёрлись на широкую грудь Восставшего. Застывшая воительница прижималась к нему, золотистые волосы оказались совсем близко от его губ, но Ракота, большого любителя и знатока красавиц, сейчас пробирал не любовный жар, а леденящий ужас.

Дочь Старого Хрофта казалась самым настоящим зомби.

– Смотри вместе со мной, – вновь попросила она. – Вверх, вон туда… как следует… пристально…

Ракот невольно повиновался. Именно «невольно» и именно «повиновался». Голос валькирии полнила мягкая, обволакивающая сила, та, что опаснее всех прочих. Кажется, Хедин рассказывал про какую-то цепь, на которой сидел какой-то волк… и которая, при всей мягкости, лишь туже натягивалась от его попыток освободиться.

Валькирия казалась сейчас именно такой вот волшебной цепью.

И тем не менее пальцы Ракота, судорожно сведённые на рукояти меча, медленно разжались.

А пальцы валькирии, жёсткие, мозолистые – настоящие пальцы воительницы – с совершенно непривычной для них нежностью, взяли ладонь Восставшего, поднимая её к виску дочери Одина.

Так они и застыли, словно любовники, встречающие рассвет. Пальцы Ракота легли на оба виска валькирии, он смотрел поверх её головы – и видел.

Огибая великое Древо, извиваясь и в то же время оставаясь странно прямой, мимо них бежала узкая золотая тропа. Она гордо рассекала владения Соборного Духа, разом и проходя сквозь них, и словно находясь в совсем иных областях.

– Я шла по ней, – тем же мечтательным, затуманенным голосом проговорила валькирия. – Мне преградила путь стража. Архонты… чернобородые, смуглые, словно выходцы с дальнего юга. Бороды их вились, одежды украшали золото и каменья, а посохи были отделаны рубинами, коим нет числа. Они сказали мне, что я не готова. Я… билась с ними, с демонами, я прокладывала мечом себе путь… а теперь… стою и смотрю. Постой и посмотри со мною вместе, хорошо?

Ракот молчал. Взгляд Восставшего скользил вдоль золотой тропы, всё выше и выше, сквозь послушно расступающиеся серые облака, туда, ввысь, куда не дотянулось даже Мировое Древо.

– Врата… без створок, с одними лишь столбами. Я… рубила их. Прокладывала себе путь, как положено валькирии. Пока не пришла сюда и не узрела своими собственными глазами…

Ракот по-прежнему молчал. Тёплый затылок валькирии казался сейчас мёртвой ледяной глыбой.

Золотая тропа поднималась вверх. И да, Восставший видел сейчас и врата на ней, составленные из трёх пар прихотливо-резных столпов; видел и этих самых «архонтов», казавшихся отсюда детскими куклами в разукрашенных одеяниях. Шестеро их недвижно стояли за вратами; однако взгляд Восставшего здесь не задержался.

Выше, ещё выше, над вратами и архонтами, над золотым сиянием тропы, облака медленно, словно нехотя, расходились, будто не желая уступать воле Нового Бога.

Там заканчивались все дороги и все пути. Всё стягивалось сперва в нить, а затем и в точку, вмещавшую в себя всё и бывшую всем.

– Престол Сил у звёздного преддверия… – еле слышно, заворожённо прошептала валькирия. – Он прекрасен. Он – всё. Из него всё изошло, и в него всё вернётся… Древо рождает души…

Руки её поднялись, обхватили ладони Ракота, крепче прижимая их к собственным вискам.

– Я поднималась по золотой тропе… – еле слышно прошептала в этот миг валькирия. – Но мне сказали, что я не готова… я не поверила… не поверила…

«А я? – невольно подумал Ракот. – Прошёл бы я сквозь те врата, мимо той стражи? Смогла бы она остановить меня? Готов ли я?»

«Готов ли ты? – пришёл ответ, сказанный низким, рокочущим басом, слышимым, похоже, одному лишь Восставшему. – Ты никогда не будешь готов. Это дорога для Смертных, тех единиц, что научились не бояться телесной гибели и заглянули в бездну. В ту самую бездну, со дна которой начинается восхождение – и возрождение».

Новый Бог смотрел туда же, куда и воительница. Смотрел и своими собственными глазами, и глазами валькирии.

Престол, как она называет увиденное.

Что ж, пожалуй.

Вокруг сжатия, вокруг исходной – или конечной? – чёрной точки Восставшему виделись полупрозрачные анфилады торжественных покоев, бесконечные колоннады, перемежающиеся висячими садами и сбегающими с туманных высот фонтанами. Сказочный дворец, точнее, бесконечность дворцов, чего никогда не имели ни они с Хедином, ни даже Молодые Боги в зените собственного могущества.

Разумеется, это было не настоящим.

Вернее, это было настоящим для воительницы. Именно так

представляла она манифестацию величия, славы, силы. Наивная и чистая душой дочь Одина, она так и осталась Девой Битвы, валькирией, несмотря на все эоны наёмничества.

Она осталась чистой.

Что-то ворохнулось глубоко-глубоко в душе Восставшего.

Она осталась чистой. Наивные дворцы, фонтаны и водопады – наверное, она представляет себе сейчас и мудрого, древнего старца с белыми власами и длинной, как у гнома, брадой – восседающего в самом сердце этого скопления палат на золотом или даже алмазном троне.

Дщерь Древних Богов продолжает верить в то, что ей внушили в детстве, и это же видит сейчас. Для неё всё это – настоящее.

Восставший заставил себя вглядеться в призрачную картину, дотянуться взглядом до центра, до сердцевины, что являла собой, во всяком случае для него, чёрную исчезающую точку, средоточие силы, её источник, настоящее, прошлое и будущее, сжатое до предела, сплошную потенцию, возможность, коей ещё предстояло осуществиться.

Око Творца, невольно подумал Восставший.

Его память и память о Нём. Остаток – или зародыш? – великой монады, во времена столь незапамятные, что и впрямь о них не сохранилось никаких свидетельств, шагнувшей через незримый барьер в Хаосе, что отделяет Сущее от не-Сущего.

Шагнувшей и сделавшейся Творцом.

Не седым богом-мастеровым, кропотливо творившим из подручных средств мир за миром, звезду за звездой, как рассказывали бесчисленные мифы диких племён, но Творцом, что явил Сущему Упорядоченное в единый, исчезающий миг, столь краткий, что даже Восставший не мог себе этого представить.

И после этого – ушёл, ушёл навсегда.

Брат Хедин рассказал когда-то давно об огненных ангелах, существах, помнивших «первый миг Упорядоченного» и живущих, чтобы, когда придёт час, «принять его последний вздох». Он, Ракот, не поленился, отправился туда, видел их, говорил с ними. Пламя Неуничтожимое, исходный, изначальный огонь, бушевавший среди Хаоса, расчищая место Упорядоченному, и затаившийся потом в его глубинах, сложился в удивительный меч Познавшего Тьму, словно сотканный из мириад крошечных звёзд.

Сейчас Ракот понимал смысл его появления.

Он видел отражение этих звёзд, только обратившихся здесь в свою противоположность. Крошечный зрак, оставленный сущностью, постичь которую не смог бы ни он, Ракот, ни Хедин, Познавший Тьму, ни даже всё их Поколение во главе с умником-

Мерлином, в ту пору пока они ещё не начали ссориться.

Здесь, над Мировым Древом, что тянулось к ней, к памяти Творца, и было его истинное место.

Здесь, в мире мёртвых, что ухаживали за великим Древом, продлевая его дни.

Золотая тропа вела к нему, и сам адепт, поднимаясь, творил себе препятствия, если понимал в глубине души, что ещё не готов, что эта дорога, если идти по ней до конца, – без возврата.

Ракот смотрел прямо в чёрный зрачок.

Смотрел без страха, без ужаса, без уныния или скорби. Смотрел, как смотрел бы, наверное, на отца, которого он – как и всё остальное Поколение – никогда не знал.

Сейчас он понимал, почему это было именно так.

Молодые и жестокие, они лишь и могли, что изменять мир. Истинные Маги, Великий Предел, воплощение перводвигателя, вращавшие мир вкруг себя, даруя тем самым магию тем, кто не мог непосредственно зачерпнуть из её незримых потоков.

Глаз Творца над Мировым Древом глядел на Ракота, и Восставшему казалось, что в чёрном зрачке он различает и интерес, и сочувствие, но, конечно, это было не так.

Сознание самого Ракота тщилось обратить увиденное в то, что он мог понять и осмыслить.

Туда, к зраку Творца поднимались потоки Силы и, отразившись, словно от зеркала, возвращались обратно.

Так незримый глазу простых смертных водяной пар, поднимаясь, оборачивается облаками, а оттуда проливается на землю благодатный дождь.

А воительница? О, она видит… она видит могучую колесницу, воплощение самого движения, порыва, мощи. Она видит лучистые ореолы вокруг неё, выплывающей из самого сердца дворцовых залов и покоев, отрицающей их, прорывающейся сквозь их призрачную мишуру.

Колесница. Да… помнится, на колеснице же скакал по небу кто-то из родни валькирии, слишком могучий и тяжёлый, чтобы сесть в седло, Познавшему Тьму нравились подобные истории, он частенько и с охотой пересказывал их Ракоту.

Но эта колесница, явившаяся Деве Битвы, конечно, была не просто «тем, на чём ездят». Она была символом, воплощением движения, великого принципа, оставленного Творцом в Упорядоченном, где по Его воле сами собой текли реки свободной магии, даруя всему свет и жизнь.

Истинный перводвигатель, и сердце его являлось сейчас валькирии.

Зрак в серых небесах, где обрывалась золотая тропа, не был

«провалом в ничто», он не вёл в какие-то неведомые бездны. Нет, это была действительно память о Творце, его прощальный дар Сущему – и не сюда ли Молодые Боги напрасно слали астрального вестника, полагая, что их «Отец», «Прародитель», должен прислушаться к мольбе «любимых детей Творца»?

Но их тогда услышало Упорядоченное, перехватило их отчаянный вопль, поняло их алчную жажду спасти себя, только себя, любой ценой – и отказало им в помощи.

Оно вручило бразды им, Восставшему и Тому, Кто Познал Тьму.

Ракот усилием воли оторвал взгляд от изначального зрака, взглянул вниз.

Потоки Силы стали видимы, словно гонимый лёгким ветерком вечерний туман.

Древо источало Силу, и оно же принимало её. Бесчисленное множество душ трудилось у его корней, и ещё больше – подхватывалось потоком, втягивалось в провалы дупел, чёрные головоногие создания оборачивались тем, кем они и были, – демонами, низшими формами, существами-функциями, почти автоматонами.

И… неужели?.. не может быть, откуда, как, почему?

Ракот Восставший уловил след Гелерры.

Наверное, в этот миг он был ближе всего к тому, чтобы и в самом деле зваться Новым Богом.

Глава V
Славьтесь, Асы, и Асиньи, Славьтесь!

– А и быстр же ты, чародей Скьёльд!

– Рад стараться, великий бог Óдин. Приложил все усилия. Твои работники не будут знать недостачи хмельного эля.

Старый Хрофт оглянулся. Всё верно – как из-под земли взявшаяся пивоварня – размашистые срубы, склады, печи, трубы – исправно дымила, и фигурки двуногих существ торопливо проносились туда-обратно.

– Где ты нашёл этих малышей?

– Этих-то? О, половинчики есть много где. Лучше поваров не сыскать, как и лучших пивоваров, – небрежно отозвался Скьёльд. – Гномы, как я погляжу, уже здесь и приступили?

Отец Дружин кивнул.

Гномы действительно шли на равнины Иды – во множестве. Шли, торжественно кланялись Отцу Богов и, не теряя ни мгновения, брались за дело. Заступы, приводимые в движение магией, вгрызались в землю волшебных равнин; там, где стояли призрачные пока что стены, с дивной скоростью рылись котлованы.

Кольчужная Гора в Восточном Хьёрварде опустела. Гордый собой Фенрир, улёгшись на пузе, снисходительно наблюдал за вознёй маленьких коренастых фигурок, время от времени порыкивая для острастки. Гномы после этого начинали носиться ну точно как заведённые.

Не возвращались, однако, ни Яргохор, ни Райна, но об этом Отец Дружин пока что даже и думать себе запретил.

Чародей Скьёльд почтительно молчал, стоя рядом.

– Могу ли я ещё чем-то услужить великому богу?

– Ты исполнил всё, о чём было прошено, чародей. Решай сам, чего бы тебе хотелось.

– Это великое чародейство, возвращение плоти всем асам…

– Ты хотел бы помочь?

– О да, разумеется! Не знаю, как ты сам хочешь справиться с этим, великий Óдин, но я готов. В конце концов, помимо всего прочего, есть великое заклинание Хедина, Познавшего Тьму, которым тот вернул тело вырванному им из заточения и развоплощения Ракоту Восставшему. Мы с братом и сестрой изучили все его следы, что смогли отыскать, и хотя, конечно, мы его ещё не сможем воспроизвести с точностью, нам многое стало известно и мы многому научились. А кроме этого, быть может,

великому богу будет интересно узнать, что на нас обратили свой взор Драконы Времени?

– Драконы Времени? – резко обернулся Хрофт.

– Драконы Времени, – подтвердил маг. – Великая Река… отделила от себя один рукав. Время в нём течёт куда быстрее, чем даже в твоём родном Хьёрварде, великий Óдин.

– Твои познания поистине велики, чародей, – медленно сказал Старый Хрофт, глядя прямо в глаза человеку с вытатуированными на черепе драконами. – Потому что я не ощущаю ничего подобного.

– Ты внутри ускорившегося потока, – почтительно заметил Скьёльд. – Поэтому ничего и не замечаешь. Только стоя на берегу, можно различить течение реки. Если же ты посреди русла и не видишь берегов, тебе кажется, что всё недвижно – однако это не так. Я же из потока выбрался, посмотрел со стороны… Великий бог Óдин, скажу тебе прямо – меня это пугает. Время Хьёрварда всегда текло вместе со временем равнин Иды, а теперь… у нас проходят дни, а там – мгновения. Кто-то очень хочет ускорить твою работу, великий бог, и даже не слишком скрывается. Какая сила может повелевать Драконами Времени?

Старый Хрофт напоказ пожал плечами:

– Может, кому-то очень сильно не хватало моего Асгарда и сейчас они просто жаждут увидеть его возрождение как можно скорее?

– Зачем ты играешь со мной словами, великий бог? – с мягкой, но отчётливой укоризной заметил Скьёльд. – Изменить бег великой реки не по силам даже Новым Богам…

– Ты, многознатец, должен тогда помнить, как завершалась битва в Обетованном, когда мы втроём штурмовали твердыню Ямерта!

– Я помню, великий бог. Я помню, что воля Духа Познания окончательно склонила весы победы на вашу сторону, хотя, быть может, тебе и неприятно это слышать.

Старый Хрофт фыркнул.

– За твоей почтительностью, маг, кроется презрение. Ты слишком высокого мнения о себе и слишком пренебрежителен ко всем остальным. Не думай, что меня обманывает твой тихий голос, опущенный взгляд и постоянные «великий бог». Но пока что ты мне нужен, чародей. Ты полезен. Поэтому я не стану замечать – пока – твою дерзость. Помни, однако, что старый Óдин ничего не забывает.

– Да простит меня могучий Владыка Асгарда, – немедля поклонился Скьёльд. – Поистине дерзость моя вызвана лишь радением за твоё дело, успеху коего я споспешествую, елико могу.

– Споспешествуешь, – кивнул Хрофт. – Всё верно. Ну, а что касается Духа Познания… ничуть не удивлюсь, что он, помня красоту былой Валгаллы, и впрямь желает как можно скорее увидеть её возрождённой. Он ведь дух не чего-нибудь, а именно Познания, ему всегда интересно новое…

Скьёльд вновь поклонился, как бы в знак согласия, на сей раз молча.

Равнины Иды по-прежнему покрывал легчайший серый пепел, но теперь в самом их сердце кипела работа. Длинные караваны гномов ходко маршировали к Хьёрварду и обратно, возвращаясь тяжело нагруженными камнем, сталью, редким деревом, золотом, янтарём и всем, что достойно украсить возрождённые залы Отца Богов.

Мастера Кольчужной Горы ничему не удивлялись. В конце концов, кто, кроме них, лучше помнил сказания об истинном Асгарде, о Торе и Локи, Сиф и Фрейе, Браги и Ньорде?

И как же не откликнуться на зов, если имена мастеров – как обещано вернувшимся наконец древним Óдином – навечно останутся вырезаны на стенах Валгаллы?

Старый Хрофт окинул строительство взглядом, словно не замечая замершего рядом с ним Скьёльда, согнувшегося в подобострастном поклоне.

– Скажи мне, маг, – вдруг сощурился владыка Асгарда. – Случалось ли тебе терять самое дорогое, самое сокровенное? Случалось ли тебе расставаться с теми, кто был твоей плотью и кровью? Ты поднялся очень высоко, человек Скьёльд, но помнишь ли ты свой путь? Свои потери?

Человек с вытатуированными драконами, казалось, вздрогнул.

– Великий Óдин, могучий бог Асгарда, что тебе до потерь простого смертного, достигшего всего, чего он достиг, одним лишь трудом да упорством?

– Вы пришли мне на помощь, – пожал плечами Отец Дружин. – Вы остаётесь загадкой. Дело наше продвигается, мы вырвали асов из плена, мы возводим новые стены Асгарда, но ты и твоя родня остаётесь для меня загадкой.

– Остаётесь для меня загадкой… – со странной горечью повторил вдруг Скьёльд. – Ты не веришь нам, великий бог, хотя я говорил тебе чистую правду.

– Вы слишком сильны для «простых смертных, добившихся всего трудом и упорством», маг.

– Увы! – вздохнул Скьёльд. – Понимаю тебя, великий бог. Вы привыкли знаться с Истинными Магами, из их числа ведь вышли и Познавший Тьму, и Восставший. Брат мой, Кор, быть может, и

поведал бы тебе какую-нибудь подходящую историю, он на них мастер. Да чего греха таить, хорошо быть Истинным Магом! Не рождённым женщиной, не имеющим отца, явившимся в мир частью Великого Предела! Когда мы только начинали, но поднялись уже достаточно высоко, чтобы имена магов последнего Поколения не были для нас секретом, я часто мечтал о таком происхождении. Но нет, великий Óдин, я помню своих родителей, отца и мать, чьё чрево я покинул посредством лекарского ножа; братьев и сестёр, наш городок, отцову мастерскую. Улицу, друзей, деревья, кошек и собак. Моего верного пса, которого мне не удалось взять с собой на нынешние пути… так что да, великий бог, я терял. Чем выше поднимался, тем больше терял. Тех, кого любил или к кому был хотя бы привязан. Все они ушли – а я остался.

Голос мага сделался почти не слышен. Скьёльд невидящим взором глядел мимо копощащихся гномов и мимо призрачных, хоть и неотличимых от настоящих башен Асгарда.

– Твоя родня оставалась с тобой несчётные века, великий бог. Моя – покинула меня в считаные мгновения, в сравнении с прожитым мною сроком. И я не могу её вернуть. Даже разнеся все пресловутые царства мёртвых и домен самого Соборного Духа. Поэтому не говори со мной о потерях, бог Óдин. Уходили все, с кем сталкивала меня судьба, враги и друзья – все. Они уходили, а я оставался. Я мог не мстить оскорбившим меня – ведь я всё равно смогу плюнуть на их могилы. Я не знал, как дружить и как любить, – ведь дар свой я не мог простереть ни на кого другого. – Он медленно выдохнул, словно не давая подняться вновь древнему гневу. – Ответил ли я на твой вопрос, великий Óдин?

– Ответил, – хладнокровно кивнул Старый Хрофт. – Я понимаю тебя, маг Скьёльд. И даже лучше, чем ты думаешь. Потому что я тоже жил долго, тоже любил многих дев, и далеко не все из них, как я, владели секретом бессмертия. Мои дочери, валькирии, Девы Битвы – каждую из них родила смертная мать. И каждая из тех, кого я любил, кто подарил мне по дочке, – все отправились в страну мёртвых. Так что да, я понимаю тебя, маг.

– Это поистине возвеселяет моё сердце, – выспренне отозвался Скьёльд, кланяясь. – Мы не зря помогаем тебе, великий бог Óдин. Начатое тобой справедливо и свято, как мы уже сказали при первой встрече.

– Тогда к делу, маг. – Старый Хрофт глядел на ползущие возы с камнем. – Ты помогаешь мне по доброй воле, и приказывать тебе я не хочу. С пивоварней, не скрою, у тебя вышло отлично. Можешь теперь помочь гномам, чтобы им было легче доставлять сюда всё потребное?

– Желание великого бога… – начал было Скьёльд.

Óдин лишь раздражённо отмахнулся:

– Ты опять?

– Хорошо-хорошо, – быстро поклонился маг. – Но замечу лишь, что ты, великий Óдин, прав – Хедин, Познавший Тьму долго мешкать не будет. Он, скорее всего, ещё не знает, что река Времени изменила здесь, у нас, своё течение, что крепость твоя для всего остального в Упорядоченном возводится немыслимо скоро. И споро, – добавил он при виде нескольких дюжин гномов, ловко устанавливавших треногу подъёмника над котлованом.

– Я сбился со счёта, сколько раз говорил тебе, маг…

– Я помню, великий бог. Но помяни мои слова, слова простого смертного, лишь волей и трудом выскочившего – надолго, но навсегда ли? – из течения великой реки: Познавший Тьму не простит. Вы друзья, и вы бились бок о бок, но Упорядоченное для Нового Бога – куда дороже. Он не может допустить, чтобы ты, великий Óдин, сделал то, чего не смог сделать он сам.

– Он сам? О чём ты, Скьёльд?

– Зачем восставал Познавший Тьму? Спасти друга, верно? Но желал ли он свержения Ямерта с самого начала? Или так получилось, когда вас всех подхватил неумолимый поток? Ты тоже хотел спасти своих сородичей и близких, ты вернул их тени. Ты не хочешь свергать Познавшего, но логика войны, великий бог, приведёт тебя именно к этому выбору. – Скьёльд провёл ладонью по вдруг покрывшемуся пóтом черепу. – Тебе никуда не деться от Фатума, от воли Упорядоченного, великий Óдин, оно выбрало тебя.

Старый Хрофт нахмурился, лицо его сделалось непроницаемым.

– Почему ты так решил? Почему Хедину непременно нужно будет нападать на нас? Мы с ним и в самом деле друзья, и…

– Загадка божественности, – хрипло проговорил Скьёльд, – одна из величайших в Упорядоченном. Мы, я и мои сородичи, лишь подступили к самому её краю. Сказать могу немногое, но что могу – в том уверен: Упорядоченное сотворено так, что в нём может быть только один хозяин, только одна правящая воля.

– Это как? – удивился Хрофт. – Изначально в Сущем было множество Древних Богов…

– Ни один из них не претендовал на всевластие, – возразил Скьёльд. – И ни один не правил больше, чем несколькими близкими мирами.

– Н-ну… быть может, – пожал плечами Старый Хрофт. – Но это не слишком меня волнует, чародей. Ты настойчиво мне

внушаешь, что Хедин непременно пойдёт на меня войной, а я тебе так же настойчиво отвечаю, что он мой друг, и ничего не случится. Моё дело правое. Я лишь восстанавливаю справедливость, а Познавший Тьму – как раз Справедливость и есть. Он спас друга – я спасаю родню. Никакой разницы.

– Хедин посылал войско, – осторожно напомнил Скьёльд. – Вам пришлось с ним схватиться. И ты по-прежнему повторяешь, мол, ничего не будет?

– Именно, – кивнул Старый Хрофт. – Ничего не будет. Ученики Хедина не причинили нам ущерба, а мы не причинили им. Так, слегка потолкались. Кулачная потеха молодцу не укор. Сегодня сошлись стенка на стенку, а уже назавтра эль вместе пьём. Эйнхерии в Валгалле всё время сражались друг с другом, и одиночно, и отрядами, а потом на пиру дружно возглашали здравицы победителям.

Скьёльд лишь молча покачал головой.

– Я помогу строителям, – сказал он, помолчав. – Помогу всем, чем только можно. Но… великий бог, твоё заклятие воплощения асов, или обряд, или… что с ним? Я всё же надеюсь оказаться полезен…

– Сможешь, – заметил Хрофт, и маг тотчас подобрался. – Сможешь, если и впрямь пособишь строителям.

Чародей вздохнул, но настаивать не стал.

Глядя на суету сотен гномов, на поспешно возводимые ими леса и подмостки, краны, лебёдки и прочее, Старый Хрофт едва заметно вздохнул. Дело подходило к самому краю. Асгард Возрождённый – не Асгард без громового хохота Тора, вис Браги, похвальбы Локи, лукавых взглядов Фрейи, тихой улыбки Идун. Да, Хедин в своё время вернул тело Ракоту – Истинные Маги, чего уж там! – ему, Хрофту, придётся труднее.

Потому что магия должна быть его собственной, магией Асгарда и асов. Ну, в крайнем случае, магией ванов.

Ванов.

Гуллвейг, что-то я тебя заждался. Ты, служанка всех господ, всегда ухитрявшаяся оказаться в стане победителей – пора бы тебе появиться. Поучить, наставить на путь истинный.

Он усмехнулся, натужно, тяжко.

Он не Истинный Маг. Он осколок додревних времён, когда боги ходили себе по земле, носили простую одежду, ночевали на постоялых дворах, бражничали за трактирными столами, любили красивых дев или – если богини – мужественных воинов. Всё было просто и понятно. А теперь…

Простота и чистота ушли безвозвратно, магия стала невероятно могущественной и изощрённой, Упорядоченное

оказалось куда сложнее, чем представлялось Старому Хрофту в те времена, когда он восседал на троне Валгаллы.

«Что ж, будем жить всё равно. Мы боги, в конце концов.

Иначе – прав Скьёльд! – смертные поднимутся настолько высоко, что по праву займут наше место».

Он один видел сейчас исполинское кольцо рун, опоясавшее возводимый Асгард. Потом к ним присоединятся стада быков, что пригонят из Восточного Хьёрварда. Магия крови, никуда от неё не денешься – древние подношения богам Валгаллы сильны по-прежнему.

Железокаменная решимость, сковавшая Старого Хрофта нерушимыми оковами, наверное, впервые в этот миг дала трещину.

Он не освоил множество из заклятий новой магии, привнесённой в мир и Поколением Хедина, и предшествовавшими ему. Чародейство пришедшего времени не давалось Отцу Богов, увереннее всего он по-прежнему чувствовал себя с рунами. Руны помогли, от этого никуда не денешься, но вот так же легко и просто, как получилось у Познавшего Тьму с возрождением Ракота, у него не выйдет.

Это плохо, но это так.

Вместо лекарского ножа придётся бить исполинским тараном.

И сколько всего обрушится вместе с тем, что нужно обрушить, ведает один лишь Великий Орлангур.

Что ж, дороги назад всё равно нет, и ледяной страх, что обосновался у него в груди, недостоин Владыки Асгарда. Но избавиться от него он не мог.

И Рандгрид… так и не вернувшаяся из домена Соборного Духа. С валькирией всё было хорошо, не могло не быть, успокаивал себя Старый Хрофт. Он знал это, чувствовал всем существом – Дева Битвы жива и действует. В нужное время она вернётся. Обязательно.

Прогоняя непрошеные и мешающие мысли, Отец Дружин заставил себя вернуться к текущему. Асгард строится. К ритуалу всё готово.

Хедин, Познавший Тьму, никак не проявляет себя.

* * *

Высокий воин в алом плаще, с львиной гривой иссиня-чёрных волос возник рядом с Райной словно бы ниоткуда, однако валькирия этому не удивилась. Сейчас она вообще ничему не

удивлялась.

Золотая тропа послушно развернулась перед ней, серая завеса бессильна была противостоять вздымающимся над Мировым Древом потокам свободной Силы. Она не готова была взойти по тропе сама, но смотреть-то ей уже никто не помешает! И в созерцании открывшегося само по себе заключалось такое счастье, такой покой и умиротворённость, что Дева Битвы не могла не поделиться этим.

Вставший рядом с нею, поднявшийся сюда к ней не мог быть не кем иным, как братом. Даже нет, ещё ближе. Одним с ней существом, открывшим для себя блаженство созерцания Престола. Истинного Престола, слабыми и мутными отражениями которого являются все остальные троны Упорядоченного, где бы они ни возвышались.

Золотая тропа вела к нему, минуя последние врата и последнюю стражу архонтов. И там, в страшной вышине, наступал конец всех путей, кольцо всех дорог, последняя цель и последний приют – Престол Бога, Бога Истинного, сотворившего всё Сущее, потому что иначе существовать Он просто не мог.

Его Слава и Его Сила, Его Сияние и Его Тень. Всё, взятое совокупно, соединилось в Престоле, влекомом сказочными существами. Он разом и движется, и пребывает в покое, и око Творца вечно на нём, с любовью и заботой следит за оставленным позади Упорядоченным. Оно как ребёнок – миг рождения, и новая жизнь уже неподвластна никому, новая душа явилась в мир.

«Он ушёл. Остался Престол, как напоминание тем, кто сможет подняться достаточно высоко, о том, Кто сотворил Упорядоченное, как велики мощь и слава Его и как мелки наши собственные свары. Око Творца смотрит на нас, оно полно заботы и лёгкой грусти, ибо Он сам добровольно наложил на себя запреты – предоставив Упорядоченное его собственной судьбе».

Но Престол был живым, не просто застывшим в извивах прихотливой резьбы мёртвым памятником Его величию и напоминанием всем, откуда началось и откуда пошло Упорядоченное.

Престол был силой сам в себе. Он не правил, не отдавал приказов, не карал и не вознаграждал. Он оставался вечной истиной, сокрытой за порогом смерти, для тех, кто найдёт в себе силы пройти великой тропой и увидеть, какими только достойно быть силе и славе.

И было что-то ещё, неуловимое, ускользающее, как тёплый летний луч, скользящий по поверхности прогретого пруда, кишащего простой, безыскусной жизнью. Что-то… человеческое, совершенно не божественное. Божественное ушло – за пределы

Упорядоченного, в Хаос. Чем стало оно там – неведомо, чем обратилось? И то, что осталось здесь, ни во что не вмешивающееся, не повелевающее никакими армадами и ордами, словно бы грустило по ушедшей навсегда части, и – ждало возрождения.

Да, именно так, вдруг осознала валькирия.

Престол оставлен как залог Его грядущего возрождения – или возвращения. Когда произойдёт великая трансформа, Творец вновь восстанет во всей славе Своей и двинется дальше, в бездонный Хаос, чтобы там тоже смогли бы жить, дышать, любить, ненавидеть живые, свободные существа. Их жизнь – вот высшая ценность. Творец творит, чтобы они жили, разрушает, гасит, растрачивает Себя, чтобы дать через это смысл и силы бесчисленным мириадам живых созданий, разумных и нет, чтобы дать им испытать всё, именуемое «жизнью».

Райна стояла, ощущая спиной крепкую грудь брата-воина, прозвание которого было для неё сейчас совершенно неважным. Каждый, кто достиг того же, что и она, становился ей братом.

Смотреть на Престол она смогла бы вечно. И никакие архонты, вставшие на её пути по золотой тропе, уже не смогли бы помешать.

Творец должен возродиться. Может, для таких, как она, для смотрящих глазами плоти, Он примет понятный и воспринимаемый облик. Быть может, таким, как она, покажется, будто Он явится и воссядет на Престол, после чего двинется прочь из Упорядоченного торжественной и величавой процессией, но это будет лишь то, что увидят наши телесные очи.

А что потом случится с Упорядоченным – уже не так важно. Время прекратит течение своё, и жизнь прекратится, чтобы начаться вновь уже в другом Упорядоченном, лучше и прекраснее прежнего.

Но пока она стоит, счастливая, на вершине Мирового Древа, рядом с новообретённым братом, и лицезрит Престол.

* * *

Башни Асгарда поднимались прямо на глазах. Маг Скьёльд и впрямь оказался незаменимым помощником. Всякое дело у него спорилось – возводить ли хитроумные подъёмники, гнать ли из далёкого Хьёрварда караваны с неподатливым камнем северных скал, или пусть даже и обеспечивать всех строителей свежим пивом.

Круг рун замкнулся вокруг крепости асов. Всё было готово к

последнему обряду – вот только с равнин Рогхейма пригонят стада быков и коней.

Старый Хрофт всё больше времени проводил в гордом одиночестве, если не считать Фенрира. Огромный волк мало-помалу осваивал издревле присущую ему, прямому наследнику Локи, способность менять облик. Далеко он не продвинулся, но, во всяком случае, научился превращать себя в волка обычных (ну, или почти обычных – холка в рост человека) размеров.

Часто Фенрир устраивался у ног Одина, ничуть не смущаясь, как бы подчинённой позой. Иногда клал тяжёлую лобастую голову Хрофту на колени, и всё это – молча.

Похоже, он простил Старого Хрофта за долгое своё заточение.

– Нам ведь с тобой ещё сражаться в день Рагнарёка, ты не забыл? – не выдержал как-то раз Отец Дружин, когда волк в очередной раз утвердил собственный подбородок на его коленях.

– Нами в тот день станет сражаться с собой сама Судьба, – напыщенно провозгласил сын Локи. – Нам не следует роптать. Мы будем как меч и копьё, не более того. Меч разрубит копейное древко, но и сам сломается о его наконечник. Здесь нет больше места чувствам, дядя. Мы лишь исполним своё предназначение – сразим друг друга, как положено героям. – Фенрир поёрзал, устраиваясь поудобнее. – Но пока, коль мы возрождаем Асгард, не вижу надобности в суровостях.

– Что же ты станешь делать, когда мы закончим? – не удержался Один.

– Останусь тут. Уверен, асы поймут, – с неколебимой верой сказал волк. – Мой отец… он тоже поймёт. И поможет убедить остальных. В конце концов, я не виню вас, особенно асиний. Они испугались.

– Да, – признался Старый Хрофт. – Мы испугались. И, обуянные страхом, нарушили клятву.

– А не случись этого, – вдруг с горечью перебил волк, – может, и нам не пришлось бы биться. А так… никуда не денешься, великий Один. Судьба всевластна. Предопределённое исполнится, но лишь тот может назваться героем, кто до конца шёл против необоримой судьбы.

– Клянусь собственными священными браслетами, ты что, втайне брал у Браги уроки красноречия?

– У меня было слишком много времени всё это обдумывать. – Губы волка чуть дрогнули, обнажая белоснежные клыки. – Заняться мне было особо нечем, как ты понимаешь, великий Один.

– У нас хватит иных забот до всякого Рагнарёка, – усмехнулся Старый Хрофт. – Скьёльд уверяет, что Хедин, Познавший Тьму,

пойдёт на нас войной…

– Обязательно пойдёт, – с готовностью подтвердил волк. – Я б на его месте пошёл бы непременно.

– Это почему же? – поразился Старый Хрофт.

– Двух вожаков в одной стае не бывает, – лаконично отрезал Фенрир.

– Чепуха. Новый Бог Хедин и Новый Бог Ракот остаются, как и были.

– Это тебе так кажется, дядюшка, – оскалился волк в зловещей ухмылке. – Прости меня за непочтительность, но…

– Но что? – Один сдвинул брови.

– Но возродить Асгард – это не просто вернуть асов, – шепнул вдруг Фенрир. – Не чувствуешь? Не чуешь? А я так да. Кровь, кровь, очень много, как перед большой охотой. У нас, у волков, это изначально. Когда вы привязывали меня, я знал, что крови не будет. И… не был готов. А сейчас она повсюду. В воздухе, в воде, на земле. Только мы её не видим, она ещё не пролилась.

– Если не пролилась, то ещё может и не пролиться!

– Не может, нет, – покачал лобастой головой волк. – Это неизбежно, как Рагнарёк, где нам, дядя, придётся сразиться и сразить друг друга.

– Я вырвал тени асов из заточения, – сурово изрёк Один. – Уже тем самым свершено небывалое; опрокинуты все предопределённости. А ты мне всё про тот же Рагнарёка…

Волк снова усмехнулся. Отошёл, лёг, положил голову на лапы, словно приготовившись ждать как раз этого самого Рагнарёка.

– Ты первый из Древних Богов, что возвращает себе власть, великий Один.

– И что? Есть множество миров, куда не добрались даже Ямерт со своими. Древние там как были, так и остались. Да и откуда ты можешь знать, что я – первый?

– Волчье предвидение, – оскалился Фенрир. – Сила идёт за тобой, великий Один, идёт незримо для тебя, но не для меня. Я ж как-никак волк. Нюху привык доверять.

– Слова, слова, племянник, – пожал плечами Старый Хрофт, поднимаясь. – Вставай, лежебока. Гномы должны были скот пригнать. Поможешь им.

– Я волк! – оскорбился сын Локи. – Волк, а не пастушья овчарка!

– Один разок можешь и овчаркой побыть. Вставай, вставай, это последнее, что нам сделать осталось перед обрядом!

* * *

Райна ощутила, как замерший у неё за спиной воин, на чью грудь она так удобно опиралась, нетерпеливо шевельнулся. «Как? Почему? Отчего он не хочет стоять так вечно, вырванный из потока времени, созерцая око Творца, оставленное нам в назидание и как знак великой надежды?»

– Валькирия! – грозно рыкнул прямо в ухо чужой грубый голос.

Её словно вытолкнули из тёплой избы в ледяной жгучий ветер зимнего Йотунхейма. Серая мгла в небесах закрылась, золотая тропа обернулась тонкой, едва заметною ниткой. Валькирия вновь оказалась, где и была, – на самой вершине Мирового Древа.

Подле неё стоял высокий и широкоплечий воин, с львиной гривой иссиня-чёрных волос и огненно-алым плащом за спиной.

Не требовалось иметь семи пядей во лбу, чтобы, едва вглядевшись, осознать, кто перед ней.

– Ракот Восставший, – поклонилась Райна, опуская слово «бог». Бог у неё – ныне, присно и во веки веков, пока бьётся её сердце – только один. Бог-Творец Упорядоченного.

– Он самый, – рыкнул тот. – Что делаешь ты здесь, дщерь Одина? Как оказалась? Вместе ли ты с великаном Мимиром, стражем Источника Мудрости, или сама по себе?

Лицезревшей око Творца не к лицу осквернять уста ложью, тем более в такой близости от Престола.

– Я сама по себе здесь, великий Ракот.

«Великий Ракот» – в этом нет лжи. Они с Хедином, Познавшим Тьму, и в самом деле великие. Великие маги, но никак не боги.

– Сама по себе?

– Мы были с моим отцом, Одином, Асом Воронов, моим двоюродным братом Фенриром, Яргохором Водителем Мёртвых и… – она запнулась, но остановиться уже не могла, – магом Скьёльдом, человеческого рода.

– Что же вы здесь делали? – Глаза Ракота гневно сверкали, ноздри раздувались. На могучих руках вспухали вены, а ладони стискивали эфес длинного меча с чёрным клинком.

– Мы? То, что должны были сделать давным-давно. – Валькирия гордо пожала плечами. – Возвращали к жизни мою родню, асов и асиний, древних богов Асгарда. Настала пора ему возродиться к жизни.

– Вот даже так… – протянул Ракот, окидывая воительницу откровенно оценивающим взором.

Райна усмехнулась. Гляди-гляди, я привычная. Слишком долго я сражалась в наёмных отрядах, чтобы меня можно было

смутить подобным. Валькирию Рандгрид – быть может, а воительницу Райну – нет.

– Да! – с вызовом бросила она. – Мы вошли в саму смерть, чтобы вернуть свою родню. Никто до этого не свершал ничего подобного!

– И как, удалось? – неприятно усмехнулся Ракот.

– Удалось! – Валькирия гневно нахмурилась. – Души их свободны, отец повёл их домой!

– А ты, получается, осталась?

– Осталась. – Правда выговаривалась сама собой, легко и свободно. – Потому что если спасены асы, то почему должна оставаться здесь пленницей моя мать?

Ракот Восставший, судя по всему, собирался ответить чем-то язвительным, но внезапно осёкся.

– Мать – это достойно, – кивнул он. – Что ж, валькирия, ты тогда делаешь здесь, на самой вершине? Разве ты рассчитывала отыскать тут душу своей матери?

– Нет. – Райна не опустила глаз, бестрепетно глядя прямо в лицо Восставшему. В конце концов, она – Дева Битвы, помнящая если не самый рассвет, но утро этого мира, а Ракот – Ракот явился в Сущее на тысячи и тысячи лет позже её. – Я шла, куда должна была. Чтобы увидеть то, что увидела.

– И что же теперь?

– А теперь я вернусь за своей матерью.

* * *

– Всё готово, великий Óдин.

Старый Хрофт кивнул гному, отпуская старательного мастера. Невозможно поверить, но Асгард высился перед ним – настоящий, истинный, из простых и грубых, как и положено, гранитов, дубовых брёвен, стали, золота. Много недель миновало на равнинах Иды, а в недалёком Хьёрварде едва ли сменилось несколько ночей – Река Времени вздыбилась, незримые потоки её, словно прорвав запруду, мчались по равнинам Иды, увлекая за собой и всех строителей Асгарда.

Пригнали жертвенные стада. Установили каменные чаши, куда будут собирать жертвенную кровь. Старый Хрофт вновь и вновь обходил круг своих рун, поправляя одному ему заметные изъяны, и руки его не дрожали – решение принято, обратной дороги нет. И даже Рагнарёк не сможет его остановить.

Райна так и не появилась, но Отец Дружин не беспокоился. Странная уверенность, что с бедовой дочкой всё хорошо, по-

прежнему не оставляла Старого Хрофта, и он заставил себя не думать об этом. Рандгрид вернётся, когда придёт её час – и хватит об этом.

– Всё готово, великий Óдин.

Ещё один гном с теми же самыми словами.

«Всё готово», повторялось на разные лады. Строители нового Асгарда, мастера Кольчужной Горы, наотрез отказались брать плату в каком бы то ни было виде, испросив лишь позволения остаться и смотреть, как Отец Богов вернёт плоть и настоящую жизнь асам.

Что ж, настала пора.

Над Асгардом – тишина. Пусты блистающие залы, пуст восстановленный во всех деталях трон Отца Богов в Валгалле. Крыта золотыми щитами её крыша, но за пиршественными столами нет эйнхериев, их черёд ещё не настал.

Óдин стоял в самой середине заклинательного круга. С тупой покорностью застыли обречённые на заклание быки, бараны, жеребцы – их конец будет быстрым и лёгким, и их собственные души, хоть и не такие, как у разумных, быстро обретут покой на вечных пажитях с никогда не желтеющей травой, с прозрачными ручейками, где вода мягка и вкусна.

«Начинай, Отец Богов».

Он колебался. Всё, свершённое до этого, было лишь подступами. Даже взломанные стены владений Соборного Духа. Казалось бы, ну что уж тут такого – вернуть асам тела? Вернул же Хедин тело Ракоту, и ничего!

…Но Ракот не был мёртв. Он не переступил великую черту, он не бродил под серым небом страны мёртвых. Его просто развоплотили, как говорил Хедин.

Нет, он справится. Он, великий Óдин, владыка Асгарда. И справится, чего бы это ему ни стоило, без помощи заносчивого Скьёльда.

Толчок. Толчок силы, словно кто-то совсем рядом приоткрыл незримую дверь, откуда потянуло холодным ветром. Не оборачиваясь, Старый Хрофт усмехнулся.

– Не хотел начинать без тебя, Гуллвейг. Не сомневался, что ты пожалуешь – сказать несколько пышных и бессмысленных фраз, после чего снова исчезнуть. Ну, давай, говори, я жду.

Гномы, сплошным кольцом окружавшие жертвенные стада, загомонили. Оно и понятно – из сгустившегося дыма вдруг выступила фигура, явно женская, в чёрно-золотых доспехах, поражавших изощрённостью и деталями. Они охватывали Гуллвейг словно вторая кожа, не скрывая длинных стройных ног и высокой груди. В таких доспехах невозможно биться по-

настоящему, зато произвести впечатление на мастеров Кольчужной Горы – очень даже.

– И тебе привет, Владыка Асгарда, – промурлыкала Мать Ведьм. – Мне лестно, что ты ждал меня, что не начинал. Я ценю, поверь.

– Рад доставить тебе удовольствие, – усмехнулся Óдин. – Желаешь лицезреть – милости прошу, оставайся. Но ты ведь не ты, если сперва не изречёшь нечто долженствующее иметь глубочайшее якобы значение?

– Почему это «якобы»? – притворно обиделась Гулльвейг, откидывая забрало вычурного шлема, украшенного многочисленными (и бессмысленными) шипами. – Оно и впрямь глубоко. Тот, кому я служу, хотел передать тебе, великий Óдин, слова одобрения. И предостережения.

– Ну, предостерегай. – Старый Хрофт отвернулся, глядя куда-то вдаль, поверх моря гномьих голов.

– Познавший Тьму уже двинулся против тебя.

– Угу. Что ещё?

– Как? Тебя это не волнует?

– Ничуть, Гулльвейг. Но спасибо за предостережение.

– Тебе придётся выбирать по-настоящему, – змеино улыбнулась Мать Ведьм. – Не как досель. Или ты надеялся всех обмануть вашей милой игрой с подмастерьями Хедина там, у врат Демогоргона?

– Ученики моего великого друга действовали в пределах открытого им, – невозмутимо пожал плечами Хрофт. – Что дальше, красавица?

– Дальше? Дальше те, кто помогал тебе, могут и… потребовать вернуть должок, – рассмеялась она. – Потребуют, чтобы ты помог им, вне зависимости от твоего желания. Ваши с Хедином хитрости не столь изощренны, как вам кажется.

– Если мой друг Хедин выступит сам против меня, мы найдём способ уладить всё ко всеобщему удовольствию. – Казалось, вывести Хрофта из равновесия не способно вообще ничто. – Включая Дальних, что и впрямь помогли мне пробиться к асам и вызволить их.

– Ко всеобщему удовольствию, гм… – загадочно улыбнулась Гулльвейг. – Боюсь, это у тебя вряд ли получится, Отец Богов.

Óдин молча развёл руками. Мол, чем богаты, как выйдет, так и выйдет.

– Но у тебя есть ещё выход, – продолжала она, посерьёзнев. – Выступить против Познавшего Тьму не на словах, а на деле.

– Я же говорил, что выступлю – если он на самом деле решит мне помешать! – нахмурился Óдин. – Дальние прекрасно об этом

осведомлены. Я ни в чём не нарушил данного слова. Я не обязывался вести рати Асгарда на штурм Обетованного или там привести Хедина и Ракота в цепях как плату за оказанную мне помощь!

– Смотри, – прошелестела Гулльвейг, – как бы тебе и впрямь не пришлось это проделать.

– А тебе-то что, Мать Ведьм? Тебе и твоему хозяину? Когда-то он помогал нам…

– Он всегда помогал только Упорядоченному. Для тебя это новость? Имена тех, кто помогает его сохранить, не важны. Важно, лишь чтобы оно жило.

– Гулльвейг, я не знаю, зачем ты говоришь всё это, – отвернулся Старый Хрофт. – Передо мной дело. Не мешай. Или – раз уж ты тут – как насчёт молота моего старшего сына? Как насчёт Мьёлльнира, который, ты уверяла, у тебя?

– Я верну его Тору. Как только для этого созреют условия.

– Какие же? Ведьмы частенько говорили, мол, «поможем, если», однако требовали чего-то всегда прямо. Пасти кобылиц за огненной рекой и так далее. Что требуется тебе, Гулльвейг?

– Всего ничего. Стать достойным трона Упорядоченного, великий Один.

– Да. Сущая ерунда, мелочь, не стоящая внимания, – саркастически хмыкнул Старый Хрофт. – Так что, Дальние теперь в союзе с твоим хозяином? И решили моими руками свергнуть Хедина?

– Это уже решать тебе самому, – промолвила Мать Ведьм.

– Тьфу! Ничего ты не можешь сказать мне толком, Гулльвейг. «Иди и вызови Хедина на поединок, иначе мы убьём твою родню второй раз» – и то было бы честнее. Но честно вести дела вы не способны.

– Для Упорядоченного нет ни «честного», ни «бесчестного», Древний Бог. Ни «правого», ни «виноватого». Ни «геройства», ни «подлости», как нет ничего этого в живой природе. Упорядоченное должно жить, а цена значения не имеет.

– Вот тут-то мы и различаемся, – тяжело усмехнулся Старый Хрофт. – «Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость», слыхала?

– Слыхала. – Гулльвейг больше не улыбалась. – Вот потому-то вы и проиграли, Древние Боги. Для вас главным было красиво умереть. Пал герой доблестно, в бою – добро пожаловать в Валгаллу. Нет – ступай гнить в Хель. И ваши пророчества… Они ведь могли и сбыться. Если бы не пришли Молодые Боги.

– Значит, тогда мы, Древние, были «плохими», так? – усмехнулся Хрофт. – А теперь вдруг стали «хорошими», выходит?

– Не совсем, – серьёзно и спокойно ответила Мать Ведьм. – Нет ни плохих в Упорядоченном, ни хороших. Есть лишь те, кто – вот именно сегодня, сейчас! – помогает ему выжить, и есть те, кто мешает.

– Ага. То есть сейчас выжить ему могу помочь именно я?

– Браво, великий Óдин.

– Спасибо за откровенность, Гулльвейг. Закончила ли ты свои речи? Я внимал тебе, как положено внимать гостье, хоть и незваной; но теперь мне пора вернуться к начатому.

– Дозволишь ли ты мне остаться? Я не помешаю, клянусь.

– Я ни от кого не прячусь, – пожал плечами Óдин. – Оставайся, коль на то твоя воля.

– Благодарю, – сдержанно поклонилась Гулльвейг.

– Стань туда, назад, – распорядился Старый Хрофт, сбрасывая плащ и расправляя плечи. – Не мешай.

Мать Ведьм лишь вновь поклонилась.

Отец Богов невольно вспомнил жертвенный нож из обсидиана, рождённого в пламенной глотке земли, когда мир был ещё совсем юн, а он, Óдин – уже стар. Нет его, всё сгинуло после Боргильдовой Битвы, а сейчас в руке Старого Хрофта – обычная молодая сталь, хоть и выкованная гномами, хранящими остатки древних секретов.

Уныло и покорно стоят быки. Ждут, тупо и равнодушно.

Нет, Óдин, Древний Бог Асгарда, ты не будешь жалеть никого и ничего.

Горит огонь, ждёт крови жертвенная чаша. Ждут и тени асов – так же покорно и равнодушно, как и предназначенные на заклание быки. Они не спрашивали Óдина, хотят ли они свободы и новой жизни. Он решил это за них. Хотя – есть ли у мёртвых свобода воли там, в царстве Демогоргона?

«Начинай, Óдин. Хватит колебаться. Иди, как шёл на Боргильдово Поле».

Только на сей раз он победит.

– Фенрир!

– Здесь! – рыкнул волк, и стадо послушно сделало шаг вперёд.

Старый Хрофт встряхнул рукой с зажатым жертвенным ножом и ударил.

Бык коротко замычал и повалился, из горла хлынула кровь. Ни один мясник-забойщик такого бы не повторил, но Старый Хрофт добавил к своему удару и кое-что ещё.

Туша рухнула на заранее рассыпанные чёрные угли. Ожила руна, скрытая под ними, – занялось пламя, мгновенно поглотившее мёртвого быка, словно был он не из мяса и костей, а

из соломы.

Кровь заполнила жертвенную чашу, закипела, запузырилась, стремительно превращаясь в пар. Первая из рун, начертанных Отцом Богов за стенами Асгарда, дрогнула, пробуждаясь.

Не позволяя себе более ни единой посторонней мысли, он принялся работать ножом.

* * *

– Я буду сопровождать тебя, дочь Óдина.

Ракот Восставший произнёс это, как говорится, «тоном, не терпящим возражений». И, наверное, воительница Райна, сражавшаяся в бесчисленных наёмных отрядах, лишь молча склонилась бы пред Новым Богом – но не валькирия Рандгрид.

– Зачем, могучий Ракот? Душу своей матери я отыщу сама.

Глаза Восставшего гневно сверкнули.

– Дочь Óдина, речь не о тебе или твоей матери. Речь о куда большем, обо всём Упорядоченном.

– Да, так всегда, – дерзко сказала Райна, не отводя взгляда. – Упорядоченное превыше всего. Пусть будет так, могучий Ракот, но я займусь своей матерью. Выведу её отсюда и вернусь в Асгард. Конец истории.

– Ошибаешься, – отрезал Ракот. – Только начало. Никто не знает, что встретит нас по ту сторону стены, в обычном мире. Вы с Óдином… натворили немало. Равновесие…

– Мне плевать на равновесие! – выкрикнула Райна прямо в лицо Восставшему. – Мы. Пришли. За. Своей. Роднёй! Которая пребывала в заточении все эти тысячи тысяч лет. Ракот, ты силён, но я куда старше тебя. Случившееся – несправедливо! Магия способна вернуть души обратно, и мы возвращаем их!

– Вот как, – прошипел Ракот, впиваясь в Райну взглядом. Глаза его опасно сузились. – А ты готова вернуть всех умерших к жизни? Всех до единого? Или только свою родню?

– Каждый стоит за свой клан. За свой род. – Райну трясло от ярости. – За своих предков и потомков. Я дошла до вершины Мирового Древа, я видела Престол Творца. Я заслужила.

– То есть другие – нет?

– Другие – нет! – крикнула Райна. – Слушай меня, Восставший. Я была наёмницей. Дралась без счёта и без счёта хоронила соратников. Выживали лучшие, самые сильные, самые умелые. Они шли дальше. И так во всём – мир безжалостен. Своих смогут спасти те, кто достаточно силён. Вот и всё. Иное – несправедливо.

– Скажи, – перебил Ракот, – а то, что ты случайно оказалась дочерью Древнего Бога, тебе ничуть не помогло? Ну, ни капельки? И на твоём месте могла бы оказаться любая воительница?

– Если ты рассчитывал смутить меня этим, Восставший, то зря. Подняться может каждый. Нужно просто очень сильно этого хотеть. То, что мой отец – Древний Бог, конечно, помогло. Но не это решает. Решает жажда. Имеющий веру – пройдёт. Имеющий лишь самоуверенность – сорвётся. Архонты на золотой тропе сказали мне, что я не готова. И они были правы – я полагалась на меч, а не на сердце. Смертный пастух прошёл бы там куда легче меня.

– Нет, валькирия. Смертный никогда вообще не проник бы сюда!

– Можно спорить, Восставший, но не вижу смысла. Я и так задержалась тут. Трактирщик обещал, что я встречусь с матерью. Мне надо спускаться.

– Будь по-твоему, – помолчав, сказал Ракот. – Прощай, валькирия. Не люблю вещать и пророчить всяческие беды и бедствия, но… сдаётся мне, вы столкнули лавину, которую вам не остановить.

Райна не ответила. Лишь молча поклонилась и начала спускаться.

* * *

Жертвенная кровь парила, кипела, булькала и исчезала бесследно. Чаша не переполнялась, мёртвые туши быков валились одна за другой на угли и моментально вспыхивали.

Старый Хрофт убивал. В какой-то момент он просто смежил веки, Асгард пронизывала магия такого напора, такой плотности, что он уже не нуждался в зрении. Внутренним оком же, напротив, он видел, как одна за другой оживают руны, сплошным кольцом охватившие Асгард.

Руны смерти и жизни, руны власти и крови, руны времени и силы. Собственные руны Тора и Йорд, Фрейи и Фригг, Ньорда и Браги, Локи и Тюра, руны всех асов и асиний. Они оживут последними.

Незримые потоки силы мчались сейчас над Асгардом, и Старый Хрофт жадно вбирал их, стараясь не пропустить ни капли. Сила лесов и вод, магия, несомая ветрами и песками, источаемая светилами, дневными и ночными, – всем Сущим.

Они были хозяевами мира. Пусть даже только одного –

Хьёрварда и того, что примыкало к нему, – а не всего Упорядоченного. Пусть у них и нет пока возрождённого Иггдрасиля, но они будут вновь править тем, что принадлежало им изначально, по справедливости деля власть с уцелевшими мелкими богами и божками южных стран.

Они будут живыми!

Льётся кровь, вспыхивают руны – исполинские столпы призрачного света вздымаются к небесам, и гномы в изумлении вертят головами.

Ветер магии становится всё горячее, всё жёстче. Режет щёки, всё сильнее давит на грудь, и каждый новый взмах жертвенного ножа даётся Одину всё тяжелее. Сила напоминает теперь прорвавший дамбу горный поток, обрушивающийся губительным водопадом в ничего не подозревающую долину.

Не оборачиваясь, Старый Хрофт видел скрестившую на груди руки Гулльвейг. Тонкие доспехи мало чем отличались от второй кожи. Мать Ведьм снисходительно ждала. Именно снисходительно, уверенная в том, что её-то «хозяин», что бы ни случилось, прикроет, спасёт, вызволит, защитит.

Ну, погоди, ведьма. Посмотрим, как запоёшь дальше.

Ветер становится обжигающим, тысячи огненных ос впиваются жалами в плоть Отца Богов, боль, такая же, как у простых смертных, растекается по телу; а над горизонтом, далеко за стенами возрождённого Асгарда, уже вздымаются волны пламени, словно небывалый огненный шторм забушевал в Межреальности, готовый прорвать тонкие стенки, отделяющие её от миров, ворваться в них и испепелить всё, и живое, и мёртвое.

Но этого мало. Старый Хрофт наяву видит сейчас Гнипахеллир, и Чёрный Тракт, и влекущиеся по нему процессии душ; и кого-то, кто предводительствует ими, причём это – явно и точно не Яргохор. Они замерли сейчас, в немом изумлении глядя на не видимое живым зарево, пляшущее в небесах, там, где кроются равнины Иды.

А сам Ястир? Да вот он, вот он, глубоко под землёй, в пустых залах Хель; проник, похоже, до самого её трона. Но кто тогда ведёт туда души?

А это? Альвланд, и его окрестности, и храм Познавшего Тьму, и мечущиеся в панике его служители; коричневокрылый сокол ожил и бьёт крыльями, словно готовый вот-вот сорваться в полёт.

И… нет, не может быть! – видение ведь может и лгать – вспыхивают на каких-то лугах и полях сверкающие арки высоких порталов, и из них начинает изливаться змея закованного в доспехи воинства. Идут быкоглавцы, идут ещё какие-то низкорослые существа в коричневых плащах… идут прямо на

Альвланд, идут ко храму Хедина…

Порталы питаются тем же ветром магии, что ожил, повинуясь рунам Старого Хрофта, что поддерживается его жертвоприношениями. Отец Дружин ясно видит сейчас множество завихрений и водоворотов, где сила закручивается в тугие воронки – над храмами и святилищами, «заколдованными местами» и сокрытыми с незапамятных времён артефактами.

Колдуны и шаманы, жрецы и ворожеи, даже знахари и травники – все, по всему Хьёрварду, замерли, застыли, напряжённо вглядываясь и вслушиваясь. Пресловутые «основы мира» не пошатнулись, но старые кости земли ощутимо дрогнули несколько раз, словно получив чувствительный толчок.

Ничего, ничего, успокаивал себя Старый Хрофт. Так и должно быть, этого и следовало ожидать, такова цена, её придётся заплатить…

Но не тебе, вдруг пришла холодная мысль.

Когда вспыхнула последняя из составлявших кольцо рун и остались неживыми лишь собственные руны асов, твердь Иды под ногами Старого Хрофта качнулась, словно палуба корабля. И раз, и другой, и третий.

Взмахнула руками, потеряв равновесие, даже Гулльвейг.

А потом – в какой-то миг стали разбегаться, расползаться, падая на четвереньки, даже твёрдые, как кремень, и невосприимчивые к магии гномы. Кое-как, падая, помогая друг другу, они пытались выбраться за ворота Асгарда, ибо воздух быстро заполнялся самым настоящим огнём, так, что даже Фенриру нелегко стало удерживать в повиновении остатки жертвенного стада.

Огонь, едкий дым, испепеляющий жар.

Гномы бегут. Бесстрашные воители, они готовы дать бой любому врагу во плоти или без оной, но здесь просто становится нечем дышать.

Кольцо рун пылает вовсю, рука Хрофта режет горло последнему быку, и возле жертвенной чаши, заполненной теперь чем-то яростно-алым, уже не кровью, но её «алхимической сутью», остаётся лишь сам Отец Дружин. Фенрир припал на брюхо, на оскаленной морде – ярость и жажда боя.

Надменный маг Скьёльд – ты тоже здесь, эвон, растянулся на брюхе, лицо искажено не то ужасом, не то яростью. Слабак. А туда же – навязывал свою «помощь»!.. Справлюсь и без тебя, ничтожный!

Да, досталось всем – даже Гулльвейг – на одном колене, в попытках сохранить достоинство и не растянуться лицом вниз.

Равнины Иды сотрясает буря, но башни и стены

нововозведённого Асгарда стоят неколебимо, словно и не уходят глубоко в содрогающуюся твердь их фундаменты.

Что-то пошло не так, осознал Старый Хрофт. Чего-то не хватило его заклятию, самой малости – руны асов остаются мёртвыми и тёмными, несмотря на всю текущую через них мощь.

Нет! Он не сдастся! Ещё, ещё, совсем немного, самую малость – и алая суть крови рванётся по изломам священных рун, вливая жизнь в тени асов и соединяя их с плотью.

Гулльвейг попыталась приподняться и не то подползти, не то придвинуться к нему, протянула руку, явно собираясь что-то сказать.

«Нет! Знаю я твои слова, ведьма! Опять одолжиться у Дальних, вот будет твой совет. Ради такого не стоит открывать и рта».

Нет, он справится сам.

Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость!

* * *

– Зачем ты преследуешь меня, Восставший?

– Я свободен идти куда захочу, дочь Одина. Если тебе что-то не по нраву – попробуй и останови меня силой.

«Ну точно как эйнхерии», – мелькнуло у Райны, и наперекор всему она вдруг ощутила, что готова улыбнуться. «Новый Бог… а где-то – по-прежнему мальчишка. Какие прибивались к наёмным полкам…»

– Это неучтиво – навязывать своё общество страннице, не желающей его.

– Учтивость оставь Познавшему Тьму, а у нас всё по-простому. Я иду куда хочу, валькирия. Тебе это не по нраву? Одолей меня в поединке.

– Тебя? – «Тебя, Нового Бога?» – чуть не вырвалось у неё. Но нет, Бог у неё теперь только один, и совсем иной.

– Меня. Ты хвалилась, что куда старше меня. Это правда. Значит, у тебя куда больше опыта. Девы Битвы славились смертоносностью в схватке, если, конечно, старые легенды не лгали. Могу держать одну руку за спиной, если угодно.

– Развлекаться потешными боями – недостойно валькирии, – надменно бросила Райна. – Мне кажется, у Ракота Восставшего, друга и сподвижника Хедина, Познавшего Тьму, могут найтись более срочные и неотложные дела.

Ракот покачал головой:

– Мои дела – моё дело, дочь Одина. Пока же ты намеревалась

спуститься с Древа и разыскать свою мать. Я тоже направляюсь вниз. Нам по пути. Зачем эти нелепые пререкания?

Райна молча пожала плечами и отвернулась. Пусть, на самом деле, идёт куда хочет. Восставший ей не враг… во всяком случае пока.

Время словно остановилось – они скользили вниз и вниз среди бесконечных ветвей и веток великого Древа, пока наконец им вновь не начали попадаться чёрные головоногие существа.

– Демоны, – вдруг сказала Райна. – Они тут, на Древе. Что-то вроде жуков-короедов. Люди внизу охотятся за ними, изничтожают…

– Именно, – согласился Ракот. – И Древо, похоже, творит демонов само.

– Само? Для чего?

Восставший пожал плечами:

– Где нет смерти, нет и жизни. Даже за гранью первой смерти, прости за неуклюжие слова. Равновесие всюду и во всём. Закон Творца, Его принцип.

Райна покачала головой. Ладно уж… пусть спускается рядом.

– Я долго воевала, – сказала она после паузы. – Рядом с простыми смертными, людьми, орками, гномами, гоблинами… всех не перечислишь. Множество достойных пало, и я скорбела всякий раз, что не могу взять его за руку и помочь достичь Валгаллы. Что это… несправедливо, что душа его будет гнить где-то в местных залах Хель. Сейчас же, особенно после Трактирщика…

– Кто это такой, кстати? – перебил Ракот. – Вернее, я догадываюсь, но скажи своими словами.

– Ипостась, аспект Соборного Духа, – пожала плечами валькирия. – Он встречает погибших и говорит с ними. Со всеми, кто приходит сюда.

– Со всеми разом? – подивился Ракот. – Силён ты, брат Демогоргон…

– Здесь его вотчина. – Райна, напротив, ничему не удивлялась. – Но я лишь хотела сказать… что поняла – нельзя, чтобы с одной стороны – Валгалла, а с другой – Хель. Праздник для достойных и вечные муки для тех, кто «не герой». Нельзя. Просто нельзя… Наверное, потому Творец и оставил тут свой зрак, что… чтобы… мы не забывались. Ни смертные, ни бессмертные. Последние в особенности.

– Речи твои темны, дщерь Одина.

Райна покачала головой, стараясь подобрать слова.

– Если вся суть – в равновесии, то живые и мёртвые, как две противоположности, должны уравновешивать друг друга. А

получалось, что в Валгалле лишь прибавлялось эйнхериев, а в залах Хель – не удостоившихся героической смерти стариков, женщин и детей. Это было неправильно. Совсем… неправильно. – Последние слова дались валькирии с немалым усилием. – Мы, Древние Боги, провозгласили, что справедливы, но на самом деле справедливы не были. И потому проиграли в Боргильдовой Битве. Наверное, Ямерт должен был установить именно справедливость – а когда у него не вышло, пришли вы с Познавшим Тьму. Но… Восставший, у вас, похоже, не получилось тоже.

– Вот даже так? – нахмурился Ракот.

– Потому что появились другие. Спаситель, Дальние. Стали возникать всякие Безумные Боги. Это всё тоже… поиски Равновесия. И Неназываемый. Не забудь про него тоже.

– Всё это открылось тебе, пока ты, валькирия, смотрела на оставленный Им Престол?

– Да, – кивнула Райна. – Просто… просто понимаешь, как оно есть, без деталей. Я не смогу тебе это строго доказать, Восставший, я Дева Битвы, я не искушена в риторике. Но справедливость должна восторжествовать.

– Как в сказках, – скривился Ракот.

– Сказки для того и складываются, – грустно заметила Райна. – Поверь мне, Восставший, уж я-то их наслушалась, у костров сидючи… Всех, каких можно. И людских, и эльфьих, и гномьих, и орочьих. Половинчиков не забыть тоже. И все они про одно и то же – про справедливость. Как бедняк жадного богача проучил, как хитрая жена глупого короля обманула да на место поставила… не счесть тех сказок, и все про одно – что справедливость таки побеждает.

Ракот Восставший мрачно замолчал. Голова его с львиной гривой чёрных волос угрюмо склонилась, и долгое время он спускался рядом с Райной, не произнося ни слова.

– Я разыщу теперь свою мать, – после долгой, очень долгой паузы сказала наконец Райна, – и мы уйдём отсюда. А что станешь делать ты, Восставший?

– Заверну на кружку эля к этому твоему Трактирщику, – криво усмехнулся Ракот, и видно было, что ему совсем не весело. – Потолкую с ним… о справедливости. А потом назад. Великан Мимир, тебе наверняка известный, тоже здесь, на Древе. Созерцает, как я понимаю. Источник остался без хранителя. Да и вообще там… непорядки. Так что я назад, хорошо б, если время тут быстрее оказалось, чем в остальном Упорядоченном. Вот только… хотел бы я взглянуть на твою матушку, если ты позволишь, конечно.

– Позволю, – легко согласилась Райна и даже сама удивилась,

чего это она – радуется, что ли?

– Тогда спускаемся.

…Путь их по Древу вниз длился долго. Они видели демонов, видели, как те на выбор поглощали то один, то другой лист. Нескольких они сразили – и бок о бок стояли, заворожённо наблюдая, как на залечивающих рану черенках возникали хрупкие, эфирные, прозрачные души тех, кому только предстояло родиться и кому чёрные головоногие твари, отчего-то сохраняемые здесь, на Древе, не хотели этого позволить.

Когда они достигли корней Древа здешней «земли», Райна остановилась.

– Как ты собираешься искать её?

– Трактирщик обещал, что моя тропа сама приведёт к ней.

– Угу. Только при этом тебе пришлось сделать крюк до самой вершины и увидеть Престол.

– Может, для этого он меня туда и послал?

– Может… – Райна озиралась. – Подождём. Мы обязательно должны их встретить, тех, кто заботится о Древе.

– Каррр!

– Привет, старый знакомец, – проворчал Ракот, глядя на исполинского ворона, размером с самого большого из орлов. – Проведать явился?

– Нет, – вдруг сказала Райна, глядя прямо в глаза страшной птице. – Его прислали. Явился указать путь.

О чём ты, – не успел удивиться Ракот, а ворон уже ринулся вперёд, валькирия – следом.

Ворон и впрямь указал дорогу – Восставший и Райна не прошли и двух сотен шагов, когда почти лоб в лоб столкнулись с двумя дюжинами мужчин, женщин и детей, шедших большой гурьбой, словно странствующее племя.

– Трактирщик исполнил слово, – прошептала не слушающимися её губами валькирия, глядя на очень высокую, статную женщину, настоящую богатырку, что на целую голову превосходила ростом самого долговязого мужчину.

* * *

Великое заклятие Óдина, заклятие возрождения Асов, пошло совсем не так. Полностью и абсолютно.

Гномам пришлось в ужасе бежать за пределы кольца пылающих рун, спасаясь от заполнившего воздух огня и дыма, к которому теперь добавились облака жгучего пепла.

Остались только трое – сам Óдин, волк Фенрир да Гулльвейг,

Мать Ведьм. Не считая Скьёльда, так и оставшегося лежать, закрывая голову руками.

Сорвавшаяся с привязи сила буйствовала и бушевала над Асгардом. Стены и башни его стояли непоколебимо, однако что Одину в прочности мёртвого камня? Руны асов оставались темны и мертвы, души их не находили дорогу к сотворяемой Отцом Богов для них плоти.

Напор обрушивавшейся на Асгард мощи поражал и потрясал. Сила, не находя воплощения, воспламеняла сам воздух, ища выхода в уничтожении. На Старом Хрофте задымились его плащ и знаменитая широкополая шляпа, однако он продолжал удерживать заклятие, каждая из рун пылала перед его глазами, до рези отчётливая, но…

Но передать живительную силу теням асов ему никак не удавалось.

– Один! – В голосе Гулльвейг был самый настоящий ужас. – Скорее… Дальние… только они смогут…

– Нет! – хрипло вскаркнул Отец Богов. – Только я! Только я сам!..

– Глупец, ты погубишь и себя, и их, и нас! – взвизгнула Мать Ведьм.

– В-великий бог… – кажется, это подал голос Скьёльд. Нет уж, хозяин Асгарда победит сам, победит один, как и положено Асу Воронов!..

Один не ответил. Он словно разом тянул из себя живую кость и пытался поднять неподъёмный, давящий на плечи груз. Он должен, он сможет, он – Ас Воронов.

Он должен!

Альвийский меч поднялся подрагивая, с трудом и вроде б даже неуверенно. Но с первым же росчерком его острия дрожь унималась, словно Старый Хрофт обретал уверенность от каждого движения. Он чертил новую руну, чертил, невольно вспоминая кузницу Оружейницы и то, как рождались их с Райной клинки, покидая огненное горнило, словно материнскую утробу.

Руна, что рождалась прямо на глазах, была совершенно новой. Облик её складывался сам собой, из отдельных росчерков, каждым из которых Один старался связать священный символ с одной из стихий.

Вечные вода и огонь, земля и воздух. Смерть и жизнь. Душа и тело. Свет и тьма. Всё то, что живёт и дышит магией, соединялось в сложном, многосмысловом рунире, и по линиям его словно бежала сейчас сама кровь Старого Хрофта.

Вот она, вот она! То, чего недоставало в цепи, что должно замкнуть её окончательно!

…И Отцу Дружин до последнего казалось, что он таки сумеет стянуть вместе концы распадающегося обруча, когда небо надо головами лопнуло, и сотни, тысячи исполинских зелёных кристаллов со злобными зубастыми пастями, что корчились за блестящими смарагдовыми гранями, устремились отвесно вниз, прямо к земле, словно поток стрел, разом пущенных полком искусных лучников.

* * *

– Каррр! – забил крылами громадный ворон, вздымаясь над замершими с одной стороны людьми, и Ракотом и Райной – с другой.

Валькирия смотрела прямо на свою мать. Она казалась живой, совершенно такой же, как в тот день, когда грозный бог Óдин увёз с собой на восьминогом Слейпнире маленькую Рандгрид.

– Что с тобой, Сигрун? – начал один из мужчин.

Мать Райны остановила его властным жестом:

– Идите. Ступайте. Я… вас догоню. Потом.

– Но…

– Идите! – рявкнула богатырка, и на сей раз её уже никто не ослушался.

Озираясь и что-то бормоча себе под нос, люди и в самом деле двинулись дальше. Ворон слетел вниз, устроившись на толстой ветви прямо рядом с валькирией.

– Мама, – не своим голосом еле-еле выговорила валькирия.

– Дочка, – точно так же, сдавленно, сказала и Сигрун.

Они бросились друг к другу.

– Дадим им поговорить? – обратился Ракот к Ворону. – Не будем подглядывать и подслушивать?

– Каррр! – негодующе возразил Ворон, расправляя широченные крыла. Улетать он явно никуда не собирался.

Ракот пожал плечами и демонстративно повернулся спиной.

Воительница и её мать столкнулись, ударились друг в друга, словно две льдины, что, ломая и кроша края, на время становятся единым целым в весеннем ледоходе.

– Мама…

Да, это был запах дома. Он никуда не делся, всплыл из глубин памяти, несмотря на все прошедшие века. И одежда на маме была та самая, памятная, из детства – длинное домотканое платье с вышивкой у ворота, с широким поясом.

– Ты… ты умерла, дочка? – Сигрун резко отстранилась вдруг,

на лице отразился ужас. – Ты… погибла?

– Нет, мама, нет! – Райна захлёбывалась и торопилась. Пусть она не боится, пусть она не пугается! – Я жива. Я пришла за тобой.

– Пришла за мной? – Глаза Сигрун широко раскрылись.

– Ну да. За тобой. Чтобы вывести тебя отсюда, из страны мёртвых, чтобы ты жила бы вновь!

– Что ты говоришь, дочка, что ты несёшь?! Да разве ж мыслимо такое?! Всему живому положено умереть, а потом выполнять свой долг тут, в стране засмертной, пока сам мир этот стоит!

– Вот другие пусть и выполняют! А я пришла за тобой! Отец, великий Óдин, освободил уже асов и асиний, а я должна вывести тебя!

Губы Сигрун дрогнули в слабой и горькой улыбке.

– Значит, обо мне великий бог не вспомнил… что ж, наверное, оно так и должно быть. Я не богиня. Я всего лишь дочь великана-йотуна, и…

– Ты моя мама. И всё тут! – отрезала Райна. – Пойдём, пойдём, я всё расскажу тебе по дороге…

– Куда «пойдём»? – растерялась Сигрун.

– Прочь отсюда! К вратам этой страны! Трактирщик обещал мне, что я встречу тебя, так оно и вышло, значит, и уйти отсюда мы сможем! Почему асов спасать можно, а тебя – нет?

– А… другие валькирии? Твои единокровные сёстры?

– Их мы вывели тоже.

– И их матерей?

– Их – нет, – призналась Райна. – Но их я и не знаю.

– Что ж, дочь, спасибо тебе. – Сигрун вновь обняла воительницу, резко прижимая к себе. – Хотя скажу тебе честно, не худшая жизнь была у меня здесь, не худшая. Следили за Древом, чёрных демонов, что жрут его изнутри, ловили-изводили. Раны Древа лечили, как могли. Такая наша доля, кто сюда попал, кого Трактирщик сюда направил.

– Трактирщик? Он же только разговоры разговаривает, он не судья, не…

Сигрун улыбнулась чуть покровительственной материнской улыбкой.

– Не судья, доченька. Нет здесь судей. А есть Трактирщик. Каждого примет, с каждым поговорит. Даже с самым распоследним катом, убийцей и вором поговорит, хлеб преломит, не побрезгует. Каждому последний шанс даёт. А потом, как накормит, как речи все сказаны будут, встаёт и говорит, куда идти каждому. Мне вот выпало ко клану прибиться, за Древом

приглядывать.

– А другие? Как же другие?

– Не ведаю, дочерь. Говорят, что негодяи да лиходеи оборачиваются теми самыми чёрными тварями, что Древо изнутри грызут да листья пожирают, только я в то не очень верю – получается, что Древо само себя и лечит, и губит?

– Может, так, а может, и нет. – Райна вновь обняла мать. – Идём отсюда, мама. Снова будем вместе. Я тебе расскажу… столько всего! Жизни не хватит!

– Именно что не хватит, – вновь улыбнулась Сигрун, гладя валькирию по щеке. – Я ж смертная всё равно, дорогая моя. Даже коль и выведешь ты меня отсюда, даже если вот такая я, как сейчас, снова в Хьёрварде родном окажусь – всё равно предстоит мне жить и умереть. И сюда опять вернуться. И хорошо, коль на прежнее место, а то ведь не ровён час… – Она осеклась и умолкла.

– Мама, о чём ты, зачем ты так? – задрожала от обиды Райна. – Теперь не те времена! Отец оживляет асов, какими они и были, бессмертными! Неужто тебе откажет в такой малости?! Станешь асиньей, как они, будешь в Асгарде жить, и я тоже, вечно! Покуда этот мир стоит, пока Рагнарёк не настал, если, конечно, оно настанет!

Или пока не возродится Творец, вдруг подумала Райна, холодея. Язык ещё проговаривал какие-то слова, а сознание словно залило ледяным холодом.

«Ты ведь не зря глядела на Престол, валькирия. И знаешь, что должно случиться. И сказала, что отныне у тебя только один Бог…»

– Доченька, – лучисто улыбнулась Сигрун, глядя прямо в расширившиеся глаза воительницы. – Счастье моё, лучик мой яркий, солнышко моё светлое. Не гадала я тебя увидеть, ан нет – не забыла мать, пришла за мной. Вечное моё тебе спасибо за это. Только не для меня Асгард, милая моя. Не пришёл за мной Óдин, не вспомнил, запамятовал, видать. Так чего ж ты у него просить будешь? А жить, чтобы умереть… Знаешь, умирала я один уже раз.

– Не хочешь в Асгарде – и не надо! – По щекам Райны потекли слёзы. – Дом тебе выстрою, где скажешь, там жить станешь. А бессмертие… видать, знает отец какой-то его секрет, раз за асов так смело принялся! Пойдём, мама, пойдём, не отказывай мне, умоляю!

– Как бы через то беды не настало… – прошептала Сигрун, качая головой и тоже всхлипывая. – Ох, не дело это, не дело – мёртвых возвращать, не зря же некроманты прокляты во веки

веков, даже йотуны мёртвых тревожить-поднимать брезговали…

– Ничего, мама! Не так всё сейчас, совсем не так уже, поверь! Пойдём же со мной, ну, пожалуйста, пойдём!

– Пойдём, дочка. – Вдруг решившись, Сигрун тряхнула по-молодому густыми и длинными волосами. – Пойдём. Чему быть, того не миновать. А… кто это с тобой? Дружок, поди? Хорош, однако… и высок, и статен, и ликом чист… Молодец, дочурка. Горд только, поди, небось?

– Мама! Он не мой дружок!

Сигрун понимающе усмехнулась.

– Честное слово, не мой! Мы… здесь с ним уже встретились. Случайно.

– Ну случайно, значит, случайно. Веди тогда, дочка!

* * *

Нет. Не может быть. Почему, почему так?!

Óдин не мог остановиться, не мог прервать начертание последней руны – как не может остановиться лекарь, зашивая рваную рану. Ничего не сделаешь с Дальними, они в своём праве. А чтобы в этом праве им отказать, надо куда больше силы. Даже по сравнению с тем, что собрано здесь и сейчас.

– Они помогут, Óдин!

Опять Гуллвейг, будь она проклята.

Но – словно незримая рука коснулась плеч Старого Хрофта. Отступила давящая тяжесть, и даже жар, заполнивший воздух, стал угасать. Зелёные кристаллы вонзались в землю исполинскими копейными навершиями, в строгом порядке, от вершины к вершине перекидывался мост зелёных же молний. Хаотический поток силы, затравленно метавшийся в клетке Óдинова заклятья, враз обрёл стройность и упорядоченность. Силы было много, даже слишком много, оставалось лишь правильно её направить – и, как с горьким разочарованием в себе самом понял Старый Хрофт, именно этого Дальние и добились.

А потом ожила, загорелась первая руна асов.

И отчего-то Отец Дружин ничуть не удивился тому, что это была руна хитроумного Локи.

– Славьтесь, асы! – вырвалось у владыки Асгарда. – И асиньи, славьтесь!

…Они выступали из столбов золотистого пламени, такие же, как и в тот день, когда пути их пресеклись на Боргильдовом Поле.

Древние Боги Асгарда, вырванные из лап самой смерти.

Старый Хрофт уронил меч, молча глядя на идущих к нему

сородичей. Белые одежды, глаза закрыты – они ещё не осознали себя, не поняли, что к чему, не бросились друг к другу, не разразились вопросами…

Но они были живы. Все.

Бог Óдин склонил голову. В глазах набухали предательские слёзы.

Асгард возрождён. И плевать на непомерную цену.

Волны и океаны силы катились сквозь него, новым, непривычным потоком, обжигающим, словно крепчайшее «зелёное вино», что делают кое-где в Восточном Хьёрварде.

Óдин расправил плечи. Сила, сила, сила – какой он не знал и не помнил. Даже на Боргильдовом Поле он не ощущал такой мощи.

Что ж.

Он будет хорошим правителем Большого Хьёрварда.

А может быть, и не только.

Ведь сила – она справедлива и не достаётся недостойным. А если и достаётся, то на краткое время, и расплата за это поистине страшна.

Но он не может оказаться недостойным. Сила – его по праву… голова мутится, словно он перебрал пьяного мёда… его… по праву… сила… он… был… здесь… первым!

Это его мир! Его – и больше ничей.

Альвийский меч вновь оказался в его руке. И это тоже была сила, сила не Дальних, сила иная. Сила старого Хьёрварда, вложенная в клинок Оружейницей. Она была права – права с самого начала.

Меч содрогнулся, словно яростно соглашаясь.

«Нет, так просто это всё не закончится. Слишком многим пожертвовано. А Хедин… Хедин – мы с ним… договоримся. Наверное, так. Да, договоримся – почему так кружится голова, словно от хмельной браги?»

Нет, нет, ничего, он выдержит.

Альвийский меч и сила Дальних – и всё у его ног.

Как и Большой Хьёрвард.

А может, и не он один.

Но Хедин… друг Хедин…

«Он же твоё создание! Ты сам говорил это! Теперь ты идёшь дальше!

Да, иду. По самому краю бездны – только бы не сорваться, тогда всё уж точно погибло».

Шатаясь, Отец Богов глядел на медленно приближающихся асов.

Интерлюдия 5

Отряд подмастерьев Хедина, под началом гнома Друнгара и эльфа Ирдаина, выполнил свою задачу. Исполинский конструкт, возведённый Дальними подле взломанных стен домена Соборного Духа, стремительно разваливался под натиском бойцов Познавшего Тьму.

Один из кристаллов и вовсе взорвался, не выдержав града белооперённых стрел и удара сразу трёх огнешаров из гномьих бомбард. Остальные задвигались, идеальный строй разрушался, сложные заклятия приходили в действие – и всё это немедля отражалось в походном шатре Хедина, где он и Сигрлинн неотрывно наблюдали за разворачивающимся сражением.

– Они бегут! – На лице чародейки играла злая, победная ухмылка. – Бегут, жалкие трусы! Бегут даже не передо мной или тобой, но пред твоими подмастерьями!

– Или отступают… – пробормотал Хедин.

– Отступают не так, – перебила волшебница. – Смотри, смотри! Ещё один взорвался! Разваливается вся конструкция, распадается! И видно, откуда качали силу, след чёткий, не спутаешь!

– Что, я таки молодец? – Познавший Тьму позволил себе лёгкую улыбку.

– Молодец, молодец. А прихлопнешь измену Хрофта – будешь совсем молодцом. Не будешь рассуждать о хитрых планах, а просто положишь конец его безобразиям. Кстати, ты знаешь, что Река Времени…

– Знаю, конечно. Кто-то решил облегчить нам ожидание. Или кому-то о восьми зрачках не терпится увидеть всеми ими, чем дело кончится.

– Но ты, несмотря на все мои слова, так ничего и не сделаешь?

– Но ты, несмотря на все мои слова, так и веришь, что тут необходимо что-то делать вот прямо сейчас?

– Конечно! Просто потому, что это стало опасным. Не знаю, что вы придумали там с Хрофтом… или ты придумал всё это сам… но это уже не лезет ни в какие ворота. Дальние сделают из него свою куклу, вот увидишь.

– Си, всё будет именно так, как должно быть. Мы вскрыли норы Дальних. Мы поняли, где они прячутся и почему мы не могли найти их раньше. Это большая удача; ну, а Старый Хрофт…

– Старый Хрофт, – перебила волшебница, – нарушил Равновесие. Нет, не просто нарушил – разнёс его к Ямерту! Не

могу понять, почему ты так спокоен, Хедин. Сколько раз к тебе подступала – а ты отмалчиваешься. Честное слово, сама готова отправиться к этому старику и, как говорят мальчишки в Хьёрварде, по шее ему накостылять!

– Если надо будет накостылять – накостыляем, – невозмутимо улыбнулся Хедин. – Но пока что никаких нарушений Равновесия я лично не чувствую.

– Хедин, никогда ещё мёртвые не вырывались из-под власти Соборного Духа. Никогда! Никогда ещё Дальние не дерзали взламывать стены его владений. И ты говоришь, что «никаких нарушений»?!

– В Упорядоченном многое происходит впервые. Но мы всё равно в выигрыше, согласись.

– Пока что да, – признала волшебница. – Если всё так бы и осталось, то хорошо. Но Хрофт… всё равно, не могу успокоиться. Он свершил небывалое, свершил при помощи Дальних… а ты остаёшься так же спокоен, словно это твой ученик в точности выполнил приказ. Хрофт выполнял твой приказ, Хедин?

– Нет. – Познавший Тьму чуть улыбнулся. – Это он решил сам. Но… я уверен, что наше дело он не предавал.

– А что они схватились с подмастерьями?

Хедин пожал плечами:

– Схватились. Бывает. Но ничего страшного ведь не случилось, так? Никто не погиб. Несколько раненых не в счёт – мы их быстро поставим на ноги.

– Так хочется тебе верить. – Сигрлинн вдруг зябко обхватила руками плечи. – А я не могу. Беспокоюсь. Хрофт… что-то с ним всё-таки не так, всё-таки он потерял голову, мне кажется…

– Давно нет гонцов от Ракота, кстати, – заметил Хедин. – И сам он молчит. Вот это меня тревожит куда больше Хрофта, должен признаться. Если бы он послал морматов, они были бы уже здесь.

Сигрлинн передёрнула плечом, мол, чего ожидать от нашего Ракота.

Вдвоём с Хедином они смотрели, как легко развалился под натиском Друнгара и Ридаина чудовищный зелёный конструкт Дальних, как десятки кристаллов распались смарагдовыми искрами, а остальные начали тонуть в серой мгле, словно в топком болоте. Подмастерья выполнили свой долг, а хединские магические кристаллы запечатлели всё, что требовалось, чтобы на сей раз наверняка пройти по следу вечно ускользавшего врага.

Им пора возвращаться, да и самому Познавшему тоже – дело сделано. Осталось лишь отыскать Ракота – и не забыть о также пропавшей Гелерре…

– Хедин. Хедин! Да Хедин же! – Сигрлинн сжала кулаки, расширившимися глазами глядя на заполыхавшие вдруг всеми цветами радуги круги огранённых камней.

Познавший Тьму коротко взглянул – и лицо его окаменело.

– Асгард. Он его таки возродил. – Сигрлинн цедила слова, словно подсердечные ругательства. – И всё таки полетело к воронам! Посмотри, что за поток! Ты посмотри, нет, погляди! Это почище Неназываемого!..

Плотно сжав побелевшие губы, Хедин вгляделся в бешеную пляску огней.

– Прорыв. – Наверное, окажись здесь Старый Хрофт самолично, чародейка задушила бы его голыми руками. – Прорыв, Хедин! Все три Источника… отовсюду… он забирает магию отовсюду, держать свой Асгард… оживлять асов… Что станет с клеткой Неназываемого, Хедин?!

Познавший Тьму не ответил. Над кристаллами словно вспыхнула целая россыпь новых звёзд – огненные дуги взмывали над остриями, перепрыгивали с одного на другое, сплетаясь в настоящую сеть. Возникали там стремительно меняющиеся картины других миров, бездонные провалы Межреальности – всё ближе и ближе к той границе, где исчезали равно время и пространство, бесконечно поглощаемые чудовищной сущностью.

Сигрлинн выпрямилась, тяжело дыша. Прижимая руки к груди, она неотрывно следила за Познавшим Тьму.

Лицо его казалось сейчас вырубленным из гранита. Резкие и глубокие морщины рассекли лоб и щёки, в них залегла тьма.

Слово, жест, мысль. Свободно текущая сила взвихряется на остриях кристаллов, они, словно частый гребень, выхватывают отдельные прядки, распрямляют, разворачивают; и кажется – чёрная беспросветная бездна раскрывается навстречу взору Нового Бога, сдаётся, отступает.

– Ты можешь… – горячо прошептала Сигрлинн. – Можешь… я и не знала…

– Молчи! – Никогда ещё волшебница не слышала такой ярости в голосе Хедина. Плащ словно взлетел за его плечами, в волосы вцепился порыв неистового ветра. Со вскинутой руки вниз полился поток серебристого звёздного света.

Он тёк прямо навстречу чёрной бездне Неназываемого, тёк светлой россыпью крохотных светлячков, словно над летним лугом тёплым вечером.

Они текли навстречу черноте, и та жадно глотала их – во множестве и безвозвратно.

– Он оживляет асов… – раздался шёпот не выдержавшей Сигрлинн. – И там же Дальние. Чувствуешь их?

Хедин лишь метнул на неё гневный взгляд – и чародейка осеклась.

В дрожащих, хаотично мечущихся огнях проступили очертания возрождённого Асгарда – и россыпь зелёных кристаллов вокруг него, соединённых росчерками смарагдовых молний.

– Теперь ты понял? – осмелела Сигрлинн. – Он предал тебя, что бы ты ни думал. Твой хитрый план не сработал, Хедин. Старый Хрофт не устоял перед соблазном большой силы, великой силы. Может, он и не так виноват… не всем же иметь сердце из стали.

– Я. Просил. Помолчать, – негромко сказал Хедин, не глядя на чародейку.

– Ну, сердись на меня, сердись, – всплеснула она руками. – Но ты понимаешь, что надо идти и… закрывать эту лавочку, как сказали бы в торговой Бирке? Смотри, смотри, что они делают! Сколько вливают в него силы, сколько отдают! Умно, Хедин, умно. «Справедливость», будь она неладна.

– Успокойся.

– Нет! – топнула она ногой. – Неназываемый может прорваться, но клетка пока ещё держится. А вот старик Хрофт замыкает на себя такие потоки силы – или ему помогают замкнуть, – что скоро его будет уже не остановить без большой, очень большой крови.

– Всё куда сложнее, – покачал головой Познавший. Бешеная пляска огней угасала, словно Хедин успел узнать всё, что хотел. Рука его лежала на эфесе звёздного клинка, подарка огненных ангелов. – Всё куда сложнее, и так просто это не разрубить. Не надо никого атаковать, Си.

– Тогда скажи, – горячо бросила она, взмахивая сжатым кулачком, – скажи, что делать? Ты, Хедин, мой Хедин, Новый Бог, Познавший Тьму, – просто скажи, что делать?

– Оставить Старого Хрофта в покое. Во всяком случае, сейчас. Возмущения в потоках Силы велики, очень велики, нам надо быть уверенными, что Неназываемый или же его подручные этим не воспользуются…

– Вот и прекрасно, – подбоченилась Сигрлинн. – Давай ты этим и займёшься. А я покончу с безобразиями нашего Хрофта. Ты ведь возвращаешь Ридаина с Друнгаром?

– Си, всё не так страшно. В Хрофта влили много силы, это так, да. Но что с того? Ему удалось оживить асов, что ж, пусть. Это дело меж ним и Демогоргоном. Сдаётся мне, желай Соборный Дух помешать Хрофту, он бы помешал. А раз так… Дракон и Орёл могут вести собственную игру.

Волшебница покачала головой.

– Ты защищаешь друга, – горько бросила она. – До последней крайности. Я понимаю. Так же было и с Ракотом. Но… Хедин, дружба, это… – Она болезненно сморщилась. – Ты ставишь её слишком высоко. А я говорю тебе, Хрофта соблазнили силой, и он отрёкся от тебя.

– Слова ничего не значат.

– Не для Древнего Бога с их преклонением перед клятвами! – горячо возразила чародейка. – Хедин, прошу тебя. Позволь мне встать во главе твоих учеников и покончить с этим делом!

– Си, не надо. Поверь, я знаю, что делаю.

Несколько мгновений она молча смотрела на него со странным выражением не то жалости, не то удивления.

– Я тоже, – дерзко бросила она наконец.

– Главное – не наломать дров, – улыбнулся Хедин, но улыбка вышла несколько напряжённой.

– Небось не наломаю.

– Погоди. Давай всё-таки вместе. Только вернём сперва Ридаина и весь отряд.

* * *

Аррис задыхался. Впрочем, это было уже привычным. Брести в полной темноте, против течения, по тёмной пуповине. Пробиваться «наверх». Возвращаться. Возвращаться, потеряв друга.

Почему, почему Ульв сделал это?! Ну да, дело вышло жаркое, но они бы успели, они бы скрылись в тёмном потоке вместе, они бы выбрались. Но вместо этого он…

Тут эльф останавливался. Ярость клокотала в груди, требовала выхода; но лучшее, что он мог сейчас сделать, – это добраться до Аэтероса и рассказать ему всё.

И он доберётся, даже если грудь сдавливает, и кажется, что каждый вдох – последний.

А Ульв…

* * *

Ульвейн смотрел прямо перед собой. Яркий свет заливал всё вокруг, и ничего, кроме него, не было. Хотя нет. Ещё были вопросы.

Их задавал мужской голос, сильный и властный. Имеющий

право спрашивать – или же очень хорошо себя в этом убедивший.

Спрашивавший говорил по-эльфийски, на распространённом во многих мирах диалекте, но не на исходном их языке. Акцент казался скорее человеческим.

– Ты служишь Хедину, именуемому ещё «Познавший Тьму»?

– Да, – безразлично сказал Ульвейн. Во всяком случае, именно таким – равнодушным и безразличным – был его голос.

– Как давно?

– Много-много лет. Мы, эльфы, живём долго. Сколько служу Хедину – не считал.

– Почему ты служил ему?

– Потому что был счастлив на его службе.

– Счастлив служить? Быть прислугой? Не похоже на гордых эльфов.

– Счастлив, – повторил Ульвейн.

– Предположим, – сказал голос. – Что ты делал на службе Познавшего?

– Хранил покой Упорядоченного.

– Каким же образом?

– Разил тех, кто пытался корыстно нарушить Равновесие.

– То есть тех, кто пытался жить своим умом, кто пытался быть себе хозяином? Кто не слушал никаких богов и не воздавал никому хвалы?

– Можно и так сказать. – Ульвейн оставался равнодушен и, похоже, совершенно не запирался.

– Слышал ли ты о Восстании Безумных Богов?

– Разумеется. И не только слышал. По приказу Хедина, Познавшего Тьму, был с теми, кто положил ему конец.

Короткая пауза.

– Я думал, ты станешь всё отрицать.

– Аэтерос учит нас, что правда всегда одолеет и возьмёт верх.

– Даже в плену, в руках врага? Тогда ваш Аэтерос просто глуп.

– Говори что хочешь, вопрошатель. Но пока что Аэтерос оказывался всегда прав.

– Допустим, – ядовито сказал голос. – Но что же вы сделали с так называемыми Безумными Богами?

– Перебили их всех, – ровно и спокойно ответил Ульвейн. – По делам их судили их, и нашли их виновными. Кто-то из них погиб в бою. Кого-то казнили, я слышал.

– А ты сам? – перебил голос. – Казнил самолично кого-то из этих ужасных преступников?

– Нет, не пришлось. Но, когда шёл на штурм – убивал. И не одного.

– Почему же ваш Хедин отдал такой приказ? Чем они были опасны, эти Безумные Боги?

– Тем, что были безумны. Тем, что убивали направо и налево, приносили массу народа в жертву. Магия Крови в самом жутком виде. Их надо было остановить.

– Понятно, – ядовито сказал голос. – Вы перебили дерзких первопроходцев, что огромной ценой пытались найти выход в… впрочем, ты, цепной пёс Хедина, этого всё равно не поймёшь.

– Может, и пойму. – Ульвейн попытался пожать плечами; не получилось – незримые путы держали крепко. Он только и мог сказать, что лежит на чём-то жёстком, но на пыточную камеру это всё же не слишком походило.

– Потом, – жёстко сказал голос. – Всё потом. Так, значит, Безумных Богов вы перебили?

– Перебили, – легко подтвердил Ульвейн.

– И это говорит эльф! – не сдержался допрашивающий. – Раса, что всегда первой шла за окоём! Кто ставил знание превыше всего! Кто лучше кого бы то ни было знал, что новое – бесценно!

– Быть может, – согласился Ульвейн.

– А раз «быть может», говори дальше. Расскажи об армии Познавшего Тьму. Как она велика, сколько в ней просто бойцов, сколько магов, какие заклятия в ходу. Говори, да без утайки!

– Ты видел, наверное, как сражались мы с другом. Вот так же бьётся и вся армия Познавшего Тьму. А как она велика… если ты, вопрошающий, сумел подвести тёмную пуповину под сам Источник Мимира, то, наверное, тебе ведомо и сколько бойцов у нашего Аэтероса.

– Ведомо, – согласился голос из-за пелены слепящего света. – Но хочу услышать твой ответ. Хочу понять, насколько он правдив.

– Примерно три тысячи, – беспечно сказал Ульвейн. – Чуть больше, чуть меньше – не знаю. Отряды ходят сами по себе, и зачастую ты не знаешь в лицо остальных учеников.

– Гм… Ты откровенен, ученик Хедина. Откровенен со своими пленителями. Почему?

– Аэтеросу не повредит правда.

– Ты действительно так думаешь? Похвально, похвально… и очень полезно – для нас и нашего дела.

– Едва ли, – не стал дожидаться вопроса Ульвейн. – Аэтерос дал нам боевую магию, но о его собственных силах или их пределах никто ничего не знает. В это он нас не посвящал.

– Как же, станет он, – насмешливо перебил допрашивающий. – Но ты всё равно расскажешь мне о Познавшем Тьму всё, что знаешь. Какой он. Как говорит, что говорит, во что верят следующие за ним. Ты расска…

– Расскажу, – спокойно ответил Ульвейн. – Правда не повредит Аэтеросу.

Голос умолк на время.

– Ты озадачиваешь меня, – признался он вдруг. – Я ожидал, что такого редкостного пленника придётся вскрывать, ломать, как замок на старом сундуке, а вместо этого ты болтаешь, словно подавальщица в портовой таверне. Остальные слуги именуемого тобой Аэтеросом столь же разговорчивы?

– Кто-то из них скорее умрёт, чем заговорит. Но это потому, что они мало верят в Аэтероса. Потому что считают его… обычным волшебником, только сильнее других. Что их слова могут… причинить ему вред.

– Ка-ак интересно, – без тени иронии или сарказма сказал голос после некоторого молчания. – Ты удивил меня вторично, эльф.

– Я верую в Аэтероса. Ничто, мной сказанное, не сможет помешать его триумфу, его конечной победе. Вчерашние враги падут на колени, рыдая и раскаиваясь, станут умолять его о прощении…

– И многие из Безумных Богов поступили так? – перебил допрашивающий.

– Немало. – Ульвейн вновь постарался пожать плечами.

– Кажется, ты начинаешь лгать и изворачиваться, эльф. Они были все перебиты, разве не это ты сказал мне ранее?

– Разумеется. Те, кто не сумел победить безумие своей якобы «божественности», прекратили быть. Но те, кто излечился, – они тоже прекратили быть Безумными Богами, сделавшись кем-то иным. Так что я не солгал тебе, безымянный. Безумных Богов не стало, они были перебиты. Но я не говорил, что каждый из них был лишён существования.

– Ловко выкрутился, – усмехнулся допрашивающий. – Ну ладно, говори дальше. Скажи теперь…

– Пусть ответит, – резко перебил вдруг новый голос, ниже и яростнее первого. – Пусть ответит, чем они…

– Брат! – не менее резко перебил первый из допрашивавших. – Брат, дай мне закончить. И тогда… – Он внезапно перешёл на совершенно иной язык, сильный и звучный, чем-то напоминавший праэльфийский, но куда сложнее, прихотливее, изощрённее.

Ульвейн сохранял бесстрастное и равнодушное выражение. В лице его ничего не дрогнуло – но внутри он позволил себе улыбнуться.

Всегда приятно сознавать, что не ошибся.

* * *

– Знакомые места, мой Хедин.

– Равнины Иды, Си. Молодые Боги тут особенно постарались – столько времени прошло, а как была пустыня, так пустынею и осталась.

– Мы сюда не заглядывали… – Волшебница замерла, вглядываясь в сияние впереди, где золотое смешивалось с изумрудным.

За спинами Сигрлинн и Хедина замер отряд Ридаина и Друнгара. Выглядели бойцы изрядно-таки ошалевшими – не каждому выпадет пройти к самой границе владений Соборного Духа, схватиться там с Дальними, а потом в единый миг оказаться выдернутыми оттуда и брошенными сквозь Межреальность прямо к старому доброму Хьёрварду, где творилось в этот миг невесть что.

Хедин казался, по всегдашнему обыкновению, невозмутимым; Сигрлинн же, напротив, хмурила брови, покусывала губу, а кулаки её, похоже, так и не разжимались всю дорогу.

– Надо атаковать, Хедин. Смотри, что делается; Дальние во всей красе. Целый частокол возвели, вторая стена, считай. И где, спрашивается, Ракот, когда он как раз и нужен позарез? Его ж стихия, его бой…

– Всё будет хорошо, Си. – Познавший Тьму вдруг обнял её, резко и властно, прямо перед сотнями глаз эльфов и гномов.

– Правда? И ты больше этому безобразию потворствовать не будешь?

Познавший Тьму улыбнулся, покачал головой.

– План, знаменитый план Хедина, куда ж без него, – вздохнула чародейка, касаясь лбом щеки Познавшего. – Но мы ведь атакуем? Правда?

– Мы атакуем, – медленно проговорил Хедин. – Атакуем Дальних. Очень аккуратно и осторожно. Старый Хрофт нам не враг. Даже если он… – Познавший Тьму сделал явное усилие, – если он в самом деле перешёл на их сторону, без Дальних он – никто и ничто. Он не опасен. А вот наши зелёные приятели…

– Снова выгораживаешь друга, мой Хедин? Нет, сердце моё, он именно что стал опасен сам по себе, твой Хрофт. Не видишь замкнутых на него потоков, не чувствуешь? Очень зря. Сидение в Западной Тьме очень, знаешь ли, обостряет нюх. Дальние это сделали или не Дальние, но Хрофт стал могуч, словно… – она помедлила, подбирая сравнение, – словно Ямерт в лучшие его времена.

– Ямерт? В «лучшие времена»? – Хедин не смог скрыть

удивления. Сигрлинн явно сказала нечто, совершенно не вязавшееся ни с ней самой, ни с реальностью. – Помилуй, Си, но я…

– Не веришь мне – расставляй свои кристаллы! – недовольно и с обидой бросила волшебница. – Расставляй, расставляй, да смотри как следует! Асы вот-вот оживут, если уже не ожили, у них вновь власть над стихиями Хьёрварда, и не только его! Хрофт сотворил… новых богов! Лучше, сильнее, могущественнее того, чем они были!

– Откуда ты знаешь? – Изумление Познавшего Тьму невозможно было бы сыграть. – Как ты можешь это ведать?

– Знаю и ведаю! – отрезала чародейка. – Атакуй, Хедин, атакуй всеми силами, немедленно! Займись Дальними, я – как уже говорила – принесу тебе голову Хрофта!

– Перестань, – поморщился Новый Бог. – «Принесу голову Хрофта»… зачем, для чего? Что это изменит?

– Дальние лишатся своего самого могущественного оружия, – яростно прошипела Сигрлинн. – А это, мой дорогой, изменит всё! Абсолютно всё!

– Древних Богов немало в Упорядоченном. Пусть уж лучше их «оружием» станет Хрофт, мой друг, с которым мы всегда…

– Забудь о нём, – почти взмолилась Сигрлинн. – Это уже не Хрофт, с которым ты странствовал, с которым пил пиво и дрался плечо к плечу. Это… мертвяк, мертвяк, оживлённый Дальними. Их зомби, их послушный слуга. Если ты двинешься сейчас к Асгарду, он ударит – потому что не может остановить обряд, который – надеюсь, хоть это ты чувствуешь?! – сейчас идёт там.

Хедин пожал плечами:

– Си, предоставь Хрофта мне. Мы всё уладим, поверь, сейчас надо покончить с армией вторжения.

– С армией вторжения Дальних?! – горько рассмеялась Сигрлинн. – Полно, Хедин, не обкурился ли ты дурманных трав? Говорят, альвы – а особенно альвийки – до них большие охотники. Здесь нет никакой «армии». Это просто средства для трансформы, для того чтобы Старый Хрофт окончательно сделался бы тем, что они задумали.

– Ну вот с них и начнём, – легко кивнул Познавший Тьму. – Хрофта оставим на закуску.

– Хорошо, – сдалась наконец Сигрлинн. – Но, умоляю тебя, взгляни на эти твои кристаллы. Ничего не скажешь, придумал ты их здорово… показывают всё, как есть. Надеюсь, ты мне поверишь, хотя бы взглянув на них. Хотя… зачем мне тебе врать?

– Каждый из нас может ошибиться, – дипломатично заметил Хедин.

Сигрлинн фыркнула:

– Расставляй кристаллы. Надеюсь, это не займёт слишком много времени, и я успею тебя убедить…

* * *

Они стояли втроём в сгущающихся сумерках, Райна, её мать Сигрун и Ракот Восставший. Перед ними ласково светились окна трактира – того самого трактира. Над трубой поднимался дымок, дверь была широко распахнута, и на землю из неё падал светлый прямоугольник, словно приглашая не церемониться и входить как есть, без стука.

– Я была здесь, – замерла Сигрун. Руки её заметно дрожали, хотя чего может бояться уже умершая?

– Ничего, мама. Трактирщик – он хороший. Честное слово.

– Нет, доченька. Не хороший он и не плохой, он просто – Трактирщик. Со всеми поговорит, для любого у него слово найдётся. И для воина доблестного, и для татя ночного. Не делает он меж ними разницы…

– Ну а нам-то что?

– А то, доченька, что ключи-то у него. Без его дозволения не выйти мне.

– Мама! Чепуха это! – своенравно вскинулась Райна. – Я асов вывела, и никто ничего мне не позволял специально!

– В самом деле? – усмехнулась Сигрун. – Доченька, отец мой хоть и йотун, а не ас, да, видать, я достаточно долго в здешних краях просидела, понимаю, что к чему. Трактирщик тебе помог, на путь наставил, советы дал. Обещал, по твоим словам, что ты меня встретишь – и ты встретила. Всё он про тебя знает, и на асов было у тебя его дозволение. А иначе ты бы и шагу тут не ступила.

– Уж так уж и не ступила бы!

– Слушай и не перечь! – прикрикнула Сигрун. – Коль в самом деле хочешь меня отсюда вывести – надо с Трактирщиком говорить. А это… страшно.

– Фью! Говорила я с ним уже. Славный дядька, я б с таким на поле брани б вышла, спину б свою ему прикрывать доверила.

– Ничего-то ты, доченька, не углядела, – вздохнула Сигрун. – Ну да делать нечего, коль пришли – зайдём. Хотя у меня поджилки трясутся, и это – последнее место, куда мне по доброй воле зайти б захотелось.

Она оглянулась на молчаливого Ракота. Восставший словно ничего не замечал, погружённый в тягостные раздумья. Он оставил позади Мимира. Сейчас собрат Хедина понимал старого

йотуна, или, во всяком случае, был почти уверен, что понимает.

Мимир решил, что настало время Рагнарёка. Не такого, как возвестила вёльва, но всё равно – конец Упорядоченного стремительно приближался, и древний великан поспешил к единственному месту, где мог отыскать ответ – что делать.

Жаль только, что ответ этот он искал лишь для себя самого.

Говорить с Ракотом по существу своенравный гигант не возжелал. Долго крутил, ходил кругом да около, предоставив Восставшему догадываться обо всём самому – сейчас, воочию увидав Престол, Ракот понимал почему.

И чем больше он думал об открывшемся ему, тем сильнее продирал его по спине самый настоящий ужас. Только теперь, не тогда, не там – сейчас.

Мёртвое око, истинная дыра в ничто, тропа меж Упорядоченным и Хаосом, дорога в никуда. Остывший след Творца – и залог Его возрождения.

Сейчас осознание этого билось в висках Ракота, словно пара стенобойных таранов. Он яснее ясного видел сейчас, как это случится, как исполнившиеся Пророчества Разрушения шаг за шагом, мир за миром приближают тот миг, когда Престол вновь оживёт, стронется с места – или, вернее, так это увидят глаза смертных или бессмертных.

Но ни Райне, ни её матери сейчас не было никакого дела до раздумий и колебаний Восставшего.

С крыльца трактира раздался знакомый бас.

– Ну, заходите, коль пришли.

* * *

Я Хедин, Познавший Тьму.

Я бог Равновесия. Я не зол и не добр, громадное большинство смертных или бессмертных обитателей Упорядоченного даже не подозревает о моём существовании. Множество лет я считал, что так и должно быть; бесчисленные битвы убедили в этом. Чем меньше богов, тем лучше. Мы не правим, мы делаем так, чтобы Упорядоченное просто было.

Сейчас, стоя перед Асгардом, слушая сбивчивые слова Сигрлинн, где гнев мешался со страхом, я понимал, что ошибался. Что всё, во что верили мы с Ракотом, оказалось пустышкой, обманом, цветным осколком на дне быстрого ручья. Игрой отблесков, сплетением смыслов, придуманных самими нами.

А сейчас передо мной высился Асгард Возрождённый. Стены

его вознеслись за невиданный срок, по нашему счёту – лишь несколько часов, хотя на равнинах Иды для самих строителей прошло много недель и месяцев. Мечта Старого Хрофта исполнилась – или должна была вот-вот исполниться. Мне стоило немалых сил открыть сюда дорогу, сделать так, чтобы усталые, вымотанные боем у владений Соборного Духа мои подмастерья оказались бы здесь и были способны к сражению. Сигрлинн хотела, чтобы я «расставил кристаллы», но сейчас они были уже не нужны.

Подобно тому как разноцветные дымы способны сделать видимым ветер и вихри, смарагдовое сияние исполинских кристаллов смешивалось сейчас с тугим смерчем свободной силы, устремлявшимся с серых небес вниз, к возрождённому Асгарду. Я видел, как смерч этот стягивался в тонкое разящее копьё, вонзавшееся в многострадальную твердь равнин Иды, словно норовя пробить её насквозь.

Я видел и фиолетовый отсвет магии альвов. Чудовищный поток, обрушившийся на Асгард, сделал видимой даже её.

Оружейница. Её работу я узнаю из тысячи – сотворённый ею клинок жадно наливался мощью, обретая свободу и сознание.

Сигрлинн что-то кричала рядом; я не отвечал, потому что прямо передо мной, на наших глазах воплощалось то самое, что, как я считал, никогда не может случиться.

«Старый Хрофт никогда не предаст».

– Смотри! Смотри же! – Си повисла на мне.

Небо раскрывалось, из серой воронки один за другим появлялись новые и новые кристаллы Дальних. Взор мой проникал сейчас сквозь стены, сквозь дерево и камень, и я видел, как Старый Хрофт, весь окутанный золотисто-зелёным сиянием, сделал неуверенный шаг, рука его пыталась поднять пылающий яростным фиолетовым пламенем меч Айвли.

Асы ожили. Я видел – они потянулись следом за Одином, в истинной плоти. Тем не менее чего-то им ещё не хватало, какой-то малости, ничтожного фрагмента, без которого, однако, мозаика оставалась незаконченной.

Один брёл словно полуслепой, шатаясь. Альвийский меч дрожал в его руке, остриё рыскало туда-сюда; Старый Хрофт оставил позади площадь, он огибал величественный зал Валгаллы – там оставалось пустое место, дыра, словно рваная рана. Когда-то, по рассказам того же Хрофта, там высился Иггдрасиль, священный ясень, почитаемый Мировым Древом, когда Древние Боги владели Хьёрвардом.

– Хедин! – взвизгнула Сигрлинн, и щека моя вспыхнула от её удара. – Приди в себя! Хрофт замыкает на себя всю силу, что… до

чего может дотянуться! Я больше ждать не буду! Если ты сам не желаешь спасать себя и своих – то я спасу сама!

Вокруг неё взметнулись протуберанцы яркого, оранжево-золотистого пламени; прекрасный феникс расправлял крылья, и голос Сигрлинн, могучий, исполненный силы и гнева, пронёсся над замершими рядами моих подмастерьев.

– За мной! Именем Хедина!

Я остался неподвижен. Только скрестил на груди руки.

Наступал момент, ради которого всё составлялось и задумывалось. Дальние раскрылись целиком и полностью, я видел их пути и дороги, их тайные тропы, их отнорки и укрывища в изнанке Упорядоченного, куда нам – хозяевам «настоящего мира» – ход был до поры до времени закрыт.

Я видел протянувшиеся там же капилляры Хаоса. Барьеры Творца держались крепко, Хаосу не было хода сюда, на «лицевую» сторону Упорядоченного, но в изнанке его эманаций хватало. И это тоже было важно, потому что противоположности – Хаос и Дальние – сходились здесь, используя друг друга, как бы дико это ни звучало.

Цель достигнута. Теперь оставалось накрыть их всех давно заготовленными (как, впрочем, и только что обновлёнными) чарами, загнать обитателей смарагдовых глубин обратно, туда, за их грани, положить новые пределы Хаосу, не нарушая тем не менее Равновесия, установленного Творцом. Если Он отдал изнанку Упорядоченного им, значит, это было в Его замысле. Вот пусть там и пребывают, а на нашу сторону им хода быть не должно, и никакой власти им тут не положено тоже. Конечно, теперь мы с Ракотом их не оставим без внимания, не дадим спокойно сидеть и плести новые козни; но пока что – пока что надо их просто вышибить отсюда.

Разумеется, не моими подмастерьями.

Феникс заложил крутую петлю в воздухе. Часть подмастерьев последовала за Сигрлинн, другие несколько растерянно воззрились на меня.

Эта атака не имела никакого значения. С Дальними справятся на сей раз не мечи и огнебросы, а чары, настоящие чары, которые наконец-то можно пустить в ход, не опасаясь за это проклятое Равновесие, будь оно неладно.

И этого тоже удалось добиться благодаря моему плану.

Конечно, оставались невыполненными ещё два важных пункта. Один из которых, в облике огненного феникса, пытался сейчас увлечь моих подмастерьев в атаку…

Поэтому – пусть увлекает.

Глухую боль в сердце от этой мысли, серое и тяжкое отчаяние

я приказал себе не ощущать. Я сейчас не Хедин, Познавший Тьму. Я бог Упорядоченного, тот самый, которому доверено.

И именно сейчас пришла пора оправдывать это доверие.

А тем временем Хрофт добрался наконец до самой середины пустого пространства, где некогда высился Иггдрасиль.

Отца Дружин шатало, я видел это даже из своего далека. Асы обступили его, надвинулись, словно тщась сбить, задавить и затоптать. Óдин, похоже, хоть и помрачённый, понял – что-то пошло не так. Альвийский меч описал огненную дугу, и асы подались назад; сознание, похоже, к ним пока ещё не вернулось.

– Аэтерос, какие будут приказания? – возник рядом Ридаин.

Всё, что мне удалось, – это сделать жест, мол, подожди. Внезапно нахлынул страх, что, если я разорву эту связь, если прервётся видение, войти обратно в тот же поток силы у меня уже не получится.

Óдин выпрямился с явным трудом. Оглядел асов, вновь качнувшихся к нему, но на сей раз отмахиваться клинком он не стал. Напротив, вскинул его высоко над головой, двумя руками ухватившись за эфес и направляя остриё прямо вниз.

Миг – и альвийский меч с шипением вонзился в твердь Иды.

Ровно там, где когда-то рос Иггдрасиль.

Земля вздрогнула, заколебалась, по ней пошли судорога за судорогой. Разорвав небеса, прямо на возрождённый Асгард низринулось нечто вроде изумрудного копья – кристалл Дальних, крупнее которого мне ещё не приходилось видеть, величиной с крепостную башню.

А навстречу ему из вонзённого в твердь альвийского меча ударил фонтан фиолетового пламени, обхватил кристалл, впился ему в грани, и я увидел раззявленную в немом вопле зубастую пасть, скрывавшуюся за отполированной поверхностью смарагда.

Кристалл падал всё медленнее и медленнее, пока не остановился полностью, не в силах прорвать завесу фиолетового огня. Одна за другой зазмеились чёрные трещины, и…

…огромный изумруд взорвался. Я едва устоял на ногах, а вот все подмастерья – свалились. Зелёное облако оказалось стремительно пожрано альвийским огнём, а сам клинок Айвли вдруг начал расти и меняться. Рукоять вытягивалась, становясь стволом, крестовина оборачивалась ветвями, лезвие одевалось корой, из-под которой тем не менее настойчиво пробивался всё тот же фиолетовый отсвет.

Молодое деревце начало расти, потянулось вверх, выбрасывая новые и новые побеги. Ветви и ствол становились всё толще, кора темнела, затрепетала молодая листва.

Прямо на глазах у всех стремительно наливался соками,

матерел новый Иггдрасиль. Новый, очень похожий на прежний – но всё-таки не прежний, потому что в сердцевине его скрывался стальной альвийский клинок.

Асы отступили. Один за другим они падали на колени, умоляюще простирая руки к Одину. Отец Богов уже не шатался. Ладонь его легла на распухающий ствол молодого ясеня, и в небесах прокатился раскат грома.

Ветвистая молния грянула вниз, и тут я заметил рядом со Старым Хрофтом ещё одну фигуру. Фигуру тёмную, словно окутанную магическими покровами, но в руках её что-то ярко блистало.

Молот. Боевой молот, только что поглотивший без остатка стрелу небесного огня.

Да… Хрофт рассказывал. Молот Тора, его старшего сына, считавшийся утраченным на Боргильдовом Поле. Откуда ж он взялся тут?

– Аэтерос?! – уже с отчаянием взмолился Ридаин. Друнгара видно не было, похоже, пытался навести порядок в строю.

И вновь я не ответил. Это было важнее всего, важнее даже Дальних и слуг Хаоса. Этого не было в плане, его придётся менять… в пределах того, что я предвидел.

Я отводил подобному исходу малую вероятность, однако именно она и начала воплощаться.

Что ж, на этот случай у меня тоже имелись кое-какие мысли. Но, конечно, чего уж говорить – тяжко. Тяжко так… ошибаться.

Вершина новорождённого Иггдрасиля поднималась уже выше золотой кровли Валгаллы.

Конечно, не просто «священного ясеня». Конечно, много большего, чем просто магическое дерево. Древняя магия возрождённого Асгарда сливалась в нём с магией альвов, и это, надо сказать, мне очень, очень не нравилось.

Не нравилось до такой степени, что я уже почти отдал приказ Ридаину с Друнгаром атаковать, атаковать немедленно, но…

* * *

Аррис потерял счёт времени, пробираясь по тёмной пуповине. Он чувствовал – что-то изменилось, и изменилось необратимо.

Во-первых, тьма оставалась непроглядной и нерассеиваемой. Несмотря на поток силы, эльфу не удалось засветить и самого слабого магического огонька. Хорошо ещё, что в залитой мраком кишке глаза ему пока что были не особенно нужны. Он задыхался по-прежнему, но заставил себя привыкнуть к этому. В конце

концов, пуповина не бесконечна.

Он брёл словно по подбородок в тёмной воде, расталкивая её плечами, разводя грудью. Об Ульвейне он думать себе запретил. Ученику Аэтероса надлежало в первую очередь доставить вести, наиважнейшие, небывалые; грусть и скорбь позволим себе уже потом…

За миг до удара всё оставалось тихо, безмолвно, темно и мёртво. Ничего, кроме эльфа и давящего напора силы, похищенной из Источника Мудрости.

А мгновение спустя всё изменилось. Аррис вдруг ощутил, что опора под ногами исчезла, что он летит, не то вниз, не то вверх, а быть может, и в стороны – во все одновременно.

Провалилось сердце, живот свело судорогой. Тёмный эльф что было сил вцепился в саадак с луком и в рукоять меча на поясе; его закрутило, завертело, ураганный ветер хлестнул по лицу, обжигая; но даже этот порыв не смог прогнать непроглядную темень.

«Что это? Откуда это? Почему? Погоня?..» – заметались суматошные мысли.

Он ощущал себя сейчас поистине осенним листом на ветру. Подхваченный сумасшедшим порывом, он мчался сквозь время и пространство, отделённый и от первого, и от второго тёмной пуповиной, бывшей когда-то жутким чудовищем. Аррис уже не сомневался – неведомые хозяева магомеханического монстра, обнаруженного ими с Ульвейном, решили наконец покончить с улизнувшим дерзким лазутчиком.

Однако это оказалось не так. Совсем не так, и Аррису пришлось убедиться в этом весьма неприятным способом – в спину внезапно ударил куда более мощный поток магии, словно давно поднимавшаяся вода прорвала наконец запруду.

Поток помчал его вверх, помчал с чудовищной силой; Аррис захлёбывался, сила пронзала его, словно тысячами тысяч раскалённых игл. Ничего не видя, не слыша, разрывая рот диким криком боли, которого он не слышал сам – всё потонуло в неистовом рёве и грохоте, – он мчался «вверх», как ему хотелось бы верить.

* * *

Я видел это, видел от начала и до конца.

Видел, как асы, осознавая себя, то замирали, глядя в полном изумлении на собственные руки, то начинали прыгать и обниматься, словно не Древние Боги, славные и грозные в своё

время, а простые смертные.

Я видел, как Одина обнимали богини, как упал перед ним на одно колено рыжебородый богатырь Тор, высоко поднимая молот.

И ещё я видел, как спустившаяся с небес воронка Силы словно всасывается в Старого Хрофта, а уже от него ручейки протягиваются к остальным асам и асиньям.

Я видел замершую Сигрлинн, по-прежнему в образе феникса, я чувствовал её отчаянный взгляд, мол, ну что же ты, атакуй же, отдай приказ!

Я видел всё, и я знал, что атаковать никак нельзя. Уже пришли в действие жернова чудовищных заклинаний, мельницы ожили, готовые к делу.

Я не давал горькой обиде овладеть собой, потому что эта часть плана содержала больше всего неопределённостей и их надо было устранять вот прямо сейчас, немедленно.

Я был готов ко всему. Но не к тому, что последовало.

Очередная судорога земной тверди, очередная корча равнин Иды.

И там, где уже возносился новорождённый Иггдрасиль, от его подножия, от змеями расползающихся во все стороны корней, вверх ударил фонтан… воды.

Воды конечно же не простой, воды, настолько пронизанной магией и ещё какими-то эфирными субстанциями, кои в единый миг опознать не смог даже я.

Вода выбросила к нижним ветвям Иггдрасиля и что-то ещё, издали показавшееся человеческой фигуркой. Сигрлинн-феникс яростно взмахнула крылами, бросаясь прямо ей наперехват – но я уже знал, кто это.

Своего подмастерья узнаешь сразу. И действуешь, а уж потом – удивляешься.

Я успел прикрыть его облаком, прежде чем фонтан сменился яростным гейзером перегретого пара.

Один единым мановением руки, безо всяких рун, разом накрыл всех асов прозрачным золотистым куполом – клубы пара обтекали его, не в силах пробиться.

Феникс пронёсся над скрывшим эльфа Арриса облачком, оно послушно потянулось за ним – и тут снизу в Сигрлинн полетели арбалетные стрелы.

Гномы. Мастера Кольчужной Горы, те самые, что возводили Асгард. Они словно выплыли из невидимости, точно чья-то рука разом сдёрнула магический покров. Вздеты брони, вскинуты самострелы, чёрный рой пронёсся рядом с огненным фениксом.

Только выучка и выдержка отряда Ирдаина с Друнгаром оставили их на месте.

Из-под корней нового же Иггдрасиля забил новый источник.

Источник Магии.

Четвёртый Источник Магии в Упорядоченном.

Феникс-Сигрлинн уже опускалась рядом, таща за собой окутавшее бесчувственного Арриса облачко, а я, едва вглядевшись в новорождённый источник, не успев даже изумиться, уже ощутил жуткую, валящую с ног дурноту.

Забивший в Асгарде источник совершенно не походил ни на чистый и светлый Урд, ни на тёмный Кипящий Котёл, ни даже на Источник Мимира, самый, на первый взгляд, «простой» из всех трёх.

Да, он извергал магию, извергал могучим потоком. Буйным, ничем не сдерживаемым, и тонкое Равновесие меж тремя остальными источниками рухнуло.

Этого не было ни в каких планах.

Впервые за множество лет и веков я ощутил ужас. Настоящий ужас, когда трясутся поджилки; надо было срочно останавливать, разворачивать назад уже пришедшие в движение чары, перенаправлять потоки, чтобы всё дело не кончилось бы новой катастрофой и выжженными мирами.

А от стен нового Асгарда с ликующим кличем уже двигались ряды гномов. Двигались опустив копья, нацеливаясь прямо на наш отряд.

Сигрлинн очутилась на земле, вновь в человеческом облике; она быстро склонилась над Аррисом, короткими, мягкими пассами приводя его в чувство.

И – я вмиг ощутил это – заклятия сработали совершенно не так.

На эльфе вспыхнула одежда, тело его изогнулось в жуткой судороге, и побелевшая Си, сорвав с плеч собственный плащ, набросила его на огонь.

– Ну, теперь-то мы атакуем?!

– Нет! – крикнул я. – Отходим, отступаем! Не ввязываемся!

Но было уже поздно.

Огромный волк вырвался из врат Асгарда, ринулся к нам, становясь с каждой секундой всё крупнее и выше. Магия пришла в полное расстройство, можно сказать, вокруг крепости Старого Хрофта воцарился настоящий Хаос. Мои подмастерья поспешно сбивали ряды, поднялись гномьи бомбарды, готовые встретить гиганта.

С этим волком бойцы Ирдаина и Друнгара уже встречались.

И тут я ощутил, что вообще не могу передать подмастерьям свою волю. Не могу отдать приказ отступить – небывалое бессилие вдруг навалилось давящей тяжестью, когда я не мог

даже раскрыть рот, крикнуть, предупредить…

Нельзя, нельзя, надо отходить, немедля!

– Си! Нет! Уходим!.. – прохрипел я.

Она обернулась, настоящая богиня войны, Прекрасная Дама, которой поклонялся целый рыцарский орден.

– Я сказала, Хедин – если ты не желаешь себя защищать, я сделаю это сама!

– Нет, Си, ты что, не чувствуешь?! Магия сошла с ума, заклятия не действуют!

– Неправда! Действуют, хоть и не так, как должны! Но ничего, ничего…

Громадный волк растянулся в прыжке, и его встретило сразу множество огнешаров. Шерсть вспыхнула, но сразу же и погасла – из-за стен Асгарда вырвался словно длинный невидимый язык, выплеснувшийся из новорождённого источника.

– Си! Отступаем! Умоляю тебя!

Это подействовало.

План мой летел в бездну. Одна из важнейших его частей оставалась полностью не исполненной – та, что касалась Сигрлинн.

Гномы Кольчужной Горы меж тем добрались до моих подмастерьев, и те ударили в ответ – как могли и как умели.

Яростные вспышки расшвыривали дружину Одина, рвали её ряды, длинные стрелы эльфов Ирдаина разили без промаха – они умели обходиться, если надо, и вовсе без магии.

Следом за волком-исполином из ворот Асгарда выбежал рыжеволосый богатырь Тор, высоко вскинув свой молот. За ним торопился десяток воинственного вида дев в роскошных серебристых доспехах, а ещё дальше – другие асы.

Кровь пролилась; а я ничего не мог сделать.

– Аэтерос?! – Ирдаин оказался рядом, замер было, а потом решительно подхватил меня под руку. И вовремя, потому что слабость и дурнота валили с ног.

– Спокойно, – вырвался у меня хрип. – Отходим. Все… отходим. Сейчас… открою… дорогу…

И я её открыл. За спинами подмастерьев один за другим вспыхнули высокие арки порталов. Нехотя, огрызаясь, воины Ирдаина и Друнгара выходили из боя.

Воинство Старого Хрофта торжествующе взвыло.

Сигрлинн, казалось, сейчас прожжёт меня взглядом.

Поддерживаемый эльфом, я последним шагнул в портал.

Мы отступали, мы бежали. Но иначе было нельзя.

Четвёртый источник. Асгард Возрождённый. Старый Хрофт, ставший… кем?

И клетка Неназываемого, с которой неведомо что.

И Дальние, которых я рассчитывал накрыть всех, разом, чтобы потом, пройдя открытою тропой, покончить с их вторжением окончательно.

– Аэтерос?

– Всё будет хорошо, Ирдаин, – выдавил я из себя.

Рядом несли жестоко обожжённого Арриса, вновь впавшего в забытьё.

И лишь когда перед нами раскрылось Обетованное, я вдруг осознал, что больше не вижу белого платья Си.

Она исчезла, не попрощавшись.

Всё, что я смог сделать, – это закрыть на миг глаза и выругаться про себя самыми чёрными словами, какие только смог вспомнить на всех ведомых языках.

Асгард возрождён. Война за Упорядоченное стала всеобщей.

И Сигрлинн, моя Сигрлинн, оставила меня.

Эпилог

– Эх, доля моя горемычная, – привычно уже простонал вампир Ан-Авагар, загоняя к чёрному провалу очередную вереницу душ. – И за что ж мне оно такое выпало!

Стенать и жаловаться недостойно истинного вампира, но сейчас Ан-Авагару было не до того.

Он устал, жутко устал. Каждое движение вызывало боль, словно и не суставы у него, а еле-еле сцепленные друг с другом кости, обсыпанные песком.

Он кое-как приноровился водить души в Хель, как повелел великий Хедин. Кое-как приспособил заклятия, обратные тем, что разупокаивали погосты, кое-как научился сбивать неприкаянные призраки в подобие овечьей отары и, как отару же, гнать их вперёд. И да, спасибо жуткому воину Яргохору, явно вышедшему из какого-то подземного царства, – подсказал, подучил. Вампир сперва было решил, что его труды окончены, но Яргохор лишь воззрился на выкормыша Эйвилль сквозь залитую тьмой смотровую прорезь шлема, и вампир тотчас осёкся.

Сам Яргохор, невесть откуда взявшийся и невесть кем посланный, лишь бросил, что, дескать, он пройдёт в Хель и вернётся обратно. Ему, мол, надо там кое-что увидеть и узнать.

Ну, пусть его. Участь самого Ан-Авагара от этого легче не стала. Разве что самую малость, Яргохор всё-таки помог, не приходилось теперь гоняться за ускользающими, словно рыбы из порвавшегося невода, душами.

Что сказала бы Клара Хюммель, увидав меня за таким занятием?

Ах, да пусть говорила бы, что угодно, лишь бы говорила.

Вампир тяжело вздохнул в очередной раз, взмахом руки приказывая душам следовать дальше. Плечи его сгибались, словно он волок на себе здоровенный мешок с песком.

Клара, Клара… где ты теперь? И когда же великий Хедин снимет с меня эту тягость?

* * *

Тот, кого звали Яргохором, а ещё раньше – Ястиром, молча стоял перед пустым троном. Когда-то давным-давно здесь восседала страшная великанша Хель, правительница этого царства мёртвых. Трон пустовал уже невесть сколько веков; с дня Боргильдовой Битвы это место не имело правителя.

Яргохор стоял долго, молча взирая на постамент. Мрачные своды нависали над головой, где-то невдалеке сонмище душ влачилось по бесплодным пажитям страны усопших, не в силах покинуть их и отправиться к Демогоргону, великому и страшному.

Закованные в латные перчатки руки медленно поднялись, сняли высокий шлем.

Вместо лица у Яргохора вновь оказалось сплошное чёрное пятно, без глаз, носа или рта, вообще без каких-либо черт.

Серый меч поднялся и рухнул, вонзившись прямо в камень у подножия трона. Бывший Водитель Мёртвых медленно уселся на трон, так же медленно положил обе руки на подлокотники.

– Отныне, – услыхали своды, – се – моё!

И после паузы:

– До срока. Когда мы вернёмся.

notes

Примечания

1

См. роман «Удерживая небо», стр. 320–364.

2

См. роман «Гибель Богов», стр. 310.